

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД России

№ 2 (89) 2019

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.
Выходит четыре раза в год

ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074
тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953
Телетайп: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права РПА Минюста России

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права РПА Минюста России

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судопроизводства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по учебной работе

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чуксина, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, профессор, ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25 июня 2019 г. Формат 60 × 84/8

Усл. печ. л. 32,0. Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 34

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 2 (89) 2019

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education "East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registration: The Federal service for supervision in the sphere of mass communications

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
факс: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2019

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Chief of East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Science

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

A. V. Vardanyan, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. I. Gavrilov, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the RLA of the Ministry of Justice of Russia

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the RLA of the Ministry of Justice of Russia

V. V. Nikolyyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S.L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the East-Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for academic affairs of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.
Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means.
Copyright violation is prosecuted.
The republication is allowed after the Editorial board permission only.
Publication is for free. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Титова Е. А. Формы и методы правовой пропаганды в деятельности органов внутренних дел	9
Чесноков А. А. Проблемы становления базовых экономико-правовых институтов Российской Федерации	19

Конституционное право: конституционный судебный процесс; муниципальное право

Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о ключевых функциях Конституционного Суда Российской Федерации.....	33
---	----

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Бархатова Е. Н. Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней.....	43
Ермаков С. В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию.....	53
Кобец П. Н., Краснова К. А. Противодействие незаконному обороту наркотиков и организованной преступности в Финляндской республике: проблемы и достижения.....	62
Малыхина Т. А. Проблемы предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.....	70
Никеров Д. М., Хохлова О. М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России.....	82
Романова Н. Л., Никитина Л. К. Вопросы применения норм об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений (по материалам Иркутской области).....	94

Уголовный процесс

Булыжкин А. В., Чаплыгина В. Н. Особенности реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства	104
Дикарев И. С. Правила допустимости доказательств с позитивным характером в уголовном процессе.....	112
Ищенко У. С., Можяева И. П. Система гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве	121
Пупышева Л. А. Проблемы унификации понятий (терминов) в законодательстве об уголовном судопроизводстве и исполнении уголовных наказаний	132

Россинский С. Б. Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство 143

**Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Грибунов О. П. 100-летие Экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории.....155

Бегалиев Е. Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий 163

Карданов Р. Р., Курин А. А. Аналитическая обработка криминалистически значимой информации 173

Комаров И. М., Ян Е. И. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений 182

Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности 193

Рудых А. А. Криптография и криминалистика: современные проблемы и возможные пути решения 203

Судницын А. Б., Молоков В. В. Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений.....213

Чиненов Е. В., Щукин В. И. Проблемы осуществления документальных и фактических проверок в стадии возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности на объектах железнодорожного транспорта.....222

Хармаев Ю. В., Батоев В. Б. Оперативно-розыскное противодействие лидерам организованных преступных формирований: проблемы и пути решения 233

Административное право; административный процесс

Иванова С. И., Новичкова Е. Е. Характеристика административных мер, направленных на обнаружение орудий совершения или предметов административных правонарушений, а также иных предметов, запрещенных к обороту.....242

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Titova E. A. Forms and methods of legal propaganda in law enforcement bodies activities.....	9
Chesnokov A. A. Problems of formation of the basic economic-legal institutions of the Russian Federation.....	19

Constitutional law: constitutional judicial process; municipal law

Shelegov Yu. V., Shelegov V. G. To the question of key functions of the constitutional court of the russian federation	33
--	----

Criminal law and criminology; criminal Executive law

Barkhatova E. N. Peculiarities of legislative regulation of liability for illegal turnover of precious metals and precious stones	43
Ermakov S. V. Matters of criminal legal qualification of actions of law enforcement officers of operational units allowing provocation according to article 304 of the criminal code of the Russian Federation	53
Kobets P. N., Krasnova K. A. Countering illegal drug trafficking and organised crime in the republic of Finland: problems and achievements	62
Malykhina T. A. Problems of prevention of crimes committed under the influence of alcohol	70
Nikerov Dm. M., Khokhlova O. M. Crimes in the sphere of high technologies in modern Russia.....	82
Romanova N. L., Nikitina L. K. On illegal cutting down of forest plantings (data of irkutsk region).....	94

Criminal proceeding

Bulyzhkin A. V., Chaplygina V. N. Features of implementation of legal representative's procedural status of a minor in criminal proceedings.....	104
Dikarev I. S., Antonov V. A. Rules of admissibility of evidence of positive nature in the criminal procedure	112
Mozhaeva I. P., Ishchenko U. S. Guaranteeing system for the principle of independence of the courts in criminal proceedings	121
Pupysheva L. A. Problems of unification of concepts (terms) in the legislation on criminal proceedings and execution of criminal penalties.....	132
Rossinskiy S. B. The confrontation as a preliminary procedural guarantee of ensuring the right to a fair trial	143

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Gribunov O. P. The 100 anniversary of expert and criminalistic service of the ministry of internal affairs of the Russian Federation: history milestones	155
Begaliev E. N. On the prospects for the use of unmanned aerial vehicles in the course of conducting certain investigative actions	163
Kardanov R. R., Kurin A. A. Analytical processing of forensically relevant information.....	173
Komarov I. M., Jan E. I. The concept, content, methodology and tasks of criminalistic prevention of crimes	182
Rossinskaya E. R. Theory of information and computer support of criminalistic activity: concept, system, basic patterns	193
Rudykh A. A. Cryptography and criminalistics: modern problems and possible ways of solution	203
Sudnitsyn A. B., Molokov V. V. Some opportunities for obtaining and using data on crypto-currency operations during disclosure and investigation of crimes	213
Chinenov E. V., Shchukin V. I. Issues of implementation of documentary and actual checks in the stage of initiation of criminal cases of economic crimes on the objects of railway transport	222
Kharmaev Yu. V., Batoev V. B. Operative search countering the leaders of organized criminal groups: problem solving	233

Administrative law; administrative process

Ivanova S. I., Novichkova E. E. Characteristics of administrative measures aimed at detection of instruments of the commission or objects of administrative offenses, and also other objects involved in illicit traffic	242
---	-----

УДК: 340.114.5: 351.74

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00001

Титова Елена Анатольевна
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Барнаульского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: leo_bir@mail.ru

Titova Elena Anatolyevna
associate professor of the Department
of Theory and History of Law and State
of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
candidate of juridical sciences
E-mail: leo_bir@mail.ru

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРАВОВОЙ ПРОПАГАНДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Введение: в статье рассматриваются отдельные формы и методы осуществления правовой пропаганды, их содержание и особенности использования информационно-телекоммуникационных ресурсов в данной сфере деятельности органов внутренних дел, отдельное внимание уделяется применению сотрудниками органов внутренних дел манипулятивного воздействия в правопробандистской деятельности, приводятся практические рекомендации по осуществлению пропаганды правовых знаний в различных возрастных аудиториях.

Материалы и методы: методологическая основа исследования представлена общим диалектическим методом научного познания, сравнительного анализа, познавательными методами и приемами обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили выявить перспективы применения информационно-телекоммуникационных ресурсов сети «Интернет» в осуществлении правовой пропаганды в органах внутренних дел, раскрыть содержание и особенности использования отдельных приемов и способов правовой пропаганды с учетом её адаптированности к аудитории.

Выводы и заключения: с учетом недостаточной нормативной регламентации и отсутствия методического обеспечения правовой пропаганды различных подразделений органов внутренних дел выбор оптимального сочетания форм и методов для данного вида деятельности остается за сотрудниками, что, в свою очередь, не способствует обеспечению высокой степени результативности правопробандистской работы.

Ключевые слова: правовая пропаганда, формы правовой пропаганды, методы правовой пропаганды, манипуляция, органы внутренних дел.

FORMS AND METHODS OF LEGAL PROPAGANDA IN LAW ENFORCEMENT BODIES ACTIVITIES

Introduction: the article discusses certain forms and methods of legal propaganda, their content and features of the use of information and telecommunications resources in this field of activity of internal affairs bodies; special attention is paid to the use of manipulative influence by law enforcement officers in legal propaganda; it provides practical recommendations for the implementation of legal knowledge propaganda in various age groups.

Materials and methods: the methodological basis of the research is presented by the general dialectic method of scientific knowledge, comparative analysis, cognitive methods and methods of generalization and description.

Results: allowed to reveal the prospects of application of information and telecommunication resources of Internet network in implementation of legal propaganda in law-enforcement bodies, to reveal contents and features of use of techniques and methods of legal propaganda taking into account its adaptation to the audience.

Summary and conclusions: taking into account insufficient regulations and due to the lack of methodical support for implementation of legal propaganda by various divisions of law enforcement bodies the choice of an optimum combination of forms and methods for this type of activity remains at the discretion of the employees that, in turn, does not contribute to a high degree of effectiveness of legal propaganda.

Keywords: legal propaganda, forms of legal propaganda, methods of legal propaganda, manipulation, law enforcement bodies.

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что вопрос о формах и методах осуществления правовой пропаганды применительно к деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) в научной литературе не получил разностороннего исследования. В отдельных случаях авторы обращались к характеристике методов и средств пропаганды, однако подобные изыскания носили либо широкий [2; 3], либо узкоспециализированный характер [1; 4].

Определяя формы и методы правовой пропаганды в деятельности ОВД, следует исходить из общего представления о них безотносительно субъекта, её осуществляющего.

Форму правовой пропаганды представляется возможным определить как способ внешнего выражения деятельности по её осуществлению. В этой связи следует назвать две формы правовой пропаганды в деятельности ОВД: устную и письменную. Каждой из названных форм характерны собственные средства передачи пропагандистской информации.

Так, А.С. Бондарев отмечает, что «устная правовая пропаганда в зависимости от средства передачи может быть непосредственной (живое общение с аудиторией, “глаза в глаза”) и опосредованной (общение через технические средства: радио, телевидение, информационные технологии, информационно-

телекоммуникационной сети “Интернет”» [3, с. 4]. По количеству адресатов правовая пропаганда может быть коллективной и индивидуальной.

Средствами устной правовой пропаганды являются: беседа, лекция, диспут, радио- и телевыступление, онлайн-дискуссия, видеочат, круглый стол, «прямая линия», викторина, конкурс, конференция по правовой тематике.

К письменной правовой пропаганде относятся: листовки, плакаты, научно-практические комментарии законодательства, научные публикации ученых-правоведов, письменные ответы на обращения граждан, тексты, размещаемые на официальных сайтах ОВД и страницах в социальных сетях, и пр.

Заметное смещение доли аудитории, черпающей информацию посредством телевидения и радио, в сторону глобальной информационной сети «Интернет» становится объективной предпосылкой более активного использования органами внутренних дел данного ресурса в процессе осуществления правовой пропаганды.

Адекватным современным условиям распространения информации следует расценивать развивающееся в деятельности ОВД направление коммуникации с использованием средств IT-технологий. Безусловно, создание официальных сайтов Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов по субъектам Российской Федерации, активная работа по продвижению соответствующих ресурсов в различных социальных сетях – большой шаг в обеспечении доступности информации о деятельности ведомства, его открытости для общества.

Вместе с тем можно отметить, что в силу сохраняющегося среди населения не всегда позитивного мнения о государственной власти в целом, и о полиции в частности, официальные ресурсы с точки зрения осуществления правовой пропаганды аудиторией не востребованы. Иначе говоря, потребителями информации в данном случае выступают прямо заинтересованные в этом лица (изучение структуры ведомства, ознакомление с нормативной основой его функционирования и т.п.). Исходя из контента официальных сайтов Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов, следует констатировать, что если в нём и присутствуют элементы правовой пропаганды, то аудитория, на которую она потенциально способна воздействовать, весьма ограничена.

В некотором смысле проблему повышения массовости в осуществлении правовой пропаганды в ОВД решают официальные группы ведомства, создаваемые в социальных сетях (Одноклассники, Facebook, ВКонтакте, Instagram). К сожалению, существование фейк-групп, использующих аббревиатуру Министерства внутренних дел Российской Федерации, в определенной степени дезориентирует аудиторию, и в этой связи в данном направлении целесообразно проводить мониторинг с целью исключения возможности распространения правовой информации с искажением, либо не соответствующей действительности. Кроме того, с точки зрения охвата аудитории официальными группами в социальных сетях прослеживается перспектива дальнейшего их продвижения. В частности, для применения техники пропаганды «Снежный ком» целесообразно обязательное вхождение в состав официальных групп МВД России сотрудников ОВД и функции репоста (посредством нажатия «класс», «нравится», «like») к

информации, размещаемой в этих группах. Таким образом, информация становится доступной значительно большему кругу лиц и послужит поводом для принятия решения о вступлении в группу других лиц, являющихся родственниками, друзьями или знакомыми действующего участника.

В качестве нового способа осуществления правовой пропаганды посредством современных технологий и программ можно предложить внутриведомственную разработку и общедоступное использование мессенджера в форме мобильного приложения для мгновенного обмена сообщениями (возможные названия «Я и участковый», «Я и инспектор ГИБДД», «Я и инспектор ПДН»). Ценность такого приложения в реализации профилактической деятельности ОВД, в частности, при осуществлении правовой пропаганды заключается в возможности создания среды максимального взаимодействия населения и сотрудника соответствующего подразделения на определенной локальной территории с минимальными временными, техническими и иными затратами.

Например, подобное приложение, с точки зрения участкового уполномоченного полиции на административном участке, позволяет создавать локальную группу участников, модератором которой является участковый уполномоченный полиции. Посредством включения в группу общения граждан, проживающих на административном участке, обеспечивается оперативный режим взаимодействия модератора и участников. Участковый уполномоченный посредством размещения необходимой для распространения информации (текст, фото, видео) в группе получает возможность максимального охвата населения своего участка, которая однократной отправкой поступает всем участникам. В свою очередь с получением подобного инструмента у граждан появляется возможность практического содействия деятельности участкового уполномоченного полиции, оценки качества его работы. В этом смысле распространение правопробандистских сообщений становится более быстрым и адресным, а у адресата формируется мнение о доступности правоохранительной системы, доверительное отношение к органам внутренних дел. Подобное предложение требует тщательной технической проработки, однако исключать потенциальные возможности его практической реализации также нельзя.

Возвращаясь к устным средствам правовой пропаганды в деятельности ОВД, отметим, что самыми распространенными из них являются беседы и лекции, в которых основным средством выступает устная речь.

Осуществление правовой пропаганды в устной форме предъявляет особые требования к речи сотрудников полиции. Она должна быть грамотной (иначе ее оценка снижается), ёмкой, в меру эмоциональной, по возможности короткой. Если имеются два варианта выступления, целесообразно выбрать меньший.

Для привлечения внимания, его сохранения уместно выдержать паузу, обвести взглядом аудиторию, охватив всех и начать с того, чего слушатели не ожидают. Речь должна быть внятной, отдельной, среднего темпа (ни в коем случае нельзя тараторить – аудитория не будет успевать воспринимать и осмысливать информацию, но и затягивать тоже не рекомендуется – слушатели успеют переключить свое внимание). Большое внимание необходимо уделять интона-

ции. Выделять голосом наиболее важную информацию, сопровождая ее короткими паузами и жестами.

Сам текст должен быть логичным, хорошо структурированным, следующим от посылок к выводам, без лишних подробностей. Основное требование к пропагандистскому тексту – наличие красной линии, доминантной идеи, проходящей через все выступление и завершающей его. Для достижения убедительности целесообразно ссылаться на достоверные популярные источники, авторитетных личностей; включать данные статистики, оформленные в графики, таблицы таким образом, чтобы однозначно иллюстрировать нужную закономерность.

Материальными носителями правовой пропаганды могут быть: видео-, аудио-, мультимедийные материалы пропагандистского характера, позволяющие облегчить восприятие информации, и повысить силу воздействия пропагандиста на аудиторию.

Оформление наглядного материала должно соответствовать ряду правил. Содержание слайда должно соответствовать конкретной задаче и работать на главную цель пропаганды. Не рекомендуется излишне украшать таблицы, слайды, это отвлекает от их содержания. Чем важнее информация, тем крупнее должны быть буквы, цифры. Если есть необходимость подчеркнуть разницу между информацией, можно использовать контрастные цвета. Увлечаться игрой цвета не стоит. Смена цвета при оформлении текста должна иметь смысловую нагрузку, цвет может выделять, объединять, разделять, эмоционально тонировать. И последнее – темные знаки на светлом фоне более привычны человеческому глазу.

Речь пропагандиста и наглядный материал воздействуют не только на интеллектуальную составляющую личности, но и на эмоциональную. И это один из эффективных способов формирования правового поведения, построенного на глубоко усвоенных нормах права, выступающих регуляторами активности человека на бессознательном уровне.

При осуществлении правовой пропаганды в деятельности ОВД по сравнению с мифологизацией и стереотипизацией одним из наиболее действенных методов является манипуляция.

Следует согласиться, что «однозначно отрицательное отношение к манипулятивной тактике общения, безусловно, является неверным» [5, с. 123]. Если обратиться к рассматриваемому виду психологического воздействия с точки зрения его применения в деятельности сотрудников ОВД, то становится очевидным, что последние в отличие от правонарушителей действуют не в собственных интересах, а выполняют определенный социальный заказ и основываются на моральных и нравственных нормах социума, ради интересов которого осуществляется манипулирование объектами воздействия.

В данном случае речь идет о так называемой социально желательной манипуляции, которую сотрудник ОВД совершает из лучших побуждений, желая помочь обществу. Можно утверждать, что сотрудник в некоторой мере вынужден манипулировать другими людьми для достижения полезного для всех результата. При этом он понимает, что поступает так только потому, что порой нет другого выхода [7].

В специальной литературе приводится значительное количество определений манипуляции [6]. На основе проведенного анализа существующих подходов представляется возможным определить манипуляцию в процессе правовой пропаганды в деятельности ОВД как осуществление комплекса взаимосвязанных между собой приемов психологического воздействия, направленных на скрытое побуждение других людей к совершению в общественных (государственных) интересах определенных правомерных действий, подчас не соответствующих их желаниям, одновременно сохраняя у них иллюзию независимости, самостоятельности принимаемых решений.

В контексте использования манипулятивного воздействия уместна позиция, согласно которой «манипулятивная стратегия основывается на индивидуальной избирательности психического отражения внешних воздействий, т.е. у объекта воздействия сохраняется возможность выбора варианта поведения, что очень важно для обеспечения правомерности применения психологического воздействия» [9].

Манипуляция должна быть основана на создании таких условий, чтобы вызвать у собеседника внутренний дискомфорт в случае несовершения требуемого действия. Обычно это переживания вины, страха, стыда и напряжения, чувство «неудобства», часто не полностью осознанные.

Очевидно, что результат манипуляции в определенной степени будет зависеть от выбранных способов или стратегий. Если сотрудник ориентирован на сиюминутный результат, однократное соблюдение норм права, то он выберет способ, не требующий долгих объяснений и рассуждений, более напористый и строгий. Если же сотрудник работает на перспективу, то он будет действовать более мягкими, ласковыми, дружественными способами, позволяющими субъекту воздействия целенаправленно строить процесс взаимодействия [9].

Причина обращения сотрудников к манипуляции обусловлена тем, что ее элементы очень активно применяются ими в повседневной деятельности, но без целостной системы, позволяющей максимально эффективно использовать имеющиеся опыт и знания.

В целом манипуляция осуществляется за счет соответствующей «работы» с внешними параметрами и внутренними (психофизиологическими, общечеловеческими и культурно-специфическими, личностными особенностями манипулируемого).

Так, Л.И. Рюмина предлагает следующие виды манипулятивного воздействия: «манипулирование потребностями (использование желаний, влечений, интересов объекта воздействия); “духовное” манипулирование (формирование у человека определенных идеалов и ценностей); интеллектуальное манипулирование (навязывание человеку мнений, точек зрения); манипулирование чувствами (использование эмоций, страстей собеседника)» [10].

Заблаговременное определение необходимого для достижения определенных результатов вида манипулирования обеспечивает правильный выбор сотрудником приемов и, соответственно, реализацию поставленных целей воздействия.

Важность психологического воздействия обусловлена и тем, что информационное воздействие правовой пропаганды, осуществляемой сотрудником, может быть не принято адресатом по причине негативного отношения к самому транслятору (сотруднику), из-за персонального неприятия или отсутствия симпатии к ОВД в целом.

Поэтому необходимым условием эффективного общения является умение сотрудника воздействовать на партнера по общению. Именно психологическое воздействие позволяет превратить субъекта общения в объект, тем самым предоставив широкие возможности для программирования беседы, направления ее в нужную сторону и достижения целей общения.

Одной из проблем для сотрудников ОВД, осуществляющих правовую пропаганду, является выбор успешных форм и методов из множества предлагаемых. Основными ориентирами такого выбора должны выступать:

- возраст аудитории, профессиональный характер деятельности, степень однородности группы в целом;
- уровень развития правосознания, групповые ценности и убеждения;
- цель правовой пропаганды;
- отношение граждан к пропагандируемым правовым нормам;
- обеспеченность сотрудника материалами для организации пропаганды;
- степень компетентности сотрудника в психологии и технике правовой пропаганды.

Пожалуй, самое очевидное требование к организации правовой пропаганды – учет возраста лиц-адресатов правопробандистских сообщений. Как правило, группы граждан, в которые прибывает сотрудник для осуществления пропаганды, однородны по возрастному составу, поскольку подобная работа проводится в школах, вузах, государственных учреждениях, где присутствует возрастная сегрегация.

Так, с детьми дошкольного (3–6 лет) и младшего школьного возраста (7–10 лет) правовую пропаганду целесообразнее осуществлять в игровой форме. Причем, чем младше ребенок, тем эффективнее будут игры с игрушками, перемещениями предметов, конструированием и т.п. Школьники могут обойтись наглядным материалом, рассматриванием красочных рисунков, ярких и простых схем, слайдов и т.п. В любом случае встречи с сотрудником полиции должны быть ограничены во времени. Не более 30–40 минут для школьников и 15–20 минут для дошкольников. В противном случае пропаганда будет не эффективна в силу недостаточно развитого произвольного внимания.

Подростки (11–16 лет) могут успешно взаимодействовать в течение 40–50 минут. Общение с ними требует выстраивания доверительно-уважительных отношений. Для эффективной правовой пропаганды сотруднику ОВД важно пользоваться авторитетом в подростковой аудитории за счет высокого ранга или наград или большого опыта работы или имиджа компетентного и уверенного в себе сотрудника. Общаясь с подростками, важно обращаться к ним как к взрослеющим людям, а не к маленьким детям, опираясь на их «чувство взрослости». Стоит помнить, что подростки могут быть очень категоричны в суждениях, абсолютно принимая или полностью отрицая информацию, при этом они воспринимают

ее и сохраняют в памяти. Психологические особенности подросткового возраста не позволяют соотносить свое настоящее с будущим. Поэтому призывы соблюдать нормы права, связывая их с далекими перспективами, малоэффективны.

Молодые люди, наоборот, начинают задумываться о своем будущем, активно его планируют. Поэтому обращения к молодежной аудитории о влиянии правомерного поведения на конкретные будущие результаты жизни могут быть успешны. Общение с молодежью требует нахождения с ней на одной волне, что может проявиться в знании актуальных проблем поколения, его интересов, ценностных ориентаций, сленга, модных бытовых тенденций и т.п.

Профессиональное общение с пожилыми людьми также имеет свою специфику. Эта категория отличается жесткостью сформированных установок, смещением акцента общения с партнера на себя, собственную позицию, застреванием, погружением в свои представления о праве. Следует помнить, что с возрастом любые новшества принимаются все тяжелее.

Чем однороднее состав групп, тем проще сотруднику осуществлять правовую пропаганду. При общении с аудиторией, объединенной одной профессией, целесообразно предварительно выяснить ее особенности.

Правовая пропаганда с гражданами, имеющими высокий уровень развития правосознания, как правило, осуществляется без особых проблем. Они легко усваивают правовую информацию и корректируют поведение. Работа с группами населения, обладающим высоким социальным статусом, строится на отношениях партнерства и равенства. Принцип действует и в среде лиц с низким социально-экономическим статусом. Это важное условие успешной правовой пропаганды.

В случае, если большинство публики составляют граждане с низким уровнем образования, следует «поднимать» слушателей на свой уровень, не демонстрируя своего превосходства, отказаться от «заумных» терминов и сложных речевых оборотов, с одной стороны, и заигрывания, перехода к фамильярности – с другой.

Применяя различные приемы психологического воздействия в процессе осуществления правовой пропаганды, сотрудникам ОВД важно отталкиваться от их содержания и степени эффективности в достижении поставленных целей.

Психологическое воздействие начинается с облика самого полицейского. Сотруднику нужно активно пользоваться внешней привлекательностью, любым сходством с гражданами (как внешним, так и внутренним), так как люди очень расположены к похожим на них самим.

Отдельным психологическим приемом можно считать обращение к авторитету. Желательно, чтобы сотрудник сформировал у граждан отношение к себе как к авторитету через компетентность и доброжелательное отношение к гражданам. Но если этого не произошло, то можно обозначить близкий характер отношений с авторитетным для аудитории лицом.

Использование в речи сравнений, аллегорий, аналогий, риторических вопросов, восклицаний и т.п. также является приемом психологического воздействия, так как они способны значительно обогатить речь, заменить неудобную информа-

цию и т.д. Более того, использование этого приема делает речь богаче и выразительней, а значит и убедительней.

В качестве высокоэффективных методов осуществления правовой пропаганды в деятельности органов внутренних дел выступают убеждение и внушение.

Убеждение – метод воздействия на сознание людей, обращенный к их собственному критическому восприятию. Убеждение ориентировано на интеллектуально-познавательную сферу человеческой психики. Его суть в том, чтобы с помощью логических аргументов сначала добиться от человека внутреннего согласия с определёнными умозаключениями, а затем на этой основе сформировать и закрепить новые установки (или трансформировать старые), соответствующие поставленной цели, которые адресат в конечном итоге воспринимает как свои собственные.

Основные принципы убеждения: принцип повторения; принцип непротиворечивости; принцип предпочтения первичной информации; принцип обеспечения доверия к источнику информации.

Внушение – метод психологического воздействия на массовое сознание, основанный на некритическом (и часто неосознаваемом) восприятии информации. В процессе внушения восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания.

Использование вышеназванных методов в комплексе позволяет достичь планируемого результата при осуществлении пропаганды, однако на уровне локальных нормативных актов Министерства внутренних дел Российской Федерации её технология не регламентирована, единого методического обеспечения не осуществляется, что не может не влиять на качество и эффективность выполнения данного вида деятельности.

Очевидно, что именно комплексность, адекватность и системность форм и методов в осуществлении правовой пропаганды органами внутренних дел являются важнейшими в формировании в сознании граждан правомерных ориентиров и установок поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агафонова Н.Н., Брылева Е.А. Интернет как средство правового воспитания и правовой пропаганды // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 70–72.
2. Адаева О.В., Шимкин Е.О. Понятие и сущность правовой пропаганды как формы правового воспитания // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. – 2016. – № 7(46). – С. 12–15.
3. Бондарев А.С. Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. – 2008. – Вып. 1(1). – С. 4–16.
4. Деятельность Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения / под общ. ред. В.А. Кудина. – СПб.: Санкт-Петербург. университет МВД России, 2012. – 160 с.
5. Добрович А. Общение: наука и искусство. – М.: Яуза, 1996. – 254 с.
6. Доценко В.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – СПб.: Речь, 2004. – 304 с.

7. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 45–54.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2006. – 832 с.
9. Куницына В.Н. Межличностное общение: учебник для вузов / В.Н. Куницына, М.В. Кравцова, М.В. Погольша. – СПб.: Щит-М, 2002. – 453 с.
10. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе: учебное пособие. – М.: Март, 2004. – 240 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Agafonova N. N., Bryleva E. A. Internet as a means of legal education and legal propaganda / N. N. Agafonova, E. A. Bryleva // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. – 2011. – № 3. – pp. 70–72.
2. Adaeva O.V, Shimkin, E. O. The concept and essence of legal propaganda as a form of legal education / O. V. Adeeva, E. O. Shimkin // Scientific discussion: questions of jurisprudence. – 2016. – № 7 (46). – pp. 12–15.
3. Bondarev A. S. Legal propaganda and training – forms of legal education: concept and means of influence / A. S. Bondarev // Bulletin of Perm University. – 2008. – Issue 1(1). – pp. 4–16.
4. Activities of the state traffic inspectorate to promote road safety. Edited by V. A. Kudin. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 2012. – 160 p.
5. Dobrovich A. Communication: science and art / A. Dobrovich. – M.: Yauza, 1996. – 254 p.
6. Dotsenko V. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection / V. L. Dotsenko. – SPb.: Speech, 2004. – 304 p.
7. Znakov V. V. Machiavellianism, manipulative behavior and mutual understanding in interpersonal communication / V. V. Znakov // Questions of psychology. – 2002. – № 6. – pp. 45–54.
8. Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness / S. G. Kara-Murza. – M.: Eksmo, 2006. – 832 p.
9. Kunitsyna V. N. Interpersonal communication: textbook for universities / V. N. Kunitsyna, M. V. Kravtsova, M. V. Pogolsha. – SPb.: Publishing House "Shield-M", 2002. – 453 p.
10. Ryumshina L. I. Manipulative techniques in advertising: study guide / L. I. Ryumshina. – Moscow: ICC March, 2004. – 240 p.

УДК 340.1

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00002

Чесноков Алексей Александрович

доцент кафедры гражданско-
правовых дисциплин
Барнаульского юридического
института МВД России,
доцент кафедры экономической
безопасности, учета, анализа
и аудита Алтайского
государственного университета
кандидат юридических наук,
доцент
E-mail: chesnokovaa@mail.ru

Chesnokov Alexey Aleksandrovich

associate professor of the Department
of Civil Law Disciplines of
Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation, associate professor of the
Department of Economic Security,
Accounting, Analysis and Audit of
Altai State University
candidate of juridical sciences,
associate professor
E-mail: chesnokovaa@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ БАЗОВЫХ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ
ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: статья посвящена исследованию проблем формирования институциональных основ современной российской государственности. Исследуется опыт политико-правовых реформ по обновлению общества, политической системы и созданию рыночной экономики. Показана неэффективность принятия законодательных норм в отрыве от цивилизационных устоев общества. Делается анализ идеологических основ западных правовых систем, роли протестантизма в их формировании. Отсутствие опоры на имеющиеся в обществе резервы, поддержки и понимания самого населения, решение сиюминутных задач и отсутствие долгосрочной стратегии повлекли значительные потери, обнищание значительной части населения. При этом дается оценка использованию либерализма в качестве идеи Основного закона страны, многие столетия формирующей свой национальный правовой менталитет на ценностях соборности и самоограничения. В результате в Конституцию Российской Федерации были заложены ряд институтов, способных сыграть роль «бомб замедленного действия», как, например, ст. 4 Конституции СССР 1924 г., создавшая предпосылки разрушения Советского государства. Поэтому исследование социальных явлений в их институциональных проявлениях позволит значительно повысить эффективность государственно-властного регулирования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют конституционное, уголовно-правовое, гражданское законодательство СССР и РФ, нормативные акты в сфере регулирования экономических процессов. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научно-

го познания, носящий универсальный характер, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания, специально-юридический и историко-правовой методы.

Результаты исследования: позволили выявить основные закономерности формирования государственно-правовых и экономических институтов, показать ключевые факторы воздействия на экономику и иные сферы общественной жизни, сформулировать предложения по совершенствованию внутренней экономической политики Российской Федерации.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило показать основные этапы отечественного государственного строительства, сделать акцент на переломных моментах, запустивших процесс восстановления реального национального суверенитета и действенных социально-экономических институтов.

Ключевые слова: национальная идентичность, правовая система, правовой менталитет, социально-экономический институт, эффективность права

PROBLEMS OF FORMATION OF THE BASIC ECONOMIC-LEGAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article is devoted to some problems of formation of institutional foundations of modern Russian statehood. The article examines the experience of political and legal reforms to update the society, the political system and create a market economy. Inefficiency of adoption of legislative norms in isolation from civilizational foundations of a society is shown. The article analyzes the ideological foundations of western legal systems, the role of protestantism in the formation. The lack of reliance on the society's reserves, support and understanding of the population, the solution of short-term tasks and the lack of a long-term strategy have caused significant losses, impoverishment of a significant part of the population. At the same time, the author assesses the use of liberalism as an idea of the basic law of the country, which has been forming its national legal mentality on catholicity values and self-limitation for many centuries. As a result, the Constitution of the Russian Federation included a number of institutions capable of playing the role of "time bombs", such as art. 4 Constitution of the USSR in 1924, which created the prerequisites for the destruction of the Soviet state. Therefore, the study of social phenomena in their institutional manifestations will significantly improve the efficiency of state and power regulation.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the constitutional, criminal, civil legislation of the USSR and the Russian Federation, normative acts in the sphere of regulation of economic processes. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description, special-legal and historical-legal methods.

Results: allowed to reveal the main regularities of the formation of state-legal and economic institutions, to show the key factors of influence on the economy and other spheres of public life, to formulate proposals for improving the domestic economic policy of the Russian Federation.

Summary and conclusions: the study allowed to show the main stages of national state building, to focus on the turning points that allowed to start the process of restoration of real national sovereignty and effective socio-economic institutions.

Keywords: national identity, legal system, legal mentality, socio-economic institution, effectiveness of law

Прошло четверть века с момента принятия Конституции Российской Федерации, ознаменовавшей коренные перемены жизни россиян. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, «Конституция рождалась в полном смысле этого слова в муках... Но её принятие стало рубежной вехой, когда был чётко определён путь развития России как свободного, суверенного, правового, демократического государства, в котором единственным источником власти является народ» [1].

Уже выстроена целостная политико-правовая система, произошла перестройка и адаптация многих социальных институтов, поэтому сегодня можно практически без эмоций обратиться к переломным историческим моментам формирования обновленной государственности, на основе исторического опыта оценить возможные перспективы развития сегодняшних событий.

Действительно, российские реформы начала и середины 90-х гг. сложно оценить однозначно. Провал перестройки привел к рекордному падению производства (до 11% в год) и вызвал острую нехватку товаров первой необходимости. Это привело к забастовкам в Донбассе, Кузбассе, Ленинграде, Свердловске. Возникали стихийные митинги, подогреваемые «новыми демократами», а в ряде случаев и непосредственно спецслужбами западных стран [2].

Традиционная административная (сдаточно-раздаточная) система, на которой основывалось государственное управление, перестала работать в связи с развалом плановой системы заказа и распределения ценностей. С другой стороны, привилегированные должностные группы продолжали снабжаться товарами, недоступными в обычных магазинах. Понятно, что это вызывало недовольство масс, на котором тогда и построил свою кампанию Б.Н. Ельцин. «Августовский путч» (18–21 августа 1991 г.) привел к отстранению от власти КПСС, а также персонально М.С. Горбачева и подъему национальных элит.

Ранее жесткий государственный контроль за этническими группами на основе идеологии дружбы и братства народов СССР смягчал конфликты в зародыше, но нежелание (да и невозможность из-за либерализации системы управления) новой власти вдаваться в проблемы регионов вскрыло тлеющие приднестровский, грузино-абхазский, карабахские конфликты, вызвало стремление многих республик развиваться самостоятельно. Конечно, руководители регионов

стремились к расширению своей власти, ее монетизации и переходу к наследственному распределению.

Следует отметить, что бомба замедленного действия сепаратизма была заложена еще в ст. 4 Конституции СССР 1924 г.: «За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза»¹. А 12 июня 1990 г. на Первом съезде народных депутатов РСФСР принимается «Декларация о государственном суверенитете РСФСР», утвердившая приоритет республиканского законодательства над союзным, что подало прекрасный пример остальным республикам, вызвав «парад суверенитетов».

Поэтому 8 декабря 1991 г. в селе Вискули (Беловежская пуца) главами трех республик: Белоруссии, России и Украины, как учредителями 70 лет назад союзного государства, от имени всех пятнадцати республик было констатировано прекращение существования СССР и подписано соглашение об образовании СНГ. Распадом союзного государства дело не ограничилось, были осуществлены, в том числе кровавые попытки Татарстана, Чечни, ряда других субъектов получить «свою долю суверенитета» [3, с. 110].

Советская экономика длительное время базировалась на региональной специализации и межрегиональных связях. Валюта СССР обладала высокой устойчивостью по причине жесткого регулирования, а также запрета смешивать денежные потоки между предприятиями, и потоки, связанные с расчетами населения. При этом переводной рубль (коллективная валюта Совета Экономической Взаимопомощи) использовался как международная расчетная единица и не мог конвертироваться в национальную валюту. Под уголовно-правовым запретом было обращение гражданами иностранной валюты и валютных ценностей (ст. 88 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.). Этим достигалась стабильность денежной системы и ее независимость от международных кризисов.

При развале единого правового и экономического пространства уничтожались технологические и сбытовые цепочки, механизмы финансового регулирования. На территории РСФСР возникла гиперинфляция (до 2700 % в год) в связи с неконтролируемой эмиссией рубля и отсутствием достаточного количества товаров, которые можно было на эти рубли приобрести. Соседние республики в стремлении оградиться от кризиса спешно вводили национальные валюты. Возник риск возврата всей рублевой массы в РСФСР, в том числе потоков денег из стран ближнего зарубежья, не обеспеченных товарами, что ускорило бы инфляцию.

Поэтому 7 августа 1993 г. в России была проведена денежная реформа по выведению из обращения советских денег и замене их российскими. Она носила явно конфискационный характер и фактически уничтожала средства, накоплен-

---

¹ Конечно, реально такой вариант не рассматривался и механизма выхода республик в законе прописано не было.

ные не только субъектами теневой экономики (как провозглашалось), но и самими гражданами¹.

В условиях, когда административно-командная система выпустила бразды правления, но иных рыночных механизмов еще не сформировалось, стало очевидно, что требуется глубинная перестройка всех управленческих и социальных институтов [4, с. 8].

Реформы первой половины 90-х гг. были направлены на переход от плановой к рыночной экономике. В результате уже в первые годы перед социально-экономической политикой ставятся следующие цели: установление рыночных механизмов ценообразования, сокращение и контроль денежной эмиссии, ликвидация денежного «навеса» (накоплений граждан), создание эффективных экономических субъектов-собственников [5, с. 312].

При этом фактическая ситуация требовала срочного реагирования. Так, по состоянию на конец 1991 г. запасы мяса, рыбы, масла не превышали десятидневной потребности, зерна – двадцатидневной потребности, закупки продовольствия за рубежом осуществлялись за счет внешних займов, перед страной стояла угроза голода [6, с. 92]. Поэтому со 2 января по 15 декабря 1992 г. правительством разрешается свободная торговля, перестает контролироваться ценообразование, для оборота товаров открываются внешние границы. Дефицит бюджета покрывается за счет существенного (по закупкам вооружения в 5 раз) сокращения военных расходов, ввода налога на добавленную стоимость по примеру США, налогов на добычу полезных ископаемых, на доходы и имущество физических лиц. Переорганизовывалась структура управления экономикой, осуществлялся переход от плана к государственному заказу, созданию инвестиционных институтов, фондовых бирж, таможенной и налоговой службы, развитию судебной системы, в том числе арбитража, адресная помощь малообеспеченным гражданам.

Существует мнение, что единая концепция реформ в 1992–1993 гг. отсутствовала, а преобразования проводились по рекомендациям и даже требованиям Международного валютного фонда [7, с. 130]. Косвенным образом это подтверждается такими «бомбами замедленного действия», оказавшимися в Конституции РФ 1993 г., как возможность продажи земли (ч. 2 ст. 9); отказ от суверенитета в пользу норм международного права (ч. 4 ст. 15); отделение важнейшей функции – эмиссии денег от государственного аппарата с передачей ее независимому Центральному банку РФ (ст. 75)².

При этом правительство Ельцина – Гайдара действовало в соответствии со своим пониманием постулатов монетаризма о полном саморегулировании денежной экономики и возможностью управления государством исключительно через эмиссию денег. Роль западных экономических экспертов значительно возросла в условиях кризиса, когда вопрос выделения кредитов МВФ стал вопросом выживания [8, с. 12].

---

¹ Разрешалось разово обменять суммы до ста тысяч рублей, о чем в паспорте ставился штамп.

² Интересно, что подобные реформы проходят сегодня на Украине.

Самой спорной была приватизационная реформа, проведенная в интересах узкого круга лиц и породившая уничтожение целых секторов экономики, массовую безработицу, взрывной рост теневого рынка и коррупции [9, с. 173].

Д.А. Медведев, будучи еще ассистентом Санкт-Петербургского государственного университета, отмечал противоречивость законодательства о приватизационных чеках, его несоответствие действующим нормам российского права (о ценных бумагах, о наследовании). Он также предвидел, что граждане не смогут самостоятельно использовать ваучеры, так как их одиночная стоимость стремится к нулю, назвав их «подачкой» от государства [10, с. 75–76]. К сожалению, тогда это было очевидно далеко не всем.

По результатам «шоковой терапии» дефицит товаров снизился на 75 %, но ускорилась инфляция и падение уровня жизни населения. Обесценивание денег уничтожило оборотные фонды предприятий, которые переходят на бартерные сделки и массово разоряются. В ответ на это следуют рекомендации избавляться от «непрофильных фондов» и принимается закон о банкротстве предприятий¹.

Многие меры, предпринятые командой Б.Н. Ельцина в первой половине 90-х гг., оказались не только неэффективны, но и вредоносны. Реформы проводились в правовом и идеологическом вакууме. Новая правовая система формировалась чрезмерно долгое время не только из-за большого объема работы, но, скорее, из непонимания происходящих процессов.

Активно шло насаждение западных экономико-правовых институтов без оглядки на среду, в которой они сформировались. Так, на развитие современного западного права в эпоху буржуазных революций большое значение оказала идеология христианского протестантизма. Будучи созданными в качестве базы буржуазных революций, как «антипод» католицизму, отрицающему ростовщичество, лютеранство, англиканство и особенно кальвинизм поставили во главу угла такие ценности, как либерализм, частная собственность, индивидуализм, приоритет личных интересов, стяжательство и пр. Незаметно они стали основой абсолютного большинства современных правовых систем. Большую роль в этом сыграла также западная колониальная политика, не прекращающаяся и сегодня [11, с. 219].

Основоположник правового нормативизма Г. Кельзен, рассматривая правовую систему как самодостаточный институт и настаивая на ее деидеологизации, тем не менее, ввел понятие «грунт нормы» или особого трансцендентально-логического феномена, определяющего суть и назначение всего права [12, с. 434–436]. Базовая норма, располагаясь в основе пирамиды законодательства, выступает фундаментом и легитимизирующей составляющей конституционного закона и всей системы права, отражаясь в каждом ее элементе.

Несмотря на некоторую критику «чистой теории права», нельзя отрицать, что мысль об идеологической основе законодательства отражает многие объективные закономерности развития правовых систем. Так, идеи ограничения част-

---

¹ См.: О несостоятельности (банкротстве) предприятий: закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 // Ведомости СНД и ВС РФ.– 1993.– № 1.– Ст. 6.

ной собственности, особенно на средства производства, «выравнивание» положения различных групп населения, прямого народовластия легли в основу советского права. Отдельные отголоски этих процессов прослеживаются и сегодня. Здесь можно привести отсутствие торгового права как самостоятельной юридической отрасли, значительный перегиб в сторону защиты прав работника в трудовых отношениях, потребителя-гражданина в гражданском праве и многое другое.

Не следует также забывать, что исторически в основе мировоззрения значительной части населения России лежало православие, которое, не будучи подвергнуто реформации, долгие годы опиралось на ценности соборности, нестяжательства, самоограничения. Очевидно, что это не в полной мере вписывается в систему разработанного на Западе права и концепции прав человека¹, которые активно внедрялись у нас в 90-е гг. И нет ничего удивительного в том, с каким сопротивлением наш национальный менталитет принимает подобные реформы, насколько снижается на практике эффективность, казалось бы, апробированных на Западе институтов. В европейских странах, положивших в основу ключевой идеи права сакральный характер частной собственности и либерализма, этот процесс занял целые столетия. Нашу страну попытались изменить за считанные годы. При этом либеральные ценности не нашли понимания в широких массах, более того, были дискредитированы, так как под их знаменем произошло обнищание подавляющей части населения.

Пусть читатель не поймет позицию автора превратно, любое умаление идеи прав человека недопустимо. Более того, без должного обеспечения политических, экономических, информационных и иных прав и свобод современная цивилизация немыслима. Однако за неимением иной идеологической основы («грунт-нормы») именно западное понимание прав человека легло в фундамент Основного закона. Безусловно, Конституция РФ вполне состоялась как социально-политический документ, но как социально-экономическая база государственности оставляет немало вопросов.

Институт прав человека стал системообразующим для всей правовой системы, но не смог полностью вписаться в существующие социальные институты, полноценно выполнять функции обратной связи и контроля за должностными лицами государства, явившись скорее предметом манипуляций на внутренней и международной арене.

Кроме того, в России институт президентства принял квазимонархические формы (что вполне исторически и геополитически закономерно), институт уполномоченного по правам человека, высокоэффективный в скандинавских странах, не показал у нас значимых результатов, а такие заимствованные конструкции, как, например, общество с дополнительной ответственностью оказались мертворожденными образованиями.

Только во второй половине 90-х гг. ситуация в правовой сфере стала выправляться. Принимается сбалансированный Гражданский кодекс РФ (ч. 1, 2),

---

¹ Представители ислама, например, еще более негативно относятся к западной правовой идеологии.

стабилизируется налоговое и корпоративное законодательство. Здесь сработало такое качество правовой системы, как способность к гомеостазу. В частности, в отсутствие отрасли торгового права, таковое фактически было создано в практике арбитражных судов. Высший Арбитражный суд РФ на основе обобщения практики подчиненных судов вырабатывал наиболее эффективное толкование норм права, заполнял пробелы, а временами даже осуществлял опережающее законотворчество¹. Уже к 2000 г. им было принято более двухсот информационных писем и руководящих постановлений, играющих в экономическом правосудии роль не менее значимую, чем законы [13, с. 41]. Апогеем процесса было придание в 2009 г. решениям ВАС РФ прецедентного характера. Теперь было закреплено, что суд может ссылаться на постановления Президиума ВАС по конкретному делу (п. 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ), а изменение практики ВАС РФ стало основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам всех дел со схожими обстоятельствами, судебные постановления по которым были приняты за последние три месяца (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ). К сожалению, процесс формирования торгового права в рамках судебной практики затормозился с ликвидацией ВАС РФ 6 августа 2014 г.²

Важный этап в становлении институциональных основ нашего государства пришелся на 1994–1998 гг. Стала очевидна ложность предпосылок полного устранения государства из экономики. Государственные институты активно влияли, прежде всего, на процесс приватизации, что привело к сращиванию бюрократии с классом частных собственников, развитию олигархической плутократии, стремящейся к «приватизации» всей государственности. Полноценный саморегулируемый рынок так и не был создан в связи с отсутствием его системообразующих институтов. Напротив, усилились кризисные тенденции.

Государство, лишившись значительной части имущества, не могло эффективно собирать налоги, пополнять бюджет и выполнять свои социальные функции, усиление поляризации общества по имущественным и политическим признакам не дало возможности сформировать полноценные институты гражданского общества и не могло способствовать созданию эффективной среды реформирования.

К 1998 г. пороки и внутренние противоречия новой системы управления обществом начали проявляться особенно сильно. Методы манипулирования общественным мнением уже не справлялись, недовольство росло. В обществе, как и в конце 1980-х гг., сложилось устойчивое мнение о необходимости оздоровления государственного аппарата и усиления его влияния в экономике. Несмотря на деминацию 1 января 1998 г., доля бартерных операций превысила 50 %; ресурсов, включая кредитные, не хватало для финансирования даже краткосроч-

---

¹ Так, более поздняя реформа гражданского законодательства, начатая в 2009 г., во многом закрепила в законодательстве уже существующую практику арбитражных судов.

² См.: О Верховном Суде Российской Федерации и Прокуратуре Российской Федерации: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 548.

ных обязательств. Снижение мировых цен на нефть и фондовый кризис в Юго-Восточной Азии ускорили развитие событий, и 17 августа 1998 г. государство объявляет технический дефолт по своим основным обязательствам и отказывается поддерживать курс рубля. Происходит обесценивание национальной валюты, спад производства, дальнейшее обнищание населения.

Поэтому осенью 1998 г. новое правительство, которое возглавил Е.М. Примаков, заявило о необходимости повышения роли государства, проведения реформ в интересах всего населения [14, с. 24]. Были выработаны следующие положения, которые до этого казались неочевидными: экономический рост важнее сдерживания инфляции; пенсии, пособия, зарплаты являются основой потребительского спроса и должны выплачиваться вовремя; регулирование цен естественных монополий – прерогатива государства; одним из ресурсов роста может стать расконсервация части производственных ресурсов, от которых отказались в период наиболее острых кризисных явлений. Принятые меры положительно сказались на преодолении последствий кризиса. Например, принятие закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ с явной направленностью и выделенной досудебной стадией – санацией – позволило сохранить многие хозяйствующие субъекты; мораторий на выдачу вкладов в банках, хотя и обесценил инвестиции зажиточной части населения, но позволил сохранить банкам ликвидность. Пережитый шок и последовавшая за ним смена руководства страны и Центробанка РФ оказали самое положительное влияние: в связи с падением курса рубля впервые за десятилетие стало устойчивым положительное сальдо экспортно-импортного баланса, что позволило повысить конкурентоспособность отечественных предприятий на внешнем и внутреннем рынках, подешевевшая (в иностранной валюте) стоимость рабочей силы, материалов привлекли дополнительные инвестиции, позволили занять мировые рынки сырья и энергоресурсов. Кризис сменился масштабным подъемом [15, с. 167–168]. Вплоть до 2008 г. реальные доходы населения росли на 10–15 % ежегодно. Если в начале 1999 г. они составляли 34 % от уровня 1991 г., то в 2006 г. покупательная способность была восстановлена, а в 2008 г. выросла по сравнению с 1991 г. на 18 %².

Важнейшую роль в происходящих событиях сыграли институты, связанные с главой государства. 31 декабря 1999 г. В.В. Путин становится исполняющим обязанности Президента РФ. 26 марта 2000 г. он одерживает уверенную победу на выборах Президента РФ. На тот момент были достаточно очевидными противоречивость и противодействие существующих институтов власти и социума, неспособность государства самостоятельно и целенаправленно осуществлять внешнюю и внутреннюю политику. Поэтому первые реформы начались с укрепления государственной власти и создания действенных инструментов влияния на социальные и экономические процессы.

---

¹ См.: О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон РФ от 08.01.1998 № 6-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 222.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 01.11.2018).

Хронология событий такова: уже в августе 2000 г. был изменен порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Теперь его составляли не губернаторы и главы законодательной власти субъектов, а назначенные ими представители, работающие на профессиональной основе [16, с. 93]. Создается институт Полномочного представителя Президента РФ в Федеральных округах.

В 2001 г. образована пропрезидентская партия «Единая Россия», которая в 2003 г., победив на выборах и приняв в свои ряды независимых депутатов, составила парламентское большинство и позволила уверенно преодолевать сопротивление оппозиции. В 2004 г. отменяются выборы глав регионов, назначение которых теперь осуществляется непосредственно президентом; силовые ведомства напрямую подчиняются Президенту РФ, минуя председателя правительства.

Параллельно создается необходимая правовая среда преобразований: в 2000–2002 гг. проведена судебная реформа, в ходе которой был повышен статус судьи, существенно расширены права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, предпринимательские споры рассматривают арбитражные суды, что исключает формирование двойной практики. Успешные банковская, земельная, пенсионная, налоговая реформы начала 2000 гг. стимулировали экономический рост и снижали инфляцию. Активно использовались драйверы роста (строительство, военно-промышленный комплекс); реализация национальных проектов и приоритетных направлений развития науки и техники повысила уровень развития производства [17, с. 203].

Все это сопровождалось благоприятной конъюнктурой цен на энергоносители на мировом рынке и приводило к росту валового внутреннего продукта от 4,9 до 8,1 % в год. Поэтапная смена руководства Центробанка РФ, создание из него мегарегулятора всех фондовых и финансовых рынков параллельно с формированием различных стабилизационных фондов значительно уменьшили влияние на экономику РФ мировых кризисных явлений. Но и сегодня политика Центробанка, приносящая экономическое развитие в жертву снижению уровня инфляции, далеко не беспорна и вызывает неприятную аналогию с началом 1920-х и серединой 1990-х гг.

Понимая важность идеологической среды для эффективной реализации социальных институтов, значительное внимание стало уделяться вопросам патриотизма на основе итогов Великой Отечественной войны, проведения Олимпийских игр, присоединения Крыма, внешнеполитических успехов и повышения международного авторитета РФ. Реализовывался ряд общественных проектов, связанных с воспитанием молодежи (Гордость России, Бессмертный полк, Моя страна – моя Россия). Системная работа и планирование в этой сфере вылились в принятие постановления Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”»¹.

¹ СЗ РФ. – 2016. – № 2 (ч. I). – Ст. 368.

Исходя из вышеизложенного, в период 2000–2012 гг. была вновь воссоздана традиционная российская модель «сдаточно-раздаточной экономики» со значительным влиянием государства на экономические процессы. С разной степенью результативности, но были осуществлены комплексные, институциональные реформы всех значимых сторон общественной жизни. Но при усилении государственного участия (что вполне закономерно, учитывая значительную асимметрию в развитии регионов) возврата к методам жесткого государственного регулирования не произошло. Скорее установился некий баланс механизмов саморазвития общества и государственного регулирования, неизбежного для сложно организованных социально-экономических систем [18, с. 73].

Сегодня государство решает следующие важные задачи в сфере экономики: выход из стагнации, вызванной падением мировых финансовых и сырьевых рынков, развитие перерабатывающей промышленности, создание наукоемких производств, завершение реформирования налоговой, кредитной, бюджетной, денежно-кредитной политики и т.д. Вместе с тем снижение экономического роста в 2012–2018 гг., валютный и социально-экономический кризис связаны не только со снижением цен на нефть и санкциями против России, хотя, безусловно, внешние факторы усугубляют существующие проблемы. Скорее это свидетельствует о кризисе институтов управления экономическими процессами. Их реформирование уже дало замедление темпов падения ВВП до 0,2 % и рекордно низкой инфляции – 5,4 % в 2016 г., но даже снятие негативных факторов при сохранении существующей системы даст возможность развития лишь в рамках ранее утраченных рубежей.

Но для настоящих изменений требуется постоянная эволюционная адаптация механизма управления, опора на традиционные социально-экономические институты, культивирование в обществе высокой правовой культуры, эффективного деятельного человеческого капитала, как единственно возможных ресурсов прогресса. Как отметил В.В. Путин на торжественном приеме в честь 25-летия Конституции РФ: «Текст Конституции не содержит пустых деклараций, ее положения действующие, работающие. Однако это не застывшая правовая конструкция, а живой развивающийся организм... который содержит идеи преемственности традиций, идущих из глубины веков» [19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Встреча по случаю 25-летия избирательной системы России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58972> (дата обращения 01.11.2018).
2. Красников Н. ЦРУ свалило СССР «экономической подножкой»? // Комсомольская правда: интернет-версия газеты. 2010. 8 дек. URL: <http://www.alt.kp.ru/daily/24604/774824> (дата обращения 01.11.2018).
3. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. – М.: Апрель – 85, 1995. – 351 с.

4. Чиненов Е.В. Эволюция монополии и ее регулирование в условиях трансформации российской экономики: дис. ... канд. экон. наук. – Белгород, 2001. – 256 с.

5. Чиненов Е.В. Возрастание роли государственного регулирования экономики в переходный период ее развития // Качество, безопасность, энерго- и ресурсосбережение в промышленности строительных материалов и строительстве на пороге XXI века. – 2000. – С. 312–318.

6. Экономика переходного периода: очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997 / под ред. Е.Т. Гайдара. – М., 1998. – 1116 с.

7. Нечаев А. Россия на переломе. – М.: Астрель, 2010. – 575 с.

8. Эллман М. Почему шоковая терапия в России потерпела провал // ЭКО. – 1992. – № 9. – С. 12–13.

9. Чиненов Е.В., Чиненов А.В. Отдельные вопросы ретроспективного анализа экономической преступности, связанной с функционированием юридического лица // Россия в системе мировых цивилизаций: история и современность: материалы междунар. науч.-теоретич. конф. – 2013. – С. 173–175.

10. Медведев Д.А. Юридическая природа приватизационного чека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 2. – С. 73–76.

11. Журбенко А.М., Фомин О.С. Проблемы модернизации социально-трудовых отношений в России и мировые тенденции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 219–224.

12. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция / пер. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. – 2011. – № 2. – С. 432–453.

13. Селиванов А.С. Проверка правоприменительных актов как самостоятельный вид юридической технологии // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 2 (18). – С. 39–42.

14. Климантова Г.И., Мухетдинова Н.М. Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации. – М., 2001. – С. 22–28.

15. Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 320 с.

16. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. – М.: Библиотечка РГ, 2013. – 336 с.

17. Озеров И.Н., Катаева О.В. Нормативные правовые основы обеспечения экономической безопасности в современной России // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1 (47). – С. 203–209.

18. Баранов Н.А. Институционализация в России: особенности национальной модели // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза: Научный журнал. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – Т. 3. – № 4. – С. 69–87.

19. Путин о Конституции: Это живой, развивающийся организм. URL: // <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/12/12/1752704.html> (дата обращения 01.11.2018).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES:

1. Meeting on the occasion of the 25th anniversary of the electoral system of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58972>(accessed: 01.11.2018).
2. Krasnikov N. Has the CIA knocked the USSR by the "economic step"? // Komsomolskaya Pravda: Internet version of the newspaper. 2010. Dec 8. URL: <http://www.alt.kp.ru/daily/24604/774824> (accessed: 01.11.2018).
3. A white book: Documents and facts on M. S. Gorbachev's policy to reform and preserve the multinational state. Moscow: APRIL-85, 1995. – 351 p.
4. Chinenov E. V. Evolution of monopoly and its regulation in the conditions of transformation of the Russian economy: Cand. econ. sci. diss. : 08.00.01 : Belgorod, 2001. – 256 p.
5. Chinenov E. V. The increasing role of state regulation of the economy in the transition period of its development // Quality, safety, energy and resource saving in the industry of building materials and construction at the threshold of the XXI century. 2000. pp. 312-318.
6. Economy of the transition period. Essays on the economic policy of post-communist Russia 1991-1997 / Ed. E. T. Gaidar. M., 1998. – 1116 p.
7. Nechaev A. Russia at the turn. M.: Astrel, 2010. – 575 p.
8. Ellman, M. Why shock therapy in Russia failed // ЕКО. – 1992. No. 9. – pp. 12-13.
9. Chinenov E. V., Chinenov A.V. Separate issues of retrospective analysis of economic crime related to the functioning of a legal entity // Russia in the system of world civilizations: history and modernity. Materials of the international scientific and theoretical conference. 2013. pp.173-175.
10. Medvedev D. A. The legal nature of the privatization check // Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence. – 1993. – № 2. – pp. 73-76.
11. Zhurbenko A.M., Fomin O. S. Problems of modernization of social and labor relations in Russia and global trends // News of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2012. No. 2. pp. 219-224.
12. Kelsen G. The pure theory of law and analytical jurisprudence. English trans. A. A. Krajewski // Russian yearbook of legal theory. – 2011. – № 2. – pp. 432–453.
13. Selivanov A. S. Verification of law enforcement acts as an independent type of legal technology // Altai legal bulletin. – 2017. – № 2 (18). – pp. 39-42.
14. Klimantova G. I., Mukhetdinova N. M. Income policy and living standards of the Russian population in the 1990s // Problems of human development in the activities of the Federation Council. M., 2001. – pp. 22–28.
15. Kuvalin D. B. Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence. M.: MAX Press, 2009. – 320 p.
16. Rumyantsev O. G. Constitution of 93. The history of the phenomenon. M.: library of RG, 2013. – 336 p.
17. Ozerov I. N., Kataeva O. V. Normative legal bases of economic security in modern Russia // Leningrad law journal. 2017. № 1 (47). pp. 203-209.

18. Baranov N. A. Institutionalization in Russia: features of the national model // Political expertise: POLITEX. Scientific journal. – Vol. 3. – № 4. SPb.: *Saint-Petersburg University Publishing House*, 2007. – pp. 69-87.

19. Putin about the Constitution: It is a living developing organism URL: // <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/12/12/1752704.html> (accessed: 01.11.2018).

УДК 343

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00003

Шелегов Юрий Владимирович

доцент кафедры
государственно-правовых
дисциплин Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: shelegoff@list.ru

Shelegov Yury Vladimirovich

associate professor of the Department
of State and Legal Disciplines
of the East-Siberian
Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
candidate of juridical sciences
E-mail: shelegoff@list.ru

Шелегов Владимир Георгиевич

доцент кафедры автомобильных
дорог Иркутского национального
исследовательского технического
университета
кандидат технических наук
E-mail: shelvg@mail.ru

Shelegov Vladimir Georgiyevich

associate professor of the Department
of Highways of the Irkutsk National Research
Technical University
candidate of technical sciences

E-mail: shelvg@mail.ru

**К ВОПРОСУ О КЛЮЧЕВЫХ ФУНКЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: в статье рассматриваются основные механизмы Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечивающие защиту основ конституционного строя, сохранение и развитие имеющихся конституционных ценностей в отечественном праве, позволяющие восполнять пробелы, устранять противоречия в праве, не допускать реализацию негативных для граждан, общества и государства решений Европейского Суда по правам человека. В статье рассматривается роль Конституционного Суда Российской Федерации на примере отдельных его решений в законотворческой и правоприменительной деятельности России.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, конституционно-правовое законодательство, решения Конституционного Суда РФ, научные исследования в области конституционного права. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к функциям Конституционного Суда, раскрыть содержание и практическое значение его деятельности в укреплении конституционных ценностей, устранении пробелов в законодательстве, недопущении негативных последствий решений Европейского Суда по правам человека.

Выводы и заключения: проанализированные постановления Конституционного Суда РФ позволили сделать выводы о чрезвычайно важной роли его в охране конституционного строя, развитии конституционных ценностей, их защите от внутренних и внешних угроз. В то же время отмечается, что признание неконституционными тех или иных норм права или нормативно-правовых актов ведет к появлению пробелов в праве, сроки устранения которых, по мнению авторов, должны быть установлены на уровне федерального законодательства.

Ключевые слова: Конституционный Суд, Конституция, конституционное право, пробелы в законодательстве, конституционный контроль.

ON KEY FUNCTIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article discusses the basic mechanisms used by the Constitutional Court of the Russian Federation, ensuring the protection of the foundations of the constitutional system, preserving and developing the existing constitutional values in domestic law, allowing to fill gaps, eliminate contradictions in the law, prevent the implementation of negative decisions for citizens, society and the state human rights courts. The article discusses the role of the Constitutional Court of the Russian Federation on the example of its individual decisions and the implementation of these decisions in legislative and law enforcement activities of Russia.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the Constitution of the Russian Federation, constitutional legal legislation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research in the field of constitutional law. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of comparison, analysis, synthesis and description.

Results: allowed to clarify certain provisions relating to the functions of the Constitutional Court, reveal the content and practical significance of its activities in strengthening constitutional values, addressing gaps in legislation, and preventing negative consequences of decisions of the European Court of Human Rights.

Summary and conclusions: individual decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, allowing to draw conclusions about the extremely important role of the Constitutional Court in protecting the constitutional system, developing constitutional values, and protecting them from internal and external threats were analyzed. At the same time, it is noted that the recognition as unconstitutional of one or

another rule of law or regulatory acts leads to the gaps in the law, the terms for elimination of which, in the authors' opinion, should be established at the level of federal legislation.

Key words: Constitutional Court, Constitution, constitutional law, gaps in legislation, constitutional control.

Конституция Российской Федерации, являясь основным законом государства, призвана обеспечивать стабильность общества, правовое единство государства. Значение конституционно-правового регулирования общества и государства сложно преувеличить. Однако конституционно-правовое регулирование не может быть обеспечено лишь самим наличием Конституции и федеральных конституционных законов. Регулирование – процесс непрерывный. Для его реализации предусмотрен специальный орган государственной власти и механизм, позволяющий обеспечить его эффективное функционирование. Конституционный Суд РФ играет важнейшую роль в развитии конституционализма, в сохранении таких конституционных ценностей, как демократия, приоритет прав и свобод человека и гражданина, независимость судебной власти и ее правильное функционирование на основе равноправия и состязательности сторон и др. Эти конституционные ценности являются базовыми для общества и государства, их защита обеспечивает, в том числе и полноценное развитие государства, способствует дальнейшему формированию институтов гражданского общества. Гражданское общество не сможет эффективно использовать демократические инструменты при реализации народовластия, без развитого гражданского общества демократия может быть подменена квазидемократией с плутократическим содержанием, если будет реализовываться не мнением большинства, а мнением богатых людей, которые при помощи капитала оказывают влияние на волеизъявление народа (пиар-технологии, подкуп, финансирование политических партий и продвижение их во власть). Технологий более чем достаточно.

Для недопущения подобных девиаций необходимо повышать уровень правовой культуры и правосознания общества, именно на это ориентирует основной закон и должен обеспечивать Конституционный Суд.

Важнейшая роль Конституционного Суда состоит в оценке конституционности законов и подзаконных актов. Конституционный Суд должен контролировать правильность взятого в декабре 1993 г. курса и обеспечивать реализацию целей поставленных конституцией.

Конституционный Суд должен не только осуществлять оценку конституционности тех или иных норм, законов и т.д., но и выстраивать приоритетность конституционных ценностей, обеспечивать их гармоничную реализацию и исполнение [8, с. 12].

В Конституции РФ заложена естественно-правовая концепция понимания прав человека в современном обществе и государстве. Это положение является важнейшим для всех отраслей права. Его должен в первую очередь защищать и Конституционный Суд РФ, поскольку концепция приоритета прав человека не свойственна для отечественного права. На первом месте всегда были интересы

государства, интересы определенного класса. Именно Конституционный Суд в своих постановлениях должен отстаивать эту схему правопонимания, утверждать ее как единственно правильную парадигму правовой реальности. Попытки смены отмеченной парадигмы органами государственной власти, законодательной или исполнительной Конституционный Суд должен пресекать, реализуя таким образом свои контрольные функции, осуществляя регуляцию отношений между личностью, обществом и государством, отдавая при этом приоритет личности ее правам и свободам [8, с. 5; 3, с. 9–10; 4, с. 457, 461, 471–472].

Деятельность Конституционного Суда по рассмотрению конкретных случаев нарушений прав и свобод граждан позволила распределить конституционные ценности:

1) поддержание стабильности перечня обязанностей граждан перед государством, недопущение произвольного изменения и дополнения их государством, что необходимо в первую очередь для поддержания легитимности государственной власти, укрепления доверия общества к государству и существующей в нем правовой системе, призванной в первую очередь обеспечивать защиту прав граждан, а не генерацию новых и новых обязанностей;

2) недопустимость невыполнения государством обязанностей перед обществом в вопросах социального обеспечения, предоставления льгот отдельным категориям граждан, неравное предоставление льгот гражданам одной категории (инвалиды, малоимущие, дети сироты и т.д.);

3) соразмерность ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях обеспечения защиты основ конституционного строя, например в условиях чрезвычайного и военного положения. Именно принцип соразмерности должен быть в основе реализации необходимых ограничений с целью защиты интересов и безопасности граждан;

4) обеспечение государством возможности каждому реализовывать право на судебную защиту своих прав в суде первой инстанции, а также возможности пересмотра судебного решения в апелляционной, кассационной инстанции и в порядке надзора;

5) государство несет конституционно-правовую ответственность перед личностью, в случае ненадлежащего исполнения обязанностей с обязательным возмещением причиненного вреда. Подобный механизм может быть реализован принятием федерального закона, предусматривающим реализацию подобной ответственности [4, с. 453–454; 6, с. 208–209; 7, с. 131–132].

Правотворческая роль Конституционного Суда реализуется в тех случаях, когда он не только выявляет несоответствие норм права Конституции РФ, а выявив противоречия, дает свой вариант правильного разрешения имеющейся проблемы. Это может быть указание на норму права, которую нужно применять в ситуации, в случае отсутствия таковой определить принципы, которыми необходимо руководствоваться при принятии решения, используя аналогию права и т.д. Также Конституционный Суд может предложить свой законопроект Государственной Думе. Перечисленные варианты позволяют Конституционному Суду создавать право, регулировать правоприменительный процесс, подчинять его ценностям, заложенным конституцией, воплощать эти ценности в жизнь.

Например, в постановлении Конституционного Суда РФ «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» он признал неконституционными нормы, которые ограничивали максимальный размер выплат пособия по беременности и родам. В данном случае Конституционный Суд внес законодателю предложение об установлении нового порядка осуществления выплат по беременности и родам в соответствии с международным трудовым и налоговым правом, где величина пособия коррелируется в соответствии со средней заработной платой и ставкой налога за последний период трудовой деятельности женщины, претендующей на получение указанных выплат. Этот механизм наиболее логичен и обеспечивает равенство граждан определенной категории на получение социальных льгот, установленных государством¹.

Другим не менее важным механизмом утверждения конституционных ценностей Конституционным Судом РФ является разъяснение правоприменителю смыслового значения оспариваемой правовой нормы без признания ее неконституционной. Конституционный Суд в данном случае своим решением корректирует правоприменительную деятельность, исключая двоякое толкование понимания нормы права правоприменителем. Подобная деятельность Конституционного Суда позволяет без отмены нормы отстоять конституционные ценности, выдержать единую конституционную линию во всех отраслях права.

Также Конституционный Суд может указать на прямое применение Конституции, восстановить ранее действующие нормы права, отвечающие требованиям конституции, до принятия нового законодательства, регулирующего ту или иную сферу, в которой затрагиваются права человека. Такой механизм активно используется Конституционным Судом для решения правоприменительной проблемы при отсутствии норм, регулирующих те или иные отношения, т.е. при наличии пробела в законодательстве.

Например, в соответствии с определением Конституционного Суда от 03.10.2006 г. была установлена возможность применять ранее действующий порядок получения пенсии гражданами, осуществляющими свою трудовую деятельность в тяжелых условиях, до вступления в силу нового закона, регулирующего эту сферу общественных отношений. В данном случае Конституционный Суд руководствовался принципами равенства и справедливости, поскольку независимо от того, есть правовая регуляция сферы правоприменения или нет, гражданам должны находиться в равных правах².

Еще одна достаточно часто встречаемая проблема в реализации прав граждан это ситуация, в которой правовая норма отсылает к другому нормативному акту, призванному детально урегулировать механизм правоприменения в

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2007 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т.А. Баныкиной // СЗ РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1742.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03 октября 2006 г. № 471-О по запросу Курчатковского городского суда Курской области о проверке конституционности пункта 3 статьи 27 федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и по жалобе гражданки Степановой Ольги Александровны на нарушение ее конституционных прав той же нормой // Там же. – 2007. – № 5. – Ст. 679.

конкретной сфере. Однако этот акт принимается с опозданием, по истечении одного-двух лет. Граждане не могут реализовать свои права, а правоприменители не знают чем им руководствоваться в подобной ситуации.

В таком случае Конституционный Суд отмечает, что «пробел в правовом регулировании, сохраняющийся в результате бездействия органов государственной власти, не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан и организаций»¹.

Указанное определение сформировало соответствующую судебную практику при разрешении налоговых споров [9, с. 68].

Таким образом, Конституционный Суд ориентирует правоприменителя на применение права по аналогии, принципов равенства, справедливости и соразмерности.

Развитие и воплощение в жизнь установленных Конституцией демократических и гуманистических ценностей напрямую зависит от Конституционного Суда, поскольку сам документ, каким бы замечательным он ни был, зависит от тех механизмов, которые обеспечивают его реализацию и соблюдение. Так называемая сталинская конституция 1936 г. была одной из самых демократичных на тот период: в ней говорилось о правах человека, утверждались конституционные ценности, призванные обеспечивать защиту интересов граждан, но государством по отношению к собственному народу совершались, расстрелы, необоснованные обвинения и приговоры. Не было механизмов, обеспечивающих реализацию прав, поскольку Конституция была исключительно декларативной.

Кроме отмеченных функций, Конституционный Суд выполняет интерпретационно-разъяснительную функцию, которая также обеспечивает утверждение и наполнение правореализационным содержанием конституционных ценностей, направление законотворческой и исполнительной деятельности государства на путь всемерной защиты и реализации прав и свобод человека во всех сферах общественных отношений регулируемых правом. Эта деятельность раскрывает связи конституционно-правовых норм с различными отраслями права, правоприменительными спецификациями [1, с. 15, 17, 20; 5, с. 60].

В результате толкования права Конституционный Суд РФ создает необходимые условия для гармонизации отраслевого права с конституционными ценностями, способствует проникновению конституционных принципов во все отрасли, поддерживает необходимый баланс между различными институтами и отраслями права, формирует конституционно-правовую основу каждой отрасли права, создавая при этом особые предписания, сочетающие в себе признаки как базовой конституционно-правовой доктрины, так и нормативно-правового акта [2, с. 81–82; 4, с. 12, 128–129, 142].

Может показаться само собой разумеющимся, что нормы отраслевого права должны соответствовать Конституции, в нем должны найти воплощение все принципы, закрепленные в Конституции, однако сделать это не так просто,

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9 апр. 2002 г. № 68–О по запросу Арбитражного суда Республики Карелия о проверке конституционности пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации, статей 4 и 11 закона РФ «О донорстве крови и ее компонентов» // Вестник КС РФ. – 2002. – № 4.

как кажется. Например, в ст. 123 Конституции РФ говорится о том, что судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон. Но есть ли состязательность в уголовном судопроизводстве? Элементы возможно, а в некоторых случаях эти элементы настолько размыты, что состязательность является лишь формальностью. Так, в соответствии с главой 40 УПК РФ суд принимает решение, выносит приговор без публичного судебного разбирательства, поскольку между обвиняемым и следствием заключена сделка о согласии с предъявленным обвинением. Состязательности нет и не может быть в данном случае потому, что и ту, и другую сторону все устраивает. Но принцип состязательности предусмотрен нормами процессуального права. Однако Конституционный Суд не находит в этой ситуации несоответствие Конституции. Почему? Вроде бы как стороны есть, обе согласны – значит, равноправны, а состязательность закончилась на стадии предварительного расследования. И таких правовых механизмов в отечественном праве, которые не всецело выражают дух конституционных ценностей, немало. Все это объект исследования для Конституционного Суда РФ, с принятием новых нормативных актов такие объекты будут прибавляться.

Еще одна важнейшая функция Конституционного Суда – это сохранение правового суверенитета государства, недопущение нарушения установленных Конституцией РФ и принятых на ее основе законов, конституционного строя, интересов граждан Российской Федерации, общества и государства решениями международных организаций, деятельность которых во многом носит политизированный характер. Конституционный Суд играет важнейшую роль в недопущении реализации негативных для Российской Федерации решений Европейского Суда по правам человека.

Конституционный Суд РФ по вопросу исполнения решений ЕСПЧ занял, на наш взгляд, безусловно грамотную и единственно правильную позицию, обеспечивающую баланс внутренних и внешних правовых регуляций. С одной стороны, соблюдение конституционных принципов, гарантирующих суверенитет в области права, поскольку Конституция является Основным Законом государства, и никакие решения в государстве, в том числе обусловленные исполнением решения международного Суда, не могут быть реализованы в нарушение основ заложенных в Конституции РФ. С другой стороны, признание необходимости исполнения этих решений, если они не противоречат Конституции РФ¹. А какие решения вступают в противоречие с конституционными основами, какие нет, определяет, соответственно, Конституционный Суд РФ.

Эта позиция нашла отражение и в федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации». Так, в п. 3.2 ч. 1 ст. 3 отмечено, что «По запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Рос-

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1–П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания “ЮКОС” против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

сийской Федерации, при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»¹.

Приведем один пример правотворческой деятельности Конституционного Суда РФ: 19.01.2017 г. Конституционный Суд РФ постановил о невозможности исполнения решения ЕСПЧ о выплате Российской Федерацией акционерам ЮКОС небывалой до этого компенсации в общей сумме 1,8 млрд евро. Нужно отметить, что в практике Европейского Суда это был первый случай, когда признание компенсационных выплат покрывало прямой материальный ущерб заявителей. Однако ЕСПЧ не учел при принятии решения факт ухода от налогов руководством ЮКОСа.

В своем постановлении Конституционный Суд РФ определил, что если решение Европейского Суда вступает в противоречие с основами конституционного строя страны, ограничивает права человека и гражданина, то приоритет отдается основам конституционного строя, т.е. устанавливается запрет на реализацию в Российской Федерации подобных решений. Также в постановлении отмечается приоритет Конституции РФ над международным правом. Отмечая большую юридическую силу Европейской конвенции относительно федеральных законов, Конституционный Суд подчеркивает верховенство Конституции над Европейской конвенцией и соответственно над международными договорами в целом². И это логично, поскольку международные договоры ратифицируются изданием федерального закона РФ, и подписанием ратификационной грамоты Президентом РФ. Безусловно, эти акты не могут стоять над конституцией или на одном с ней уровне.

Подводя итог, можно заключить, что Конституционный Суд Российской Федерации выполняет важнейшие функции по защите основ конституционного строя, развития конституционных ценностей, восполнения законодательства, недопущения негативных последствий решений международных судебных органов, которые в соответствии с международными договорами обязательны для исполнения Российской Федерацией.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в принятых им решениях и постановлениях, имеют огромное значение для развития конституционных ценностей в отечественном законодательстве.

Но особый интерес представляет собой функция Конституционного Суда РФ по выработке новых конституционных ценностей, о которых прямо не упоми-

---

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

нается в Основном законе, но реализация контрольной и интерпретационной деятельности усиливает конституционное воздействие на отечественное право, способствует его модернизации в современных условиях без отмены законов и принятия новых.

Конечно же, существует и ряд проблем, связанных с функциями Конституционного Суда.

Во-первых, решения Конституционного суда являются источником права, создают и развивают нормы права, наполняют новым содержанием конституционные ценности. Однако не урегулировано правом, в какие сроки должны восполняться пробелы, возникшие в результате признания их не соответствующими Конституции РФ Конституционным Судом РФ. Это создает значительные трудности для реализации прав граждан. Считаем, целесообразным установить для законодательной власти сроки восполнения пробелов в праве, выявленных или созданных в результате реализации деятельности Конституционного Суда РФ.

Во-вторых, проблема коллизионности Конституционного права в вопросах приоритета национального права, о котором говорится в постановлении Конституционного Суда РФ, в то время как ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации гласит, что если в случае противоречия норм закона и международного договора действуют нормы международного договора. Однако изменить ч. 4 ст. 15 Конституции РФ возможно, только приняв новую Конституцию РФ.

Тем не менее Конституционный Суд РФ делает все возможное для отстаивания интересов личности, общества и государства как во внутриправовом контроле, так и в контроле международно-правового влияния на охраняемые им ценности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2013. – Вып. 2. – 176 с.
2. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75–85.
3. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6 (12). – С. 1–11.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 544 с.
5. Бондарь Н.С., Джагарян А. Прямое действие Конституции : генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3 (112). – С. 52–78.
6. Витрук Н.В. Верность Конституции. – М.: РАП, 2008. – 272 с.
7. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 720 с.
8. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3 (27). – С. 1–13.

9. Соловьева И.А., Чупров В.М. О роли Конституционного Суда Российской Федерации в устранении пробелов в праве // Теория государства и права. – 2017. – № 4. – С. 67–73.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bondar N.S. Axiology of judicial constitutionalism: constitutional values in the theory and practice of constitutional justice. M.: Lawyer, 2013. Vol. 2. 176 s.

2. Bondar N.S. The normative-doctrinal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law // Journal of Russian Law. 2007. No. 4. P. 75–85.

3. Bondar N.S. Constitutional values - the category of the law in force (in the context of the practice of the Constitutional Court of Russia) // Journal of constitutional justice. 2009. No. 6 (12). Pp. 1–11.

4. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. M.: Norma; Infra – M, 2011. 544 p.

5. Bondar NS, Dzhagaryan A. Direct action of the Constitution: generation and guaranteeing by constitutional justice // Comparative Constitutional Review. 2016. № 3 (112). Pp. 52–78.

6. Vitruk N.V. Loyalty to the Constitution. M.: RAP, 2008. 272 p.

7. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. M.: Norma: Infra – M, 2011. 720 p.

8. Mavrin S.P. Constitutional values and their role in the Russian legal system // Journal of constitutional justice. 2012. № 3 (27). Pp. 1–13.

9. Solovyova I.A., Chuprov V.M. On the role of the constitutional court of the Russian Federation in eliminating gaps in law // Theory of State and Law. 2017. No. 4. P. 67–73.

УДК: 343.37

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00004

Бархатова Екатерина Николаевна
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: Solncevelvet@rambler.ru

Barkhatova Ekaterina Nikolaevna
candidate of juridical sciences
associate professor of the Department of
Criminal Law and Criminology of the
East-Siberian Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: Solncevelvet@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Введение: в статье во взаимосвязи с нормами гражданского законодательства, а также с нормами федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» рассматриваются основные положения ст. 191 УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и природных драгоценных камней или жемчуга; обосновывается неполнота предмета преступления и необходимость внесения изменений в уголовный закон в части уточнения указанного предмета; акцентируется внимание на рассогласованность норм уголовного закона и федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», провоцирующих вопросы в правоприменительной практике.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили положения Конституции РФ, уголовного и гражданского законодательства, федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих порядок оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, раскрывающие содержание основных понятий. Методологическую основу составил диалектический метод познания, методы анализа и синтеза, позволившие выявить основные закономерности, тенденции, проблемные вопросы и предложить возможные пути решения.

Результаты исследования: позволили предложить урегулирование разногласий, существующих в федеральном законодательстве по вопросам оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, разрешить отдельные вопросы квалификации уголовно наказуемых деяний, сделать вывод о необходимости расширения круга предметов посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 191 УК РФ, и предложить редакцию диспозиции статьи, обеспечивающей уголовно-правовую защиту драгоценных металлов и драгоценных камней, а также приравненных к ним предметов.

Выводы и заключения: в результате корреляционного анализа норм федерального законодательства удалось сформулировать предложения об изменении ряда норм, позволяющих обеспечить надлежащую уголовно-правовую защиту отношений в сфере экономической деятельности за счет расширения круга предметов посягательства, предусмотренного ст. 191 УК РФ.

Ключевые слова: драгоценные металлы, драгоценные камни, уникальные янтарные образования, жемчуг, незаконный оборот, аффинаж.

PECULIARITIES OF LEGISLATIVE REGULATION OF LIABILITY FOR ILLEGAL TURNOVER OF PRECIOUS METALS AND PRECIOUS STONES

Introduction: in the article, in conjunction with the norms of civil legislation, as well as with the norms of the Federal Law “On Precious Metals and Precious Stones”, the main provisions of Art. 191 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the illegal circulation of precious metals and natural gemstones or pearls are studied; the incompleteness of the subject of the crime and the need for amending the criminal law in terms of clarifying the specified subject is justified; the attention is focused on the mismatch of the norms of the criminal law and the Federal Law “On precious metals and precious stones”, which provoke questions in law enforcement practice.

Materials and methods: the normative basis of the study was constituted by the provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal and civil legislation, federal laws and regulations governing the procedure for the circulation of precious metals and precious stones, revealing the content of the basic concepts. The methodological basis was formed by the dialectical method of cognition, which made it possible to identify the main laws and trends, methods of analysis and synthesis, which made it possible to identify problematic issues and suggest possible solutions.

Results: allowed to settle the differences existing in the federal legislation on the circulation of precious metals and precious stones, to resolve certain issues of qualification of criminal offenses, to make a conclusion on the need to expand the range of objects of encroachment, responsibility for which is provided for by art. 191 of the Criminal Code of the Russian Federation and to propose an editorial disposition of the article, allowing to provide criminal legal protection of precious metals and precious stones, as well as items equated to them.

Summary and conclusions: as a result of the correlation analysis of the norms of the federal legislation, it was possible to formulate proposals on changing a number of norms, allowing to ensure adequate criminal law protection of relations in the sphere of economic activity by expanding the range of subjects of encroachment provided for in art. 191 of the Criminal Code.

Key words: precious metals, precious stones, unique amber formations, pearls, illegal traffic, refining.

Драгоценные камни и драгоценные металлы являются стратегически важными товарами, обеспечивающими экономическую стабильность государства. Этим обусловлен повышенный интерес к ним представителей преступной среды, существовавший во все времена. Золотовалютные резервы подвергаются преступным посягательствам, что негативно отражается на кредитной, денежной и валютной системах. В результате этих посягательств нарушаются не только внутриэкономические, но и внешнеэкономические отношения, оказывающие влияние также на политическую сферу.

Вызывает опасения наметившаяся тенденция роста числа фактов незаконного оборота драгоценных камней и драгоценных металлов. Так, в 2018 г. в России зарегистрировано 28 фактов незаконного оборота драгоценных камней, драгоценных металлов и жемчуга, что на 3,7 % больше, чем в 2017 г. Почти половина из зарегистрированных преступлений (16 из 28) совершена в крупном и особо крупном размерах. Два преступления совершены организованной преступной группой. Установлено и привлечено к уголовной ответственности 44 лица (+29,4 % по сравнению с 2017 г.). Наибольшее число преступлений рассматриваемого вида совершено в Дальневосточном федеральном округе (9 из 28). Лидирует по числу преступлений Магаданская область (3 преступления), Амурская область (3), Республика Саха (Якутия) (3), Красноярский край (3 преступления). Данный факт обусловлен большими запасами драгоценных металлов и драгоценных камней в указанных регионах (третья часть всего российского золота и 99 % алмазов добывается в республике Саха (Якутия), еще треть золотых запасов приходится на Магаданскую область, ежегодно примерно 10 тонн золота добывается в Амурской области, на Урале разрабатывают алмазы) [1, с. 89].

В Иркутской области в 2018 г. зарегистрировано одно преступление, предусмотренное ст. 191 УК РФ (в 2017 г. – 1), в суд с учетом преступлений прошлых лет направлено 3 уголовных дела, привлечено к ответственности 6 лиц.

Аналогичная ситуация в Забайкальском крае: зарегистрировано одно преступление, выявлено 6 лиц. Однако в Забайкальском крае отмечается снижение числа фактов незаконного оборота драгоценных камней и металлов (–80 %)¹.

Как отмечают специалисты, ситуация в сфере противодействия незаконному обороту драгоценных металлов и драгоценных камней усугубляется труднодоказуемостью крупного размера предмета преступления (свыше 2 млн 250 тыс. руб.) [3].

Драгоценные металлы и драгоценные камни обладают особым статусом, обеспечивая экономическую стабильность государства, выступая гарантом его платежеспособности. В связи с этим регулирование сделок и операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями осуществляется федеральным законом от 26 марта 1998 г. N 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах».

Спорные вопросы определения предмета преступления в ст. 191 УК РФ обсуждаются в юридической литературе [9; 5].

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России.

Предлагая определение драгоценных металлов и драгоценных камней, законодатель, избегая сложных и не знакомых обывателю физико-химических характеристик, служащих основанием отнесения металла или камня к драгоценному, пошел по пути перечисления известных металлов и камней, относящихся к драгоценным. В соответствии с определением, предложенным в федеральном законе «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», к драгоценным металлам относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, в том числе в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и других изделиях, монетах, ломе и отходах производства и потребления.

К драгоценным камням относятся природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. Кроме того, закон предполагает отнесение к драгоценным камням уникальных янтарных образований, которые признаны таковыми в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Термин «драгоценные металлы» существенно отличается в гражданско-правовом и уголовно-правовом понимании, что обусловлено изменением статуса металла в процессе его обработки. Несмотря на то, что федеральный закон содержит указание на драгоценный металл как на составную часть ювелирных изделий, бытовой техники, монет, нормы УК РФ придают драгоценным металлам иное значение. Применительно к ст. 191 УК РФ драгоценным металлом признается лишь металл, находящийся в самородном и аффинированном виде, в сплавах. Что касается ювелирных изделий, бытовых изделий, а также лома таких изделий, они в предмет преступления не включены. Как уже было отмечено, данное обстоятельство обусловлено статусом находящегося в них драгоценного металла. С точки зрения гражданского права в данном случае драгоценный металл стал частью конкретной вещи, которая принадлежит конкретному владельцу – физическому или юридическому лицу. А это значит, что отношения по поводу пользования, владения и распоряжения данными металлами в составе конкретной вещи лежат в сфере регулирования собственности.

Таким образом, в ст. 191 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за незаконный оборот драгоценных металлов в чистом или аффинированном виде, которые не прошли соответствующую обработку и не были преобразованы в лом, в ювелирные изделия или предметы быта. Выделение таких металлов в отдельный предмет и установление ответственности за них в отдельной статье обусловлено статусом обеспечивающего нормальные экономические отношения материала, при незаконном обороте которого указанные отношения нарушаются, что неблагоприятным образом отражается на всей экономической деятельности государства.

Драгоценные металлы в чистом или аффинированном виде обладают особым статусом, в связи с чем сделки с ними подлежат обязательному контролю. В ч. 4 ст. 2 федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» указано, что собственником незаконно добытых драгоценных камней и драго-

ценных металлов является Российская Федерация. Те же, что добыты законным способом, относятся к ведению Российской Федерации либо ее субъектов.

Аффинаж драгоценных металлов могут осуществлять лишь перечисленные в перечне, утвержденном постановлением Правительства РФ, организации (в настоящее время в перечень включены одиннадцать).

Кроме того, в соответствии с законом все добытые драгоценные металлы и драгоценные камни подлежат обязательной сдаче в Государственный фонд драгоценных металлов и драгоценных камней.

Статус драгоценных металлов и строгий контроль за их оборотом свидетельствует о важности рассматриваемого предмета для обеспечения стабильности в экономике государства, поэтому справедливо включение ст. 191 УК РФ в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Однако значение придаваемое понятию «драгоценные металлы» федеральным законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и УК РФ различно.

Так федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» предлагает более широкое определение понятия, включая в него, помимо самородного и аффинированного металла, также ювелирные изделия, лом металла и бытовые изделия. Уголовный закон относит к драгоценным металлам применительно к ст. 191 УК РФ исключительно не прошедший производственную обработку металл в чистом и аффинированном виде. Такое несоответствие не оказывает существенного влияния на правоприменительную практику, исходя именно из различного статуса металла на разных этапах обработки.

Однако в ряде случаев возникают вопросы, связанные с квалификацией содеянного как незаконного оборота драгоценных металлов.

Так, в ст. 191 УК РФ под незаконным оборотом понимается совершение любых незаконных сделок по поводу вещи. Применительно к обороту драгоценных металлов и драгоценных камней в соответствии с федеральным законом сделка признается незаконной в случае, если указанные металлы и камни добыты незаконным путем, а также если сделка осуществлена не уполномоченными на то субъектами. В соответствии со ст. 22 федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» обращение драгоценных металлов может осуществляться в виде государственных ценных бумаг (облигаций), номинированных в массе драгоценных металлов или обеспеченных драгоценными металлами и выпущенных в порядке, установленном Правительством Российской Федерации и в соответствии с законодательством. Обязательства по этим ценным бумагам (облигациям) должны быть гарантированы эквивалентным совокупным облигационным обязательствам эмитента количеством драгоценных металлов, размещенных на ответственное хранение в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации¹. Указанный порядок регламентирован постановлением Правительства РФ от 27 июля 1998 г. № 861 «О генеральных условиях эмиссии и обращения государственных облигаций, погашаемых золотом». Согласно данным условиям обращение драгоценных металлов осуществляется в

---

¹ О драгоценных металлах и драгоценных камнях: федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (в ред. от 1 мая 2019 г.) // Рос. газ. – 1998. – № 67. – 7 апр.

форме облигаций, именуемых золотыми сертификатами, эмитентом которых выступает Министерство финансов Российской Федерации. Все операции по учету, размещению и погашению золотых сертификатов осуществляются Министерством финансов Российской Федерации. Владельцами золотых сертификатов в соответствии с законодательством Российской Федерации могут быть юридические и физические лица. Использование и обращение слитков золота, полученных при погашении золотых сертификатов, осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации. Отпуск из Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации золота для проведения операций на внешнем и внутреннем рынках, а также отпуск иных драгоценных металлов и драгоценных камней сверх объемов, установленных планами отпуска, утвержденными Правительством Российской Федерации, и для целей, не предусмотренных этими планами, производится только по решению Президента Российской Федерации на основании мотивированного представления Председателя Правительства Российской Федерации с внесением соответствующих изменений в федеральный закон о федеральном бюджете.

Таким образом, совершать сделки с драгоценными металлами в чистом виде может лишь Министерство финансов РФ и держатели золотых сертификатов опосредованно через Министерство финансов РФ. В остальных случаях сделки считаются совершенными незаконно. Частноправовая природа драгоценных металлов и драгоценных камней вторична [10, с. 9]. Интересно, что для инвесторов в области геологического изучения, разведки и добычи драгоценных металлов и драгоценных камней действует более либеральный режим реализации права собственности на добытые драгоценные металлы и драгоценные камни [6].

Понятие сделки не охватывает добычу и аффинаж драгоценных металлов. В данном случае особый статус предмета преступления утрачивает для законодателя свое значение, а признаки содеянного соответствуют признакам состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», поскольку речь идет о деятельности, подлежащей обязательному лицензированию (на основании ст. 15 федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»). Однако добычу с последующей реализацией металла необходимо квалифицировать по совокупности ст. ст. 171 и 191 УК РФ. Полагаем, в данном случае особый статус предмета преступления дважды подчеркивается законодателем. Во-первых, потому, что для его получения требуется лицензия, во-вторых, потому, что он подлежит особой защите государства.

За рамками уголовно-правового регулирования остается деятельность частных лиц, осуществляющих добычу и аффинаж драгоценных металлов. Деятельность таких лиц не подлежит лицензированию, а потому не может быть наказуема по ст. 171 УК РФ. Вместе с тем, исходя из целей, с которыми осуществляется эта деятельность (последующая незаконная реализация и завладение полученными денежными средствами, либо изготовление ювелирных изделий для использования), уместно вести речь о хищении.

В понятие сделки также не включается производство драгоценных металлов, рекуперация драгоценных камней, использование драгоценных металлов и драгоценных камней в собственных интересах.

Поскольку изготовленные ювелирные и другие бытовые предметы, а так-

же лом драгоценных металлов не является предметом рассматриваемого преступления, приобретателя ювелирного изделия, изготовленного из драгоценного металла, добытого преступным путем, нельзя привлечь к ответственности по ст. 191 УК РФ, даже если он был осведомлен о незаконности получения такого металла. Однако данный факт можно оценить по ст. 175 УК РФ как приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем (ввиду незаконности получения ювелирного изделия из незаконно полученного драгоценного металла).

Что касается изготовителя ювелирных и бытовых изделий, использующего в качестве сырья незаконно добытый драгоценный металл, деяние необходимо квалифицировать по ст. 171 УК РФ как незаконное предпринимательство.

По оценкам специалистов российский рынок сегодня наполнен поддельной ювелирной продукцией до 30–50 %. В то время как легальный оборот составляет 2 млрд долларов [8, с. 42].

Особого внимания заслуживают природные драгоценные камни и жемчуг, как предмет преступного посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 191 УК РФ. Если в случае с драгоценными металлами законодательные расхождения не существенны и, кроме того, в диспозиции ст. 191 УК РФ предмет преступления конкретизирован за счет слов «за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий», то по поводу драгоценных камней возникает некоторая путаница.

В соответствии с федеральным законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» к драгоценным камням относятся алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, жемчуг. Кроме того, в законе указано, что к драгоценному камню приравнивается уникальное янтарное образование при условии его соответствия требованиям, перечисленным в постановлении Правительства РФ от 5 янв. 1999 г. № 8 «Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням». Согласно постановлению для того, чтобы быть приравненным к драгоценному камню, янтарное образование должно быть уникальным, т. е. обладать следующими признаками:

- массой более 1 кг;
- целостностью не менее 80 %, без трещин и сквозных раковин;
- с хорошо сохранившимися включениями флоры и фауны размером более 10 мм¹.

Обращаясь к ст. 191 УК РФ, видим, что законодатель выделил в качестве самостоятельного предмета жемчуг, входящий по умолчанию в категорию драгоценных камней, при этом оставив без внимания уникальные янтарные образования, либо включив их в разряд драгоценных камней, либо же не приняв их во внимание. Исходя из отсутствия судебной практики о незаконном обороте уникальных янтарных образований, можно сделать вывод о том, что законодатель, руководствуясь тем, что янтарь отнесен к полудрагоценным камням, решил исключить его из предмета регулирования ст. 191 УК РФ. Вместе с тем, поскольку

---

¹ Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням: постановление Правительства Российской Федерации от 5 янв. 1999 г. № 8 (в ред. от 16 дек. 2014 г.) // Рос. газ. – 1999. – №. 12. – 22 янв.

Правительством РФ янтарь отнесен к стратегически важным ресурсам¹, уголовным законом предусмотрена ответственность за его контрабанду (ст. 226¹ УК РФ), не охватывающую иные действия по незаконному обороту [7, с. 26].

Подобное решение законодателя представляется необоснованным и противоречащим федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», а также фактическому значению уникальных янтарных образований для резервного валютного фонда государства. На сегодняшний день уникальные янтарные образования оставлены вне уголовно-правовой защиты.

Кроме того, излишним представляется указание в диспозиции статьи на термин «природных» применительно к драгоценным камням, поскольку в ст. 1 федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» указано, что камни искусственного происхождения, обладающие свойствами драгоценных камней, к таковым не относятся. Хотя в последнее время синтетические монокристаллы получили широкое распространение. Их производство носит массовый характер, вследствие чего у них отсутствуют индивидуальные признаки, что делает стоимость монокристаллов ничтожной по сравнению с натуральными алмазами.

Справедливо утверждение о том, что не следует признавать предметом преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, также камни, которые по своим физико-химическим свойствам соответствуют драгоценным, но в установленном законом порядке признаны непригодными для изготовления ювелирных изделий и использования в бытовых целях [4, с. 113]. В данном случае утрачивается их ценность по критерию полезности, в отличие от искусственно выращенных кристаллов, ценность которых утрачивается по причине отсутствия уникальности.

Примечательно, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ в ст. 19.14 «Нарушение правил извлечения, производства, использования, обращения, получения, учета и хранения драгоценных металлов, жемчуга, драгоценных камней или изделий, их содержащих» указывает на аналогичный подход законодателя к определению предмета правонарушения. Тем не менее предупреждение незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней должно опираться на четко сформулированные законодательные нормы [3, с. 82].

Резюмируя изложенное, подчеркнем обозначенную выше рассогласованность отдельных норм федерального законодательства, регулирующих оборот драгоценных металлов и драгоценных камней, и предлагаем изложить название ст. 191 УК РФ в следующей редакции: Статья 191. Незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней, а также уникальных янтарных образований, приравненных к драгоценным камням.

---

¹ Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей: постановление Правительства Российской Федерации от 13 сент. 2012 г. № 923 (в ред. от 5 апр. 2019 г.) // Рос. газ. – 2012. – № 218. – 21 сент.

Как можно заметить, из названия исключен такой предмет, как жемчуг, поскольку входит в понятие драгоценных камней, а также слово «природные», поскольку указание на то, что искусственно полученные камни не относятся к драгоценным, присутствует в федеральном законе, а потому подчеркивать данный факт излишне.

С учетом предложенного названия следует также скорректировать диспозицию статьи, указав в ней соответствующий предмет преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Байгускаров И. Р., Загидуллина Л. У. Способы совершения преступлений в сфере промышленности, незаконного оборота драгоценных камней и металлов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 6. – С. 89–92.
2. Батурин К. Е. О декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Закон и право. – 2015. – № 6. – С. 129–131.
3. Гетман И. Б., Панов С. Л. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота драгоценных металлов и камней // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2017. – № 4. – Т. 9. – С. 82–86.
4. Гладких В. И. Уголовно-правовая квалификация незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Юриспруденция. – 2015. – № 3. – С. 112–119.
5. Жамбалов Д. Б. Об основах методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов 20 междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2015. – С. 321–325.
6. Лясколо А. Н. Особенности предмета преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Законодательство. – 2017. – № 11. – С. 66–74.
7. Лясколо А. Н. Разграничение преступлений в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Уголовное право. – 2017. – № 6. – С. 25–33.
8. Никонович С. Л. Некоторые аспекты уголовно-правовой защиты оборота ювелирных изделий из драгоценных металлов и камней в России // Современные тенденции развития наук и технологий. – 2015. – № 2–4. – С. 41–44.
9. Рутковская О. А. Вопросы правового регулирования внешнеэкономической деятельности в области оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Современные гуманитарные исследования. – 2015. – № 6. – С. 114–119.
10. Трунцевский Ю. В., Акопян О. А., Веремеева О. В. [и др.]. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: научно-практ. комментарий к федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. – М., 2018. – 288 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bayguskarov I. R., Zagidullina L. U. Methods of committing crimes in industry, trafficking in precious stones and metals / I. R. Bayguskarov, L. U. Zagidullina // Domestic jurisprudence. – 2017. – № 6. – pp. 89–92.
2. Baturin K. E. On the decriminalization of the illicit trafficking of precious metals, natural gemstones or pearls / K. E. Baturin // Law and right. – 2015. – № 6. – pp. 129–131.
3. Getman I. B., Panov S. L. Criminological characteristics and prevention of illicit trafficking in precious metals and stones / I. B. Getman, S. L. Panov // Actual problems of law and the state in the XXI century. – 2017. – № 4. – Vol. 9. – pp. 82-86.
4. Gladkikh V. I. Criminal legal qualification of the illicit trafficking in precious metals, natural gemstones or pearls (Art. 191 of the Criminal Code of the Russian Federation) / V. I. Gladkikh // Moscow State Regional University Bulletin. Series: Jurisprudence. – 2015. – № 3. – pp. 112-119.
5. Zhambalov D. B. On the basis of the methodology for investigating crimes involving the illicit traffic in precious metals and precious stones / D. B. Zhambalov // The activities of law enforcement in modern conditions: a collection of materials of the 20 international. scientific-practical conf. - Irkutsk: East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. - pp. 321-325.
6. Lyaskalo A. N. Features of the subject of crimes in the sphere of circulation of precious metals and precious stones / A.N. Lasykalo // Legislation. – 2017. – № 11. – pp. 66–74.
7. Lyaskalo A. N. The delimitation of crimes in the sphere of circulation of precious metals and precious stones / A. N. Lasykalo // Criminal Law. – 2017. – № 6. pp. 25-33.
8. Nikonovich S. L. Some aspects of criminal law protection of the circulation of jewelry made of precious metals and stones in Russia / S. L. Nikonovich // Modern trends in the development of science and technology. – 2015. – № 2-4. – pp. 41–44.
9. Rutkovskaya O. A. Issues of legal regulation of foreign economic activity in the field of circulation of precious metals and precious stones / O. A. Rutkovskaya // Modern Humanitarian Studies. – 2015. – № 6. – pp. 114–119.
10. Truntsevsky Yu. V., Akopyan O. A., Veremeeva O. V. and others. About precious metals and precious stones: scientific and practical commentary on the Federal Law of March 26, 1998 No. 41-FL «On Precious Metals and Precious Stones» / ed. I. I. Kucherova, N. A. Povetkina. – M., 2018. – 288 p.

УДК: 343.46:343.353:342.9
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00005

Ермаков Сергей Владимирович

доцент кафедры ОРД ОВД
Барнаульского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

Ermakov Sergey Vladimirovich

associate professor of the Department
of Operational-Search Activity of Law
Enforcement Agencies of Barnaul Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
candidate of juridical sciences

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТАТЬЕ 304 УК РФ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ДОПУСТИВШИХ ПРОВОКАЦИЮ

Введение: в статье на основе анализа оперативно-розыскной, следственной и судебной практики рассматриваются вопросы уголовно-правовой квалификации по ст. 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует оперативно-розыскное и уголовное законодательство, запрещающее провокацию в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности и устанавливающее уголовную ответственность за нее по ст. 304 УК РФ. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: определены и раскрыты признаки, наличием которых обусловлена квалификация по ст. 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию. Исследованы основной непосредственный объект данного состава преступления, его предмет, объективная сторона, специальная цель, спорные вопросы квалификации.

Выводы и заключения: считаем необходимым изменить диспозицию ст. 304 УК РФ, определив понятие «провокация» согласно его лексическому значению: «Провокация, т.е. деятельность, выражающаяся в склонении, побуждении должностного лица к принятию взятки...».

Для квалификации по ст. 304 УК РФ провокационные действия сотрудников оперативных подразделений должны нарушать интересы правосудия в целом, а также подрывать деятельность органов предварительного расследования и оперативно-розыскных подразделений по законному получению соответствующих результатов.

Предметом данного преступления являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, услуги имущественного характера.

Обязательным условием применения ст. 304 УК РФ является отсутствие согласия должностного лица на получение вознаграждения и осознание данного факта провокатором. При решении вопроса о согласии (либо несогласии) должностного лица принять предмет взятки необходимо исходить из совокупности обстоятельств совершенного преступления, а также из анализа деятельности, предшествующей преступному деянию. Ситуация, когда лицо ранее вело разговоры, в которых формально соглашалось с получением взятки или суммы подкупа, но при предоставлении предмета взятки или подкупа стало выражать несогласие, уголовной ответственности за собой не влечет.

Объективная сторона состава провокации заключается в попытке передачи денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав.

Указание на специальную цель провокационных действий сотрудников оперативных подразделений как обязательный признак субъективной стороны представляется излишним, поскольку наличие цели в виде искусственного создания доказательств или шантажа не является типичным для данного преступления. В связи с этим целесообразно исключить указание на специальную цель из диспозиции ст. 304 УК РФ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная провокация преступления, провокация взятки или коммерческого подкупа.

MATTERS OF CRIMINAL LEGAL QUALIFICATION OF ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF OPERATIONAL UNITS ALLOWING PROVOCATION ACCORDING TO ARTICLE 304 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: in the article, matters of criminal legal qualification of actions of law enforcement officers of operational units allowing provocation according to article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered on the basis of the analysis of operational-search, investigative and judicial practices.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by operational-search and criminal law, which prohibits provocation as part of the implementation of operational-search activity and criminalizes it according to article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge that has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results: features which cause qualification of actions of law enforcement officers of operational units allowing the provocation according to article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified and disclosed. The main direct object of corpus delicti, its subject, actus reus, special purpose, controversial issues of qualification are studied.

Summary and conclusions: We consider it necessary to change the disposition of article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is necessary to fix the content of the term "provocation", similar to its lexical meaning. Article 304 should be set forth as follows: «Provocation, i.e. the activity of motivating, determining an official to accept a bribe...».

For qualification according to article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation provocative actions of law enforcement officers of operational units must violate the interests of justice in general, as well as undermine the activities of preliminary investigation authorities and operational search units on obtaining relevant results legally.

The subject of this crime is money, securities, other property, property rights, property services.

Prerequisite for use of article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation is lack of agreement of an official to receive remuneration and awareness of this fact by a provocateur. When deciding matter on the agreement (or disagreement) of an official to accept the subject of a bribe, it is necessary to proceed from the combination of the circumstances of the committed crime, as well as from analysis of the activity preceding the criminal act. A situation, where a person had previously held conversations in which he formally agreed to receive a bribe or bribe amount, but when a bribe or bribe object was given, he began to express disagreement, does not entail criminal liability.

The objective side of the provocation is the attempt to transfer money, securities, other property, property rights.

Indication of the special purpose of provocative actions of law enforcement officers of operational units as a mandatory feature of the subjective side seems to be redundant, since having a target in the form of artificial creating of evidence or blackmail is not typical for this crime. In this regard, it is advisable to exclude the indication of a special purpose from the disposition of article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: operational-search provocation of crime, provocation of a bribe or commercial bribery.

В рамках исследования оперативно-розыскной провокации особое место занимает вопрос, посвященный рассмотрению уголовно-правовой квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию.

Следует согласиться с точкой зрения В.Д. Иванова и В.А. Черепahiной о том, что в теории уголовного права вопрос о понятии и сущности оперативно-розыскной провокации, а также особенностях уголовно-правовой квалификации действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию, недостаточно разработан [4, с. 29].

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что уголовно-правовая квалификация действий сотрудников правоохранительных органов, допустивших провокацию при проведении оперативно-розыскных мероприятий, зависит от уголовно-правовой квалификации деяния, к совершению которого склонялось лицо, в отношении которого проводилась оперативно-розыскная деятельность.

Несмотря на то, что провокационные действия сотрудников возможны при совершении различных преступлений (например, ст. ст. 222, 222.1, 228.1 и т.д.), напрямую уголовная ответственность в УК РФ закреплена только при провокации взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ).

Понятие провокации в рамках данного состава преступления определяется как «попытка» передачи взятки без согласия должностного лица.

Такое понимание является достаточно узким по сравнению с общим понятием «провокация», означающим подстрекательскую деятельность выражающуюся в воздействии на лицо с целью возбуждения у него желания совершить преступление.

По нашему мнению, ограничение содержания понятия «провокация» в рамках ст. 304 УК РФ по сравнению с его лексическим значением не вполне оправданно и вносит сложности в толкование. Считаем необходимым изменить диспозицию ст. 304 УК РФ, закрепив понятие «провокация»:

«Провокация, т.е. деятельность, выражающаяся в склонении, побуждении должностного лица к принятию взятки...».

Изучение следственной и судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что квалификация действий сотрудников оперативных подразделений по ст. 304 УК РФ предполагает установление следующих признаков:

1. Провокационные действия сотрудников оперативных подразделений нарушают интересы правосудия в целом, а также подрывают деятельность органов предварительного расследования и оперативно-розыскных подразделений по законному получению соответствующих результатов.

Следует отметить, что в научной литературе можно встретить и другие трактовки непосредственного объекта провокации взятки либо коммерческого подкупа.

Так, М.Н. Голоднюк полагает, что ст. 304 УК «защищает общественные отношения, связанные с выполнением такой задачи правосудия, как ограждение невиновного от необоснованного осуждения» [3].

По нашему мнению, права и интересы невиновного образуют только дополнительный объект, поскольку в первую очередь закрепление ст. 304 УК РФ направлено на обеспечение законной правоохранительной деятельности.

С точки зрения Б.В. Здравомыслова, непосредственный объект составляет законная деятельность должностных лиц либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях [7, с. 47].

Подобное понимание объекта в большей мере соответствует видовому объекту, так как деятельность должностных лиц относится к целому ряду преступлений, входящих в главу 30 УК РФ.

По нашему мнению, определяя непосредственный объект, необходимо помнить, что он всегда находится в плоскости видового объекта, который, в свою очередь, отражается в названии главы. Учитывая, что ст. 304 УК РФ располагается в главе «Преступления против правосудия», основным непосредственным объектом провокации взятки либо коммерческого подкупа являются интересы правосудия и предварительного расследования по делам о соответствующих преступлениях.

2. Предметом данного преступления являются деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, услуги имущественного характера.

Расширенный перечень предметов в рамках ст. 304 УК РФ полностью соответствует предмету взяточничества (ст. 290–291.2 УК РФ).

В частности, сотрудники оперативных подразделений могут осуществлять провокацию путем предоставления должностному лицу любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств либо любых имущественных прав (в том числе прав требования).

В том случае, если вместо имущества имеет место попытка передачи предмета, не обладающего стоимостным признаком (например, под видом денег нарезается бумага), то квалификация по ст. 304 УК РФ осуществляться не должна, а в зависимости от всех объективных и субъективных признаков возможно применение ст. 306 или 286 УК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время судебная и следственная практика признания предметом провокации имущественных прав и услуг имущественного характера отсутствует.

3. Потерпевшим по ст. 304 УК РФ выступает должностное лицо, иностранное должностное лицо, должностное лицо публичной международной организации либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческих или иных организациях. В том случае, если провокационная деятельность осуществляется в отношении других лиц (например, рядового бухгалтера, не обладающего организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями), уголовная ответственность по ст. 304 УК РФ невозможна.

Кроме того, обязательным условием применения ст. 304 УК РФ является отсутствие согласия должностного лица на получение вознаграждения. При этом лицо, осуществляющее провокацию, должно осознавать тот факт, что должностное лицо не желает принимать взятку. Именно поэтому в постановлении Пленума Верховного Суда РФ 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» закрепляется положение, что «согласие должностного лица принять незаконное вознаграждение в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, исключает квалификацию содеянного по ст. 304 УК РФ» [8].

Исходя из анализа Постановления Пленума Верховного Суда РФ, если в результате подстрекательских действий сотрудников органов внутренних дел должностное лицо приняло предмет взятки или коммерческого подкупа, то уголовная ответственность отсутствует как за факт провокации взятки, так и за получение взятки.

В научной литературе многими авторами указывается на сложность доказывания факта несогласия должностного лица принимать предмет взятки [2, с. 4]. Соглашаясь с данным утверждением, отметим, что при решении вопроса о согласии (либо несогласии) должностного лица принять предмет взятки, необходимо исходить из совокупности обстоятельств совершенного преступления, а также из анализа деятельности, предшествующей преступному деянию.

Еще одним спорным вопросом квалификации представляется ситуация, когда лицо ранее вело разговоры, в которых формально соглашалось с получением взятки или суммы подкупа, но при предоставлении предмета взятки или подкупа стало выражать несогласие [3, с. 50]. По нашему мнению, данная ситуация уголовной ответственности за собой не влечет по следующим причинам: со стороны должностного лица, очевидно, имеет место добровольный отказ, который состоялся до момента окончания преступления, определяемый для ст. 290–291.2 УК РФ моментом принятия хотя бы части предмета взятки; признать такие действия провокацией также нельзя, поскольку первоначально у должностного лица имелся умысел на принятие.

4. Объективная сторона состава провокации заключается в попытке передачи денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав.

Термин «попытка» означает действия, направленные на достижение чего-нибудь. Очевидно, что лексическое значение данного термина свидетельствует о незавершенности действий по передаче незаконного вознаграждения.

Например, Пегливанян Н.С., получив отказ от инспекторов взвода в составе ОБ ДПС ГИБДД Управления МВД России Приходько А.И. и Завражного А.А. принять взятку в виде денег за незаконное бездействие, имея умысел на провокацию взятки, указал Гаращук А.С. сделать собственноручную запись, не соответствующую действительности в протоколе об административном правонарушении в отношении нее о том, что сотрудники ДПС вымогали взятку за несооставление протокола. После того, как Гаращук А.С. выполнила требования Пегливанян Н.С., последний, продолжая реализовывать свой преступный умысел на провокацию взятки, подошел к патрульной машине и, открыв переднюю пассажирскую дверь, достал из салона автомобиля 3 билета Банка России, достоинством 100 рублей, которые он ранее положил под переднее пассажирское сиденье, разложил их на крыше патрульного автомобиля, после чего, продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на провокацию взятки, в присутствии Гаращук А.С., а также Костенко М.Ю. и Ковалева А.П., приглашенных инспекторами ДПС для участия в качестве понятых в сборе и составлении материала об административном правонарушении Гаращук А.С., с целью искусственного создания доказательств якобы совершенного инспекторами ДПС Завражным А.А. и Приходько А.И. преступления стал осуществлять видеозапись на не установленное следствием записывающее устройство извлеченных им из патрульного автомобиля денежных средств и комментировать их обнаружение, указывая, что инспектора ДПС Приходько А.И. и Завражный А.А. потребовали взятку в размере 1 500 рублей, после чего забросил указанные денежные средства через приоткрытое окно передней пассажирской двери в салон патрульного автомобиля инспекторов ДПС Завражного А.А. и Приходько А.И. [9].

В представленном примере наглядно показано наличие состава провокации даже в том случае, когда должностное лицо не принимало предмет взятки либо коммерческого подкупа.

По мнению В.Е. Крыканова, «по своему юридическому смыслу попытка ближе к пониманию обоснованного риска, закрепленного в ст. 41 УК РФ, как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Схожесть здесь состоит только в одном – в обоих случаях у лица нет уверенности в результате. Различия же заключаются в том, что, во-первых, при обоснованном риске лицо преследует общественно полезную цель. Однако при провокации взятки ею является искусственное создание доказательств обвинения или шантаж. Во-вторых, обоснованный риск – это всегда крайнее средство, без которого указанная цель не может быть достигнута. Провокация взятки таковой не является» [6, с. 17].

По нашему мнению, целесообразность сравнения обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния и попытки передачи взятки, представляется сомнительной, поскольку обоснованный риск преследует общественно полезную цель, в свою очередь провокация всегда осуществляется с преступными целями склонения к совершению преступления.

Состав преступления, предусмотренного ст. 304 УК, по конструкции объективной стороны является формальным, т.е. преступление признается оконченным с момента попытки передачи имущества без ведома должностного лица.

Таким образом, предполагается возможность совершения преступления либо путем «навязывания» провоцируемому лицу каких-либо имущественных выгод, либо путем предоставления этих выгод без его ведома.

Попытка передачи ценностей либо попытка оказания услуг без согласия провоцируемого лица в указанных в законе целях означает совершение действий, непосредственно направленных на передачу ценностей или на оказание услуг, и, поскольку состав преступления формальный, преступление должно считаться оконченным с начала совершения указанных действий.

В случае предоставления имущественных выгод без ведома провоцируемого лица преступление считается оконченным с момента совершения таких действий, которые создают видимость принятия взятки либо предмета коммерческого подкупа должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (например, подбрасывание в карман одежды, в ящик письменного стола, в машину, перевод денег на лицевой счет, оказание услуг имущественного характера близким и т.д.) [5, с. 54]. В литературе высказано мнение, что это так называемый усеченный состав [4, с. 30]. Однако, самостоятельность таких составов поддерживается не всеми учеными, поэтому, по нашему мнению, по внешним признакам сделать вывод об отнесении ст. 304 УК РФ к числу усеченных нельзя.

К дискуссионным относится вопрос о наличии или отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, в действиях лица, осуществляющего провокацию, если должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, принимает имущество или соглашается с оказанием услуг имущественного характера. По мнению Б.В. Волженкина, использование законодателем термина «попытка передачи» не означает отсутствие

состава преступления, если она удалась и передача предмета провокации состоялась. Используя такое описание преступления, отмечает ученый, законодатель просто переносит момент окончания преступления на более ранний момент, не связывая, таким образом, состав провокации взятки или коммерческого подкупа с той или иной реакцией провоцируемого лица [1, с. 315].

5. Наличие специальной альтернативной цели в виде:

- искусственного создания доказательств предполагает возможность дальнейшего уголовного преследования. Подобные ситуации не исключаются при проведении оперативного эксперимента. Например, в случае отсутствия законных оснований для проведения оперативно-розыскного мероприятия в целях создания видимости успешной работы по выявлению коррупционеров либо при наличии законных оснований, но при отказе должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции, после начала проведения оперативного эксперимента принять ценности, передаваемые под видом взятки или предмета коммерческого подкупа. В таких случаях ценности подбрасываются, а затем оформляется их изъятие как якобы полученной взятки или предмета коммерческого подкупа;

- шантажа – предъявление требований под угрозой разглашения информации о якобы совершенном преступлении.

Думается, указание на специальную цель провокационных действий как обязательный признак субъективной стороны представляется излишним, поскольку наличие цели в виде искусственного создания доказательств или шантажа не является типичным для данного преступления. Чаще всего сотрудники правоохранительных органов преследуют иные цели, например, повысить показатели служебной деятельности, получить личные выгоды в виде званий, премий и т.д.

В связи с этим целесообразно исключить указание на специальную цель из диспозиции ст. 304 УК РФ.

При отсутствии хотя бы одного из названных признаков уголовная ответственность по ст. 304 УК РФ исключается.

Анализ судебной практики приводит к выводу, что сотрудники оперативных подразделений, осуществляя документирование по составам с возможной провокационной составляющей, при общении с понятыми, свидетелями, потерпевшими разъясняют положения ст. 304 УК РФ, предупреждая указанных лиц о запрете в рамках уголовного закона совершать провокационные действия. Подобная практика представляется абсолютно верной, поскольку позволяет исключить незаконные действия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления: научно-практический комментарий. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 558 с.
2. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. – 2000. – № 6. – С. 2–6.
3. Гриненко А. Проблемы отграничения взятки или коммерческого подкупа от их провокации при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 50–52.

4. Иванов В.Д., Черепахина В.А. Провокация преступления // Рос. следователь. – 2013. – № 14. – С. 29–32.
5. Любавина М.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: научно-практическое пособие. – СПб.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 104 с.
6. Крыканов В.Е. Законодательные проблемы определения провокации взятки // Администратор суда. – 2017. – № 3. – С. 34–38.
7. Ответственность за преступления против правосудия / И.С. Власов, И.М. Тяжкова. – М.: Юрид. лит., 1968. – 134 с.
8. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9; СПС «КонсультантПлюс».
9. Уголовное дело № 1-88/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-voroshilovskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-544365390/>.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. Service crimes: scientific and practical commentary. St. Petersburg: Legal Center Press, 2005. – 558 p.
2. Gaukhan L. Corruption and corruption offense // Legality. – 2000. – № 6. – pp. 2–6.
3. Grinenko A. Problems of delimitation of a bribe or commercial bribery from provocation during the operational-search measures // Criminal Law. – 2013. – № 5. – pp. 50–52.
4. Ivanov V.D., Cherepakhin V.A. Provocation of crime // Russian investigator. – 2013. – № 14. – pp. 29–32.
5. Lyubavina M.A. Commentary to Resolution No. 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 «On the Judicial Practice in Bribery and Other Corruption Crimes»: Scientific and Practical Guide. St. Petersburg: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2014. - 104 p.
6. Krykanov V.E. Legislative problems of determining the provocation of a bribe // Court Administrator. – 2017. – № 3. – pp. 34–38.
7. Responsibility for crimes against justice / I.S. Vlasov, I.M. Tyazhkova. – М.: Legal. lit., 1968. – 134 p.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 No. 24 (ed. December 3, 2013) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 9 // LRS "Consultant Plus."
9. Criminal case No. 1-88/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-voroshilovskij-rajonnyj-sud-g-rostova-na-donu-rostovskaya-oblast-s/act-544365390/>.

УДК: 343.575

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00006

Кобец Петр Николаевич

главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Kobets Petr Nikolaevich

chief researcher of National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences,
professor
E-mail: pkobets37@rambler.ru

Краснова Кристина Александровна

ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krasnova_vnii@mail.ru

Krasnova Kristina Aleksandrovna

leading researcher of National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation,
candidate of juridical sciences,
associate professor
E-mail: krasnova_vnii@mail.ru

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ
И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ФИНЛЯНДСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ**

Введение: авторы рассматривают доминирующие тенденции наркопреступности в Финляндии, в частности, увеличение случаев незаконного употребления наркотиков в этой стране и количества преступлений, связанных с ними.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Финляндии, а также национальное законодательство в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания. Источником статистической и справочной информации явился официальный сайт Европейского центра мониторинга наркотиков и наркомании.

Результаты исследования: позволили уточнить основные достижения национальной антинаркотической стратегии Финляндии с учетом ее транзитного статуса.

Выводы и заключения: оригинальные методы борьбы с наркопреступностью и налаженный мониторинг распространенности употребления разнообразных типов наркотических средств и психотропных веществ, апробированные в Финляндии, могут быть восприняты при разработке мер профилактики наркома-

нии в нашей стране.

Ключевые слова: наркомания, незаконный оборот наркотиков, распространенность употребления наркотиков, наркопреступность, организованная преступность.

COUNTERING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING AND ORGANISED CRIME IN THE REPUBLIC OF FINLAND: PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS

Introduction: authors consider the dominating narcocrime trends in Finland, such as increase of cases of the illegal drugs use and the number of related crimes.

Materials and methods: the criminal and criminal procedure legislation of Finland and national legislation in the sphere of counteraction to drug trafficking have formed the standard basis of this research. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, synthesis and description. The official website of the European Monitoring Center for Drugs and Drug Addiction was the source of statistical and reference information.

Results: allowed to specify the main achievements of national counter-narcotics strategy of Finland taking into account its transit status.

Summary and conclusions: the original methods of combating drug trafficking and well-established monitoring of drug use prevalence can be perceived in the development of measures of drug addiction prevention in our country.

Key words: drug addiction, drug trafficking, drug use prevalence, drug crime, organised crime.

В настоящее время в государствах-членах Европейского Союза (далее по тексту – ЕС) сложилась непростая обстановка в сфере борьбы с наркопреступностью. Наркотики перемещаются непрерывно и беспрепятственно из соседних стран, при этом поставки осуществляются синхронно из многочисленных пунктов и лабораторий, находящихся практически во всех странах ЕС [10]. Изготовление и сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов становится сегодня важнейшей сферой противоправной деятельности организованных преступных групп на общеевропейском пространстве [6]. Эксперты Европола называют рынок наркотиков самым большим криминальным сектором в ЕС, отмечая, что треть организованных преступных групп, действующих на общеевропейском пространстве, вовлечены в незаконный оборот наркотиков. Если еще десять лет назад в ЕС организованные преступные группы специализировались на определенных видах наркотических средств, то сегодня в целях увели-

чения прибыли осуществляют комплексные поставки. Свидетельством тому данные о конфискованных партиях наркотиков, в состав которых входят разнообразные виды наркотических средств и психотропных веществ [2].

Увеличение случаев незаконного употребления наркотиков в Финляндии и количества преступлений, связанных с ними, стало наблюдаться в конце прошлого тысячелетия. По мнению большинства исследователей, на рост наркопреступности в стране особое влияние оказала европейская интеграция [3; 4].

Установленная в результате объединения европейских стран в ЕС открытость границ между государствами-членами отрицательно повлияла на состояние наркопреступности в Финляндии, ставшей членом ЕС в 1995 г. Следует констатировать, что именно прозрачность границ послужила основной причиной проникновения наркотических средств и психотропных веществ в Финляндию и превратила ее в страну не только транзита, но и активного потребления наркотиков [5].

Национальная стратегия Финляндии в сфере противодействия наркотикам основана на международных правовых актах и нормах национального законодательства. Центральное место в нормативно-правовой базе по противодействию наркомании в Финляндии занимает Закон о наркотиках. Положения о преступлениях, связанных с наркотиками, изложены в главе 50 Уголовного кодекса (далее по тексту – УК) Финляндии. Использование наркотиков и хранение небольшого количества наркотиков для личного использования представляют собой преступления, которые наказуемы штрафом или лишением свободы на срок до шести месяцев. Обвинение и наказание могут быть отменены, если будет установлено, что преступление незначительно, или если преступник обратился за лечением. Преступления, связанные с наркотиками, включают в себя владение (для личного использования или поставки), производство, выращивание, контрабанду, торговлю и распространение. Единый состав преступления охватывает любое из выше указанных действий. Наказание за наркопреступления варьируется от штрафа до двух лет лишения свободы, в то время как преступление, совершенное с отягчающими обстоятельствами, наказывается тюремным заключением на срок от одного года до десяти лет. Отягчающими обстоятельствами для преступления, связанного с наркотиками, признаются: использование веществ, которые считаются «очень опасными»; большое количество наркотиков; значительная финансовая прибыль; участие в группе, которая была организована с целью совершения такого правонарушения [8].

В 2014 г. в Закон о наркотиках были внесены поправки, касающиеся наркотических средств и «психоактивных веществ, запрещенных на потребительском рынке», известных как новые психоактивные вещества. Эти вещества перечислены в постановлении правительства в соответствии с определенной процедурой оценки, а несанкционированное снабжение классифицируется как преступление, угрожающее здоровью и безопасности, наказуемое тюремным заключением на срок до одного года в соответствии с главой 44 УК Финляндии.

Расширение масштабов наркопреступности актуальная проблема для Финляндии, поэтому в настоящее время государство вынуждено уделять особое

внимание ее снижению. За последние десять лет в Финляндии наблюдается рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Согласно данным статистики в 2014 г. в Финляндии было зарегистрировано около 21 850 преступлений, связанных с наркотиками. По сравнению с 2013 г. общее количество преступлений, связанных с наркотиками, незначительно снизилось. Но в целом возрастающая тенденция сохраняется. Диапазон наркотиков продолжает меняться, регулярно появляются новые наркотические вещества [9, с. 36].

Финляндия не является главной мишенью для организованных преступных групп, связанных с незаконным оборотом наркотиков, однако в распространении наркотических средств и психотропных веществ она доминирует (например, организованные мотоциклетные банды с сильными международными связями с преступными сообществами из соседних стран – Эстонии и Литвы). Синтетические стимуляторы (амфетамины и МДМА), происходящие из Западной Европы, привозятся в страну через Эстонию, Литву, Швецию, Голландию. Доступность героина на финском рынке упала после 2001 г., он был заменен опиоидными заместительными лекарствами на основе бупренорфина. В настоящее время эти препараты доставляются из Литвы, Франции и Норвегии. Увеличение доступности новых психотропных веществ (далее – NPS), известных как «легальные наркотики», является одной из новых тенденций на финской арене наркотиков, и их обычно заказывают в Интернете из-за границы. По полицейским данным NPS в основном импортируются через почтовые отправления или экспресс-перевозки грузов.

Смола каннабиса, главным образом, производится в Марокко, доходя до финского рынка из Центральной или Восточной Европы. В начале второго десятилетия нового тысячелетия эксперты высказывали опасения по поводу увеличения масштабов выращивания каннабиса в стране. В настоящее время финский рынок наркотиков стабилен, а продукты каннабиса остаются наиболее часто изымаемыми правоохранительными органами. В целом объемы изъятий колеблются из года в год и зависят от приоритета правоохранительных органов в борьбе с крупномасштабной контрабандой. Так, в 2015 г. было изъято рекордное количество амфетамина.

Мониторинг наркоситуации в Финляндии включает в себя не только регистрацию наркопреступлений, но и сбор данных об инфекционных заболеваниях, связанных с употреблением наркотиков. В Национальном институте здоровья и благосостояния (the National Institute for Health and Welfare – THL) действует национальный регистр инфекционных заболеваний, который отслеживает ситуацию с инфицированием вирусом иммунодефицита человека (далее – ВИЧ), в том числе наркоманов. По данным института число случаев ВИЧ, связанных с инъекционным употреблением наркотиков, увеличилось только с 1997 по 1999 г., но по настоящее время уменьшилось. Более половины инфицированных составляют иностранные граждане [7, с. 34]. Показатель распространенности ВИЧ-инфекции среди выборки людей, употребляющих инъекционные наркотики (далее – PWID), в 2014 г. был относительно низкий, примерно 1,19 %. В послед-

ние годы ежегодное число новых зарегистрированных случаев заражения вирусом гепатита С (далее – HCV) колебалось между 1100 и 1200. Вероятный способ передачи был отмечен менее чем у половины из этих людей, приблизительно половина была связана с употреблением инъекционных наркотиков. Примерно три четверти пациентов получили положительный результат гепатита С в 2014 г., а его распространенность была значительно выше среди лиц старше 34 лет. Число диагностированных хронических инфекций гепатита В (далее – HBV) в Финляндии сокращается. В целом за последнее десятилетие произошло значительное снижение уровня инфицирования ВИЧ и HBV, связанного с употреблением инъекционных наркотиков в Финляндии. Однако распространенность инфекции HCV остается довольно стабильной. Считается, что совместное использование инъекционных принадлежностей остается важным маршрутом передачи HCV в Финляндии. Для решения проблемы инфицирования в 2016 г. была принята первая национальная стратегия по инфекции HCV [1, с. 101–102].

Необходимо отметить, что данные национального мониторинга обобщаются на наднациональном уровне. Уполномоченным органом по вопросам, связанным с наркотиками, в ЕС является децентрализованное учреждение – Европейский центр мониторинга наркомании (далее – EMCDDA), который на протяжении более 20 лет собирает, анализирует и распространяет научно обоснованную информацию о наркотиках и наркомании и их последствиях, предоставляя фактическую картину явления на общеевропейском пространстве.

Согласно общему обзору EMCDDA 2014 г. 1 из 10 финских взрослых в течение жизни пробовал синтетический каннабиноид или катинон (по действию на организм близок к эфедрину и амфетамину), 19 % финнов в возрасте от 15 до 69 лет пробовали каннабис. Использование конопли чаще встречается среди молодых людей: 14 % респондентов в возрасте от 15 до 34 лет употребляли каннабис в течение предыдущих 12 месяцев. В 2015 г. 8 % учащихся восьмых и девярых классов, 12 % учащихся старших классов средней школы, первых и вторых курсов и 22 % учащихся начальных и средних школ пробовали наркотики по крайней мере один раз. Согласно исследованию с 2012 г. в Финляндии насчитывается от 18 до 30 тыс. пользователей амфетаминов и опиоидов. В 2014 г. большинство лиц, злоупотребляющих наркотиками, которые проходили лечение от наркомании, составляли мужчины (66 %) и молодые люди (средний возраст 31 года). Их образовательный уровень был низким, многие из них были безработными. Почти каждый десятый (9 %) был бездомным. Употребление различных наркотиков является обычным явлением у 57 % пациентов, получивших лечение от злоупотребления наркотиками. В отчете было отмечено, что они использовали по крайней мере три разных препарата. Большинство наркоманов проходили лечение от наркотической зависимости ранее (83 %), а также употребляли наркотики внутривенно (77 %). Более половины наркоманов, получивших лечение от злоупотребления наркотиками (53 %), лечились в основном от зависимости из-за использования опиоидов. Бупренорфин был наиболее распространенной причиной обращения за лечением (41 %), а героин был основным

препаратом среди 2 % пациентов, употребляющих наркотики. Другими основными причинами обращения за лечением были стимуляторы (14 %), каннабис (14 %) и седативные средства (7 %). Бупренорфин и метадон используются как в качестве противозаконных препаратов, так и в качестве рецептурных препаратов для снятия симптомов и замещения лекарств. Количество людей, назначенных на опиоидную заместительную терапию, оценивается примерно в 2500 человек. Таким образом, каннабис в растительных формах остается наиболее распространенным незаконным наркотиком, его использование в основном распространено среди финского населения в возрасте 15–34 лет. Амфетамины являются наиболее распространенными незаконными стимуляторами среди финских граждан в целом, и их используют в основном лица в возрасте 25–34 лет. В Финляндии в целом употребление запрещенных наркотиков чаще встречается среди мужчин, чем среди женщин.

В январе 2018 г. EMCDDA приступил к работе в рамках программного документа EMCDDA 2018–2020 гг., включающего в себя годовую программу работы на 2018 г., которая находится на стыке двух стратегий – стратегии EMCDDA на 2016–2018 гг. и новой стратегии EMCDDA до 2025 г. Данные документы отражают приоритеты, руководящие принципы и долгосрочное направление развития антинаркотической стратегии в ЕС.

Таким образом, информация о правонарушениях в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является основой для мониторинга преступлений, связанных с наркотиками. Данные об обороте наркотиков в Финляндии являются одним из критериев оценки деятельности правоохранительных органов и показателем динамики рынка наркотиков. Они используются для совершенствования стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотиков, уточнения государственной политики в рассматриваемой области и разработки мер профилактики наркотизации населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ермаков С.П., Молчанова Е.В., Терехин П.А. [и др.]. Оценка индикаторов здоровья населения в России и Финляндии // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2017. – № 1. – С. 86–107.
2. Ерофеев И.В. Уголовное законодательство Европейского Союза в области противодействия незаконному обороту наркотиков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 116–118.
3. Жестеров П.В. Усиление уголовной репрессии в сфере противодействия терроризму: российский и европейский опыт // Юридическая мысль. – 2016. – Т. 93. – № 1. – С. 98–103.
4. Кобец П.Н., Краснова К.А. Об опыте правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотиков в странах Западной Европы // материалы третьих антинаркотических чтений профессорско-преподавательского состава, студентов и практических работников, посвящ. десятилетию действия федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», 4 апр. 2008 г. /

отв. ред. А.Ф. Галузин, В.В. Лошкарев. – Самара, 2008. – С. 112–122.

5. Кобец П.Н. Укрепление международной системы контроля над незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. (10 февр. 2016 г. Уфа). – Уфа, 2016. – С. 61–63.

6. Краснова К.А. Современное состояние и перспективы сотрудничества со странами Европейского Союза в борьбе с организованной преступностью // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов шестой междунар. науч.-практ. конф. 29–30 янв. 2009 г. – М., 2009. – С. 472–474.

7. Кузнецова О.Ю., Вайниомяки П., Лебедев А.К. [и др.] Отношение к ВИЧ-инфицированным врачам Санкт-Петербурга и Финляндии: результаты интернет-опроса // Российский семейный врач. – 2009. – Т. 13. – С. 32–35.

8. Носова А.О. Ответственность за незаконный оборот наркотиков в РФ и Финляндии: сравнительный анализ // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 66-й всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых. – Петрозаводск, 2014. – С. 443–447.

9. Создание национального наблюдательного центра по наркотикам: совместное пособие / Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ. – Люксембург, 2011. – 119 с.

10. Шестопапов С.В., Краснова К.А. Правовое регулирование предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: опыт европейских стран // Будущее без наркотиков: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Алматы, 14 дек. 2010 г.). – Алматы, 2010. – С. 38–42.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Ermakov S.P., Molchanova E.V., Terekhin P.A., Novgorodova A.V. Assessment of population health indicators in Russia and Finland // ETAP: economic theory, analysis, practice. – 2017. – No. 1. – pp. 86–107.

2. Erofeev I.V. The European Union criminal legislation in the field of combating illicit drug trafficking // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – No. 9. – pp. 116–118.

3. Zhesterov P.V. Strengthening criminal repression in the field of countering terrorism: the Russian and European experience // Legal thought. – 2016. – V. 93. – No. 1. – pp. 98–103.

4. Kobets P.N., Krasnova K.A. On the experience of legal regulation of countering illicit drug trafficking in Western Europe // Materials of the 3d anti-drug readings of the faculty, students and practitioners on the 10th anniversary of the Federal Law "On Drugs and psychotropic substances", 4 Apr. 2008 / ed. A.F. Galuzin, V.V. Loshkarev. – Samara, 2008. pp. 112–122.

5. Kobets P.N. Strengthening the international system of control over the illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances. The current state and development

prospects of the Russian and international legislation: collection of articles of the international scientific-practical conference (February 10, 2016, Ufa). - Ufa, 2016. pp. 61–63.

6. Krasnov K.A. Current status and prospects of cooperation with the countries of the European Union in the fight against organized crime // Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century: Proceedings of the sixth international scientific and practical conference. January 29-30, 2009. – M., 2009. pp. 472–474.

7. Kuznetsova O.Yu., Vainiomyaki P., Lebedev A.K., Kuznetsov N.I., Plavinsky S.L., Fortelius K. Attitude towards HIV-infected doctors of St. Petersburg and Finland. Results of the online survey // Russian family doctor. 2009. Vol. 13. pp. 32–35.

8. Nosova A.O. Responsibility for drug trafficking in the Russian Federation and Finland: a comparative analysis // Research work of students and young scientists: materials of the 66th all-Russian (with international participation) scientific conference of students and young scientists. – Petrozavodsk, 2014. pp. 443–447.

9. Establishment of a national drug observatory: joint manual. Bureau of Official Publications of the European Communities. - Luxembourg, 2011. 119 p.

10. Shestopalov S.V., Krasnova K.A. Legal regulation of the prevention of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: experience of European countries // In the collection: Future without drugs: materials of the international scientific-practical conference (Almaty, December 14, 2010). – Almaty, – 2010. – pp. 38–42.

УДК: 343.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00007

Малыхина Татьяна Анатольевна
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Восточно-
Сибирского института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: malykhina_t@mail.ru

Malykhina Tatyana Anatolyevna
associate professor of the Department
of Criminal Law and Criminology of
the East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: malykhina_t@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Введение: в статье представлен криминологический анализ состояния преступности, связанной с употреблением алкоголя с 2013 по 2018 г.; выявлены взаимозависимые связи между показателями рассматриваемого периода, а также сделана попытка выработки комплекса мер по профилактике отдельных видов преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

Материалы и методы: основу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, судебные и нормативные правовые акты РФ, статистические данные о состоянии и динамике преступности в Российской Федерации.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили уточнить, что эффективность мер в борьбе с алкоголизмом возможна только при условии системного применения экономических, социальных, правовых, воспитательных, психолого-педагогических, социологических, медицинских мер, совместной работы множества государственных органов, общественных объединений и движений.

Выводы и заключения: детерминантами проявления такого фонового явления преступности, как пьянство являются различные факторы. Зачастую они связаны с условиями, в которых проживают преступники, с политикой, которую ведут государственные органы, с низким экономическим и социальным уровнем населения. Предложенная система общих и специальных мер профилактики отклоняющегося поведения предполагает воздействие на различные уровни социальной организации в целях достижения максимальной эффективности в борьбе с алкоголизмом, а также в целом при решении задач по снижению уровня преступности, связанной с употреблением алкоголя.

Ключевые слова: негативные социальные явления, связанные с преступностью, фоновые явления, криминально-криминогенные феномены, пьянство, алкоголизм, алкоголизация, состояние опьянения, причины и условия преступности, предупреждение преступности.

PROBLEMS OF PREVENTION OF CRIMES COMMITTED UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL

Introduction: the article presents a criminological analysis of the state of alcohol related crime in the period of 2013 - 2018; it identified interdependent relationships between the indicators in the period of time, as well as an attempt was made to develop a set of measures for the prevention of certain types of crimes committed while intoxicated.

Materials and methods: the basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, criminal and criminal procedure legislation, judicial and regulatory legal acts of the Russian Federation, statistical data on the state and dynamics of crime in the Russian Federation.

The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, synthesis and description.

Results: allowed to clarify that the effectiveness of measures in the fight against alcoholism is possible only under the condition of systematic use of economic, social, legal, educational, psychological, educational, sociological, medical measures, the joint work of many government bodies, public associations and movements.

Summary and conclusions: determinants of such a background phenomenon of crime as drunkenness are various factors. Often they are connected with the conditions in which the criminals live, with the policy pursued by the state authorities, with the low economic and social level of the population. The proposed system of general and special measures for the prevention of deviant behavior implies influencing various levels of social organization in order to achieve maximum effectiveness in combating alcoholism, as well as, in general, in solving problems of reducing the alcohol related crime rate.

Key words: negative social phenomena associated with crime; background phenomena; criminal-criminogenic phenomena; drunkenness; alcoholism; alcoholization; intoxicated; causes and conditions of crime; crime prevention

Исследования такого негативного социального явления, как преступность позволяют говорить о том, что ее существование является неотъемлемой частью любого общества. Преступность с точки зрения классической криминологиче-

ской теории зародилась с момента возникновения социума. С тех пор основной задачей любого государства и общества является выявление причин и условий, способствующих существованию этого социального явления, с целью эффективного воздействия на них для достижения основной цели – предотвращения роста преступности и снижения ее основных показателей.

Данное исследование посвящено изучению негативных социальных явлений, связанных со злоупотреблением алкоголем – пьянства и алкоголизма, которые оказывают негативное влияние на множество факторов, начиная от здоровья и социального благополучия населения, заканчивая характером и тяжестью совершенного общественно опасного деяния. Это обусловлено тем, что последствия от наличия и протекания таких явлений представляют большую опасность и угрозу для общества.

В современном обществе существует огромное множество негативных явлений, оказывающих крайне отрицательное воздействие на него: пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество, попрошайничество, экстремизм и др. Сущность и характер таких явлений обуславливает их криминогенность, прямая и обратная связь с преступностью. Это, безусловно, говорит о важности и необходимости изучения указанных негативных социальных явлений, связанных с преступностью.

Синонимом негативных социальных явлений, связанных с преступностью, является понятие фоновых явлений преступности, которые, по утверждению В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, сами по себе не относятся к преступным, но активно способствуют совершению преступлений, создают предпосылки для ее существования и распространения [3, с. 142]. Пьянство и алкоголизм – наиболее распространены, поэтому изучение их криминологических особенностей – важнейший этап разработки мер по предупреждению преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

В научной литературе существует ряд исследований, посвященных проблемам предупреждения негативных социальных явлений, связанных с преступностью. Криминологи часто называют их криминально-криминогенные феномены. Анализ сущности такого криминально-криминогенного феномена преступности, как алкоголизм, оценка степени его общественной опасности, выявление и устранение причин и условий, способствующих его распространению – все это оказывает огромное влияние на реализацию возможностей общества и государства, направленных на осуществление разрушающего воздействия на преступность.

При исследовании использовались научные труды таких исследователей негативного влияния алкоголизма и наркомании на уровень преступности, как С.С. Бахтеев, изучающий проблемы алкоголизма и преступности; О. Л. Гончарова, исследующая проблему наркомании среди молодежи и ее профилактики; Ю.С. Вторушина, рассматривающая состояние опьянения в системе норм общей и Особенной частей УК РФ и др.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в процессе анализа и обобщения количественных и качественных показателей, отражающих состояние, динамику и уровень преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации с 2013 по 2018 г. Кроме этого, была проанализирована динамика удельного веса лиц, совершивших пре-

ступления в состоянии алкогольного опьянения, в общем количестве выявленных лиц в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.

Таким образом, основу исследования составил анализ статистических данных о состоянии преступности, связанной с употреблением алкоголя, а также особенностей влияния данного факта (как основного среди детерминантов) на общество и состояние преступности в целом.

Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, познавательные методы и приемы наблюдения, анализа, обобщения и описания, обобщения судебно-следственной практики.

На сегодняшний день в современном российском обществе преступность как негативное социально-правовое явление детерминирована огромным разнообразием различных факторов. Детерминанты преступности, включая те условия, которые способствуют формированию ее причин, имеют социально-правовые, экономические, демографические, политические, идеологические и иные корни.

Важным аспектом при изучении причин и условий любого вида преступности является всесторонний анализ так называемых фоновых явлений – негативных социальных явлений, связанных с преступностью, ее криминально-криминогенных факторов, которые по сути своей преступлениями не являются, однако активно способствуют совершению преступлений, создавая предпосылки для существования и распространения преступности [3].

Среди подобных явлений широкое распространение имеют такие, как пьянство и алкоголизм. Основные факторы, детерминирующие данные явления, имеют социальный характер и выступают сопричинами существующих в обществе социально-экономических, нравственно-правовых, культурных, идеологических и иных факторов преступности.

Так, недостатки и противоречия в социально-экономической сфере могут быть спровоцированы ослаблением государственной власти, спадом производства, сокращением рабочих мест, ослаблением социальной защиты населения, что, в свою очередь, порождает такое негативное социальное явление, как безработица, которая и будет выступать одной из причин преступлений, посягающих на экономическую безопасность страны и отношения собственности. В свою очередь безработица порождает у некоторой части населения распространение такого явления, как пьянство.

Злоупотребление алкоголем выступает в качестве условия, которое способно приводить к деформациям общественной психологии на различных уровнях, в различных сферах жизни общества. Вместе с тем оно при определенных обстоятельствах может выступать условием, способствующим совершению конкретных преступлений. Таким образом, само антиобщественное поведение людей, проявляющееся в злоупотреблении алкоголем, как правило, служит детерминантой для совершения преступлений и представляет собой единый и непрерывный процесс правонарушения, являясь криминально-криминогенным феноменом.

В современном обществе негативные социальные явления разрушительно влияют на общество и государство в целом, порождая в свою очередь ряд иных негативных социальных последствий, таких как деформации общественного со-

знания людей на различных уровнях, появление у них устойчивых антиобщественных установок, распространение отрицательного отношения к правовым запретам, нормам морали, ценностным ориентациям личности, негативное, искаженное отношение к людям, обществу, а также соблюдению общественного порядка и др.

Алкоголизм, безусловно, детерминирует феномен так называемой алкогольной преступности. При разработке мер противодействия таким преступлениям важно основываться на изучении криминологических особенностей преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

Алкоголизм является наиболее распространенным среди всех фоновых явлений современного общества. К рассмотрению данного явления можно подойти с нескольких сторон, поскольку оно обусловлено экономическими, политическими, демографическими и даже национально-историческими факторами. Более того, в соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ уголовный закон предоставляет суду право «...с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния, обстоятельств его совершения и личности виновного признать совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения отягчающим наказанием обстоятельством»¹. Данный фактор, в свою очередь, негативно отразится на положении лица при назначении ему вида и размера уголовного наказания.

В современном обществе криминальные тенденции, связанные с употреблением алкоголя, сопровождаются распространением пьянства и алкоголизма, увеличением уровня потребления алкогольной продукции, наращиванием объема выпуска крепких алкогольных напитков, реализацией их в неограниченном количестве, широкой доступностью (продажа несовершеннолетним алкоголя в запрещенное время, в запрещенных местах и др.).

Проанализируем показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации за последние пять лет (с 2013 по 2018 г.).

Интересно отметить, что количество совершаемых преступлений в состоянии алкогольного опьянения имеет скачкообразную динамику. Так, наибольшее количество таких преступлений за рассматриваемый период приходится на 2015 г. Однако в 2016 г. количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, заметно снизилось и до конца 2018 г. имело отрицательный темп прироста.

С учетом ретроспективы рассматриваемых показателей напрашивается закономерный вывод, что уменьшение с каждым годом отрицательного показателя прироста ведет к его качественному изменению, увеличению числа преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. В связи с этим увеличение темпов прироста данной категории преступлений говорит о возможности обострения в будущем алкогольной ситуации в стране, об увеличении социальной напряженности в целом, а также о необходимости принятия неотложных, эффективных профилактических мер в данном направлении (см. табл. 1; рис. 1 и 2).

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ в ред. от 27.12.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699. (дата обращения 05.03.2019)

Таблица 1

Показатели преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.¹

Годы / Показатели	Зарегистрировано всего преступлений	Прирост в предыдущем году, %	Преступления, совершенные лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения	Прирост в предыдущем году, %	Удельный вес в общем числе преступлений, %
2013	2206249	-4,2	341034	8,3	15,4
2014	2166399	-1,8	353330	3,6	16,3
2015	2352098	8,6	401042	13,5	17,0
2016	2160063	-9,6	440154	9,7	20,3
2017	2058476	-4,7	378013	-14,1	18,3
2018	1991532	-3,2	351601	-6,9	17,6

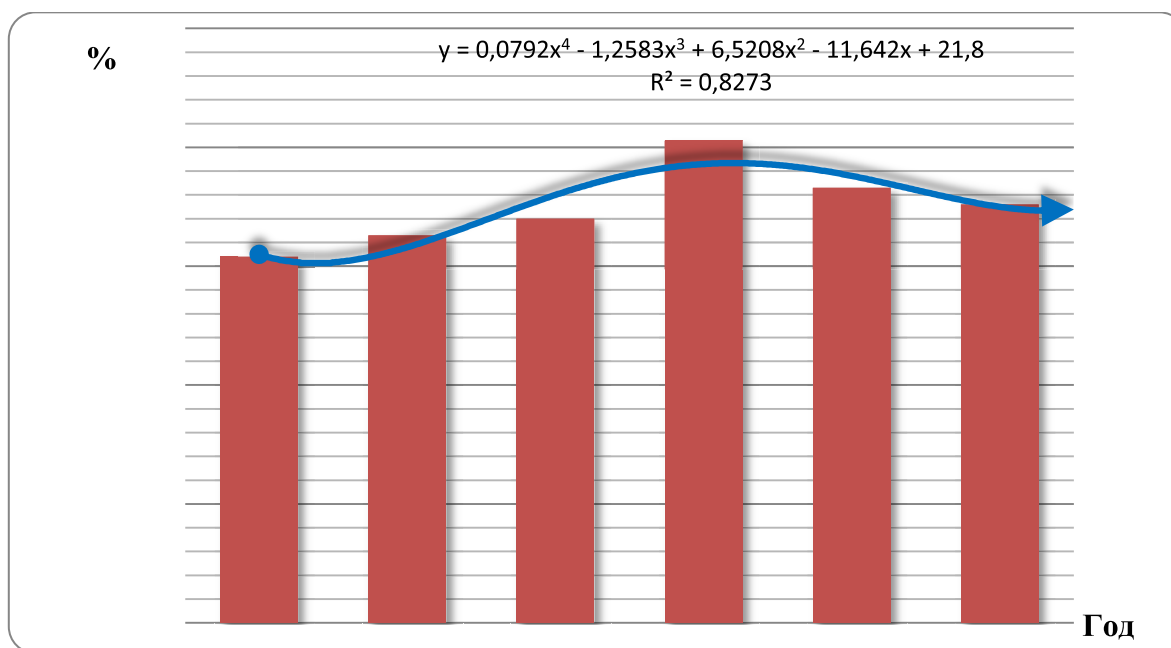

Рис. 1. Динамика удельного веса лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, в общем количестве выявленных лиц в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за 2013–2018 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения 05.04.2019).

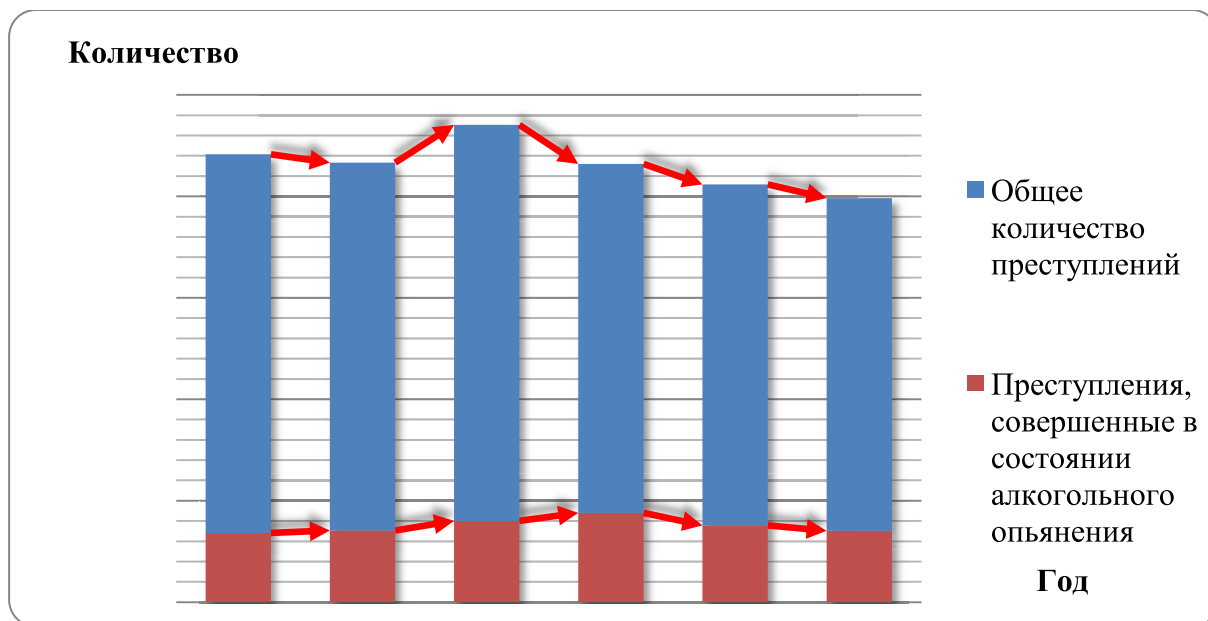

Рис. 2. Соотношение преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, к общему числу преступлений в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.

Проанализируем также данные о лицах, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.

Таблица 2

Показатели лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации с 2013 по 2018 г.¹

Годы / Показатели	Выявлено лиц, совершивших преступление	Прирост в предыдущем году, %	В состоянии алкогольного опьянения	Прирост в предыдущем году, %	Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %
2013	1012563	0,2	298306	9,4	29,5
2014	1000100	-1,2	310082	3,9	31,0
2015	1063034	6,3	351353	13,3	33,1
2016	1015875	-5,5	395299	11,5	38,9
2017	967103	-4,8	352062	-10,9	36,4
2018	931107	-3,7	326269	-7,3	35,0

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за 2013–2018 гг. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения 05.03.2019).

В анализируемых показателях следуют обратить внимание на удельный вес лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления. С 2013 по 2018 г. данный показатель в среднем составляет одну треть от общего количества выявленных лиц, что лишней раз подчеркивает распространенность, опасность алкоголизма и возможность создания данным фоновым явлением условия для совершения лицом преступления (см. рис. 3, 4).

Таким образом, можно сделать вывод, что прирост преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, а также прирост лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, критично снижается и в будущем может быть опасным для состояния благополучия общества и государства. В среднем каждое пятое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения. Хотя алкоголизм не является уголовно наказуемым деянием, а только отягчающим обстоятельством, тем не менее между алкоголизмом и преступностью существует тесная связь, обуславливающая криминогенность данного явления.

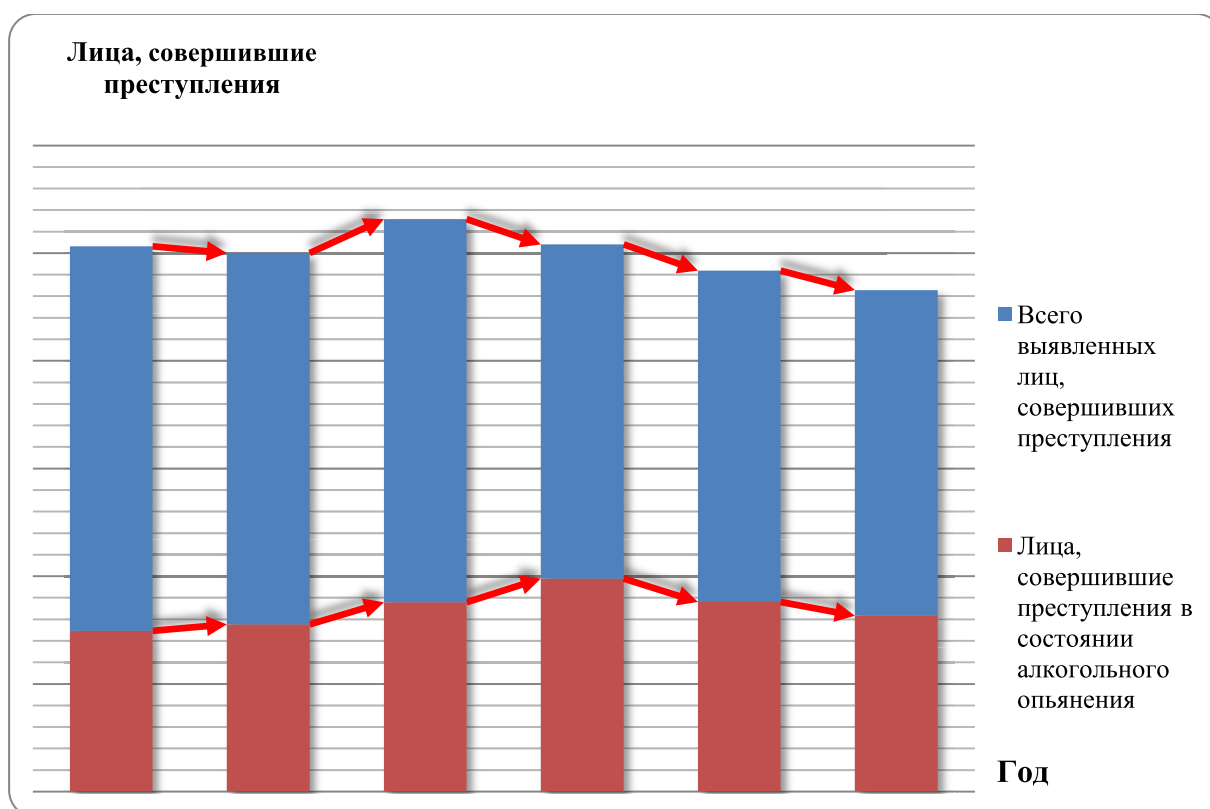

Рис. 3. Соотношение числа лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, к общему числу выявленных лиц

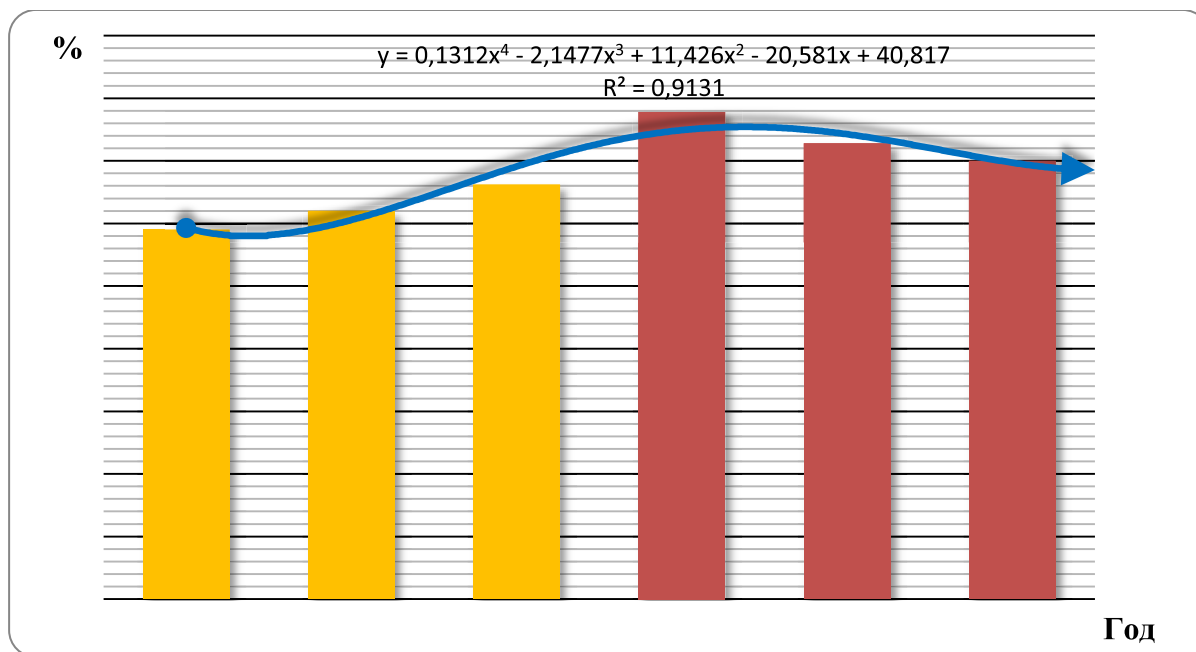

Рис. 4. Удельный вес лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, в общем числе выявленных лиц

Алкоголизм как негативное фоновое явление преступности имеет свои детерминанты. Во-первых, является социальной проблемой, соответственно решение ее заключается в решении социальных проблем через призму воздействия на причины негативных социальных явлений, при которых алкоголь рассматривается как «...адаптивная функция в условиях накопления неблагоприятных жизненных обстоятельств» [2]. Подобных суждений придерживаются многие исследователи в данной области, которые считают алкоголизм явлением «разрушающейся социальной адаптации», своеобразным «медиатором между социальными переменными и восприятием их отдельной личностью» [4].

Находящиеся в алкогольной зависимости лица повышают уровень лиц, социально неадаптированных, исключенных из полноценной общественной жизни, что ведет при определённых обстоятельствах к их виктимности, а также вероятности совершения ими преступлений в силу недостаточно адекватного восприятия окружающей действительности.

Теперь рассмотрим личность лиц, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения. По мнению С.С. Бахтева, они «характеризуются пассивностью, низким уровнем агрессивности, а также эмотивностью, т.е. повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, ранимостью, постоянным ощущением своей незащищенности. Это люди, стремящиеся быть опекаемыми, зависимыми от сильной личности» [1, с. 102].

Лица, относящиеся ко второй группе, более активны, проявляют ярко выраженные защитные реакции, импульсивны, обладают низкой способностью самоконтроля. Таким преступникам свойственны аффективные состояния, стремление к риску, острым ощущениям и т.д. и в то же время их самооценка зача-

стью повышена, уровень адекватной оценки ситуации снижен, их социальные позиции эмоционально незрелы, суждения – поверхностны.

Лицам из третьей группы свойственны повышенная тревожность, неуверенность в себе, нерешительность, чрезмерный контроль своих действий, повышенное чувство вины, болезненные переживания по поводу своих ошибок и неудач. Для них типичны заниженные оценки своих возможностей, невысокий общий тонус, из-за чего они постоянно находятся в состоянии внутреннего напряжения и неудовлетворенности.

Итак, как было отмечено ранее, спад количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, наблюдается с 2015 г. по настоящее время. Действительно, ведь в 2009 г. разработана Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г. Она в первую очередь направлена на снижение объемов потребления населением алкогольной продукции, улучшение демографической ситуации в стране, повышение продолжительности жизни населения, уменьшение смертности, формирование стимулов к здоровому образу жизни. Более того разработаны меры по реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации¹. С 2014 г. действует новая государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», предусматривающая профилактику заболеваний и формирование здорового образа жизни, сокращение смертности, в том числе от потребления алкогольной продукции².

Как видно из приведенной статистики, вышеперечисленные программы действительно оказывают положительное влияние на сокращение темпов алкоголизации населения и, соответственно, уменьшение количества преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. При этом следует помнить и о мерах профилактики, предпринимаемых правоохранительными органами.

Так, при осуществлении профилактики алкоголизма особо необходимо его предупреждение в быту. При этом действенными средствами ранней профилактики являются своевременное выявление и постановка на учет лиц, злоупотребляющих спиртными напитками в быту, последующий контроль за их поведением по месту жительства, осуществляемые участковыми уполномоченными полиции. В целях предупреждения алкоголизма на производстве участковые уполномоченные и другие сотрудники полиции взаимодействуют с руководством и отделами кадров предприятий, учреждений и организаций. В качестве одного из способов повышения эффективности от проводимых мер профилактики представляется возможным усилить контроль за данными мерами посредством формализо-

---

¹ Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 дек. 2009 г. № 2128-р // СЗ РФ. – 2010. – № 2. – Ст. 264.

² Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. № 294 // Там же. – 2014. – № 17. – Ст. 2057.

ванной процедуры, а также системы оценки эффективности результатов деятельности правоохранительных органов. Сотрудники подразделений органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних во взаимодействии с органами прокуратуры, суда, комиссиями по делам несовершеннолетних проводят целенаправленную работу по выявлению и устранению причин и условий, способствующих пьянству в молодежной среде, выявлению подростков, склонных к употреблению спиртных напитков, проведению с ними индивидуальной профилактической работы с одновременной постановкой таких лиц на соответствующий учет [5]. Активная работа должна осуществляться и с родителями и лицами, их заменяющими, злостно уклоняющимися от воспитания детей.

Проведенное Р.А. Семенюк исследование показывает, что лечиться алкоголики не желают. В медицинские организации добровольно за помощью обращаются примерно 6–8 % лиц, злоупотребляющих алкоголем. Остальные лечиться либо не хотят, либо вообще не признают себя алкоголиками или наркозависимыми, либо материально не в состоянии, либо не хватает силы воли полностью пройти курс лечения [5]. Решить данную проблему можно путем принудительного лечения лиц, больных алкоголизмом либо наркоманией, совершивших преступление либо административное правонарушение.

Значительное место в предупреждении пьянства и алкоголизма занимает антиалкогольная пропаганда, важную роль в которой играют средства массовой информации. Интересы профилактики криминальных и других социально-негативных последствий пьянства и алкоголизма настоятельно требуют разработки и планомерной реализации комплексной, всесторонне взвешенной, хорошо просчитанной антиалкогольной политики, учитывающей исторический опыт нашей страны и международный опыт.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд теоретических и практических выводов, предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности противодействия преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

К негативным социальным явлениям, тесно связанным с преступностью, относятся алкоголизм, паразитизм, наркомания, токсикомания, проституция, безработица, возбуждение расовой, национальной и религиозной вражды, полные извращения.

Негативные социальные явления наиболее тесным образом связаны с преступностью. А антиобщественное поведение людей служит отправной точкой для совершения преступлений и представляет собой единый процесс правонарушения. Социально-негативное поведение, как и преступность в целом, имеет относительную распространенность, поскольку связано с разнообразными нарушениями юридических и нравственных норм, установленных государством исходя из интересов и потребностей общества.

Зачастую, лица, даже и не страдающие алкоголизмом и наркоманией, но имеющие предрасположенность к данным заболеваниям, ведут антиобщественный образ жизни, имеют судимость и тем самым представляют большую угрозу для состояния защищенности общества и государства. Чаще всего это лица муж-

ского пола в возрасте до 40 лет. Реже встречаются женщины. И, несмотря на незначительный спад количества преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, их прирост стремится от отрицательных к положительным показателям, что требует принятия от государства и общества соответствующих мер.

Детерминантами проявления рассмотренных фоновых явлений преступности являются различные факторы. Зачастую они связаны с условиями, в которых проживают преступники, с политикой, которую ведут государственные органы, с низким экономическим уровнем.

Предложенная система общих и специальных мер профилактики отклоняющегося поведения предполагает воздействие на различные уровни социальной организации в целях достижения максимальной эффективности в борьбе с фоновыми явлениями преступности, а также в целом при решении задачи по уменьшению количества преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтеев, С.С. Проблемы алкоголизма и преступности // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1(2). – 102 с.
2. Ерпылов А.А. Алкоголизм как социальная проблема российского общества // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2015. – № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 13.04.2019).
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009.
4. Левада Ю.А. Человек приспособленный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 5. – С. 5–17.
5. Семенюк Р.А. Некоторые меры предупреждения преступлений, совершаемых в состоянии опьянения // Вестник Томского гос. ун-та. – 2015. – № 394. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 13.04.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bakhteev, S.S. Problems of alcoholism and crime // Law and order: history, theory, practice. – 2014. – № 1 (2). – p. 102.
2. Erpylov A.A. Alcoholism as a social problem of the Russian society [Electronic resource] // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. – 2015. – № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru> (appeal date – 04/13/2019).
3. Criminology: textbook; ed. V.N. Kudryavtseva and V.E. Eminov. – 4th ed., rev. and add. – M.: Norma, 2009. – p. 142.
4. Levada Yu.A. Man adapted // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 1999. – No. 5. – pp. 5–17.
5. Semenyuk R.A. Some measures to prevent crimes committed while intoxicated [Electronic resource] // Vestn. Tom. state un–that. – 2015. – № 394. URL: <https://cyberleninka.ru> (appeal date – 04/13/2019).

УДК: 343.97

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00008

Никеров Дмитрий Михайлович
старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета
E-mail: svone1@yandex.ru

Nikerov Dmitry Mikhailovich
senior lecturer of the Department of Support of National Security of Institute of State and Law, Baikal State University

E-mail: svone1@yandex.ru

Хохлова Ольга Михайловна
доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия
кандидат философских наук
E-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

Khokhlova Olga Mikhailovna
associate professor of the Department of Criminal Law of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice
candidate of philosophy
E-mail: chochlovaolga-17@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение: в статье анализируются точки зрения на понятие «преступления в сфере высоких технологий», выработанные отечественной наукой уголовного права и правоприменительной практикой, приводится авторское определение понятия «преступление в сфере высоких технологий», рассматривается общая криминологическая характеристика преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, анализируется динамика преступлений на современном этапе, рассматриваются перспективы дальнейшего роста преступлений.

Материалы и методы: нормативную основу исследования представляют Конституция Российской Федерации и российское уголовное законодательство.

Методологическую основу исследования представляет метод научного анализа сознания и имманентных, априорных структур человеческого существования, общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнительно-правового анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: уточняют отдельные имеющиеся положения, относящиеся к преступлениям, совершенным в сфере высоких технологий, найден ответ на вопрос, почему имеющиеся научные достижения в отечественной криминалистике и уголовном праве, обилие новых идей, концепций, технологий, методик, криминалистических алгоритмов и программ расследования в борьбе с киберпреступностью недостаточно эффективны. Проанализирована си-

туация на перспективу динамики развития кибепреступности в мировом пространстве. Приведена история возникновения преступлений в сфере компьютерных технологий. Проанализирован рост преступлений в сфере компьютерных технологий за последний год (по имеющимся в научном обозрении данным).

Выводы и заключения: уточнены понятия «компьютерная информация» и «преступления в сфере высоких технологий», определена их взаимосвязь и взаимообусловленность, а также отличительные особенности. Показано уголовно-правовое и криминологическое значение понятия «преступления в сфере высоких технологий». Уточнена реальная динамика вышеописанных преступлений, объяснена высокая степень латентности преступности в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: сети Интернет, компьютерные технологии, высокие технологии, кибератака, киберпреступление, информационные преступления, компьютерные преступления, компьютерная информация, динамика преступности.

CRIMES IN THE SPHERE OF HIGH TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA

Introduction: the article analyzes the provisions on the definition of the notion “crimes in the sphere of high technologies” developed by the domestic science of criminal law and the current practice of law enforcement, gives the author’s definition of the notion “crime in the high technologies sphere”, considers the general criminological characteristics of crimes in the telecommunications sphere and computer information, analyzes the dynamics of these crimes at the present stage, discusses the prospects for further growth of these offenses.

Materials and methods: the regulatory framework of the research is presented by the Constitution of the Russian Federation and the Russian criminal legislation.

The methodological basis of the research is the method of scientific analysis of consciousness and the immanent priori structures of human existence, the result of which is used to state and understand the best ways to solve problems directly related to the prevention, detection, detection and investigation of crimes committed using modern information technologies. dialectical method of scientific knowledge, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparative legal analysis, synthesis and description.

Results: clarify certain existing provisions relating to crimes committed in the field of high technology, the answer to the question why existing scientific advances in domestic forensics and criminal law, having an abundance of new ideas, concepts, technologies, techniques, forensic algorithms and investigation programs of improvements in the fight against cybercrime remain insufficiently effective has been found. The situation on the perspective of the dynamics of the development of cybercrime in the world is analyzed. The history of the emergence of crimes in the field of computer

technology. Analyzed the growth of crimes in the field of computer technology over the past year (according to data available in the scientific review).

Summary and Conclusion: conclusions and conclusions: the definition of “computer information” was clarified, and the concept of “crimes in the field of high technologies” was defined, their interrelation and interdependence were defined, as well as the distinctive features of these concepts. The criminal law and criminological meaning of the notion “crime in the field of high technologies” is shown. Clarified the actual dynamics of the crimes described above, explained the high degree of latency of crime in the field of high technology.

Key words: Internet, computer technology, high technology, cyber attack, cyber-crime, information crimes, computer crimes, computer information, crime dynamics.

В современных условиях жизнедеятельности общества сети Интернет являются основополагающим фактором сферы коммуникаций: с их помощью осуществляются различные операции с денежными средствами (с использованием компьютеров, банкоматов, иных платежных систем), осуществляется поиск различных товаров и услуг, информации. Эти действия напрямую зависят от различных информационных технологий, в результате чего ряд пользователей ежедневно подвергаются атакам со стороны киберпреступников.

Авторами предпринята попытка ответить на вопрос, почему имеющиеся научные достижения в отечественной криминалистике и уголовном праве при обилии новых идей, концепций, технологий, методик, криминалистических алгоритмов и программ расследования улучшения в борьбе с киберпреступностью не приносят? Российская криминалистика длительный период времени развивалась в отрыве от ведущих зарубежных исследовательских школ. Это состояние остается до сих пор, несмотря на имеющиеся во всех странах мира глобальные интеграционные процессы. Главным направлением в преодолении кризиса авторы видят имплементацию в современные российские научные ресурсы криминалистики информационных технологий, имеющихся в мировом масштабе для эффективной борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием компьютерных технологий. Эта борьба, по мнению авторов, выступает в современных реалиях как проблема международного масштаба, а меры по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений такого рода могут быть результативными только на международном уровне в силу транснационального и трансграничного характера сети «Интернет», поскольку происходит непрекращающееся увеличение численности ее пользователей, что закономерно порождает их зависимость от информационного пространства и уязвимость от разного рода киберпосягательств. Поэтому необходим научный анализ современного состояния выявления и расследования преступлений в сфере высоких технологий и попытка сформулировать рекомендации по повышению эффективности их расследования.

Имеющиеся в современном российском обществе достижения в области телекоммуникаций, сопровождающиеся повсеместным и массовым внедрением цифровых технологий во все сферы жизни современного человека, в последнее десятилетие повлекли за собой периодически возникающие новые вызовы, угрозы и риски, которые потрясают сферу общественных отношений [1, с. 5].

Интернет позволяет эффективно и безнаказанно совершать ранее существовавшие традиционные преступления, породить новые, неизвестные мировому сообществу виды общественно опасных преступлений.

За последние десять лет в 5 раз увеличилось количество интернет-пользователей в России, это охватило около половины населения, а в ближайшем будущем интернет-пространством будет охвачено около 80 миллионов человек. Такая тенденция грозит таким странам, как Китай, США, Индия, Япония, Бразилия, Россия, Германия, Индонезия, Великобритания и Франция.

Преступному сообществу в условиях современной действительности предоставляется обширный технический потенциал и всеобъемлющие возможности Интернета, которые киберпреступники используют в своих преступных целях. Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) предусматривает ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, но в ней отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность, например, за незаконные действия в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, не имеет современное российское уголовное законодательство и понятий, определяющих и регламентирующих преступления, совершаемые с использованием высоких технологий, что, разумеется, ставит перед научным сообществом ряд сложных задач.

Статистика преступлений демонстрирует печальную динамику: количество зарегистрированных преступлений в сфере компьютерной информации с 1995 по 2005 г. в России выросло более чем в 300 раз, что составило более 10 тыс. преступлений в год.

За прошедший 2018 г. широкое распространение получили мошеннические действия, совершаемые с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), их количество выросло за первое полугодие 2018 г. в семь раз, за второе – в 6 раз. Определены и регионы-лидеры РФ по количеству подобных преступлений: Ставропольский край (66), Мурманская область (52), республика Татарстан (37), Москва (34) и Саратовская область (31).

Наиболее распространенными преступлениями являются:

- неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).

По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2017 г., в новостных порталах Интернет зарегистрировано 1883 таких преступлений, общий рост составляет 7,7 %, а за первое полугодие 2018 г. – 233, отмечен рост на 3,4 %. Наибольшее количество таких преступлений зарегистрировано в 2017 г. в Удмуртии (194),

Республике Коми (132), в Омской (75), Владимирской (66), Кировской (64), Волгоградской областях (60), в Москве (60) и в Краснодарском крае (51).

Отрицательной тенденцией является уменьшение количества расследованных преступлений на 19,6 % (с 903 до 726), положительной – рост нераскрытых преступлений на 30,5 % (с 790 до 1031). Общий процент раскрываемости данных преступлений составил 41,3 %.

Процессы глобальной компьютеризации и цифровизации, происходящие в современном мировом сообществе, имеют как положительные, так и отрицательные последствия, порой приводят к модификации преступности, которая стремительно видоизменяется, приобретая новые характеристики.

Статистика МВД России только за 9 месяцев 2017 г. фиксирует стремительный рост (количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, увеличилось на 94 % по сравнению с 2016 г.). Имеются прогнозы специалистов, что рост преступлений в сфере высоких технологий в ближайшее время будет нарастать.

Современные информационные технологии сегодня используются практически во всех сферах жизни общества: в банковской, промышленной, торговой, научной, культурной, духовной, образовательной и других сферах, демонстрируя наглядно динамический рост и качественное обновление компьютерной преступности в нашей стране, это, несомненно, создает новые угрозы и вызовы для развития общества и государства в целом. Интернет в современной жизни по многим показателям более привлекательное средство для экстремистско-террористической деятельности [2].

Имеющаяся в современных реалиях нормативно-правовая база (правоохранительных органов и иных государственных учреждений, общественных организаций, коммерческих структур, и т. п.) отличается своей разнородностью, следовательно, в вопросах расследования преступлений в сфере высоких технологий неизбежны проблемы взаимодействия в процессе правоприменения, «размытость» правовой базы не позволяет эффективно противодействовать преступности, поэтому совершенствование научного знания, методического обеспечения этого вида деятельности – одна из основных задач правоохранительных органов, государственных и других взаимодействующих структур.

Важными и необходимыми элементами научного обеспечения предупреждения преступности является унификация и легитимизация терминов и определений, заметно сужающие возможность их расширительного толкования, включая и процесс правоприменения.

В научном сообществе такой неоднозначно воспринимаемой дефиницией является понятие «преступления в сфере высоких технологий», имеющее массу противоречивых мнений. Противоречия в трактовках этого понятия вызваны тем, что сама сфера высоких технологий в современном ее охвате и понимании обширна, к ней относятся традиционные наукоемкие отрасли: информационные технологии, электроника, генная инженерия, робототехника, нанотехнологии и сравни-

тельно недавно появившиеся современные направления: искусственный интеллект, блокчейн [3].

Ю.В. Гаврилин считает беспроводную связь, промышленный интернет, виртуальную и дополненную реальность, искусственный интеллект признанными основными сквозными цифровыми технологиями [4].

В современной криминологии понятие «высокие технологии» ассоциируют, как правило, с совершением преступлений в информационно-телекоммуникационной среде с использованием компьютеров или различных средств связи.

С.П. Кушниренко в «Методике расследования преступлений в сфере высоких технологий», изданной в 2007 г., считает, что термин «высокие технологии» сформировался в науке стихийно, для удобства обозначения преступлений, орудием или предметом которых стала компьютерная информация или компьютерные средства».

Согласимся с данным утверждением, поскольку именно появление, развитие и повсеместное внедрение компьютерной техники, сети Интернет, охват и распространение компьютерной информации в последнее время послужило началом научно-технического развития и преступной деятельности в сфере высоких технологий.

Термин «преступление в сфере высоких технологий» (от англ. hightech crime) еще в 60-х гг. XX в. стали использовать в США, затем в других странах с развитыми компьютерными технологиями.

Первое компьютерное преступление совершено в 1969 г. А. Конфессором из США путем незаконного получения доступа к компьютерной информации.

Второе компьютерное преступление совершено в 1970 г. С. Рифкином – консультантом по компьютерной безопасности банка Security Pacific National Bank, который расшифровал код управления системой банка в Лос-Анджелесе, переведя на свой счет 10 миллионов долларов США. В 70–80-е гг. компьютерные преступления распространились достаточно широко, поспособствовав введению правовых норм в национальные правовые системы разных стран: США, Швеции, ФРГ и других, затем правовые нормы были приняты и на международном уровне.

Правовые нормы, вводившие уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере высоких технологий, ввиду своей специфичности не могли быть квалифицированы по имеющимся в законодательстве нормам, устанавливающим наказание за совершение традиционных преступлений.

Первое компьютерное преступление в Советском Союзе зарегистрировано в 1979 г. в Вильнюсе (столице Литовской ССР), государству был причинен материальный ущерб в размере 80 тыс. рублей. Первое компьютерное преступление, совершенное в Российской Федерации в виде хищения, нанесло ущерб в размере 125,5 тыс. долларов США, в последующем планировалось похитить еще свыше 500 тыс. долларов США из Внешэкономбанка Советского Союза в 1991 г. [5].

Термин «преступления в сфере высоких технологий» ученые рассматривают с разных научных позиций.

Н.Р. Шевко считает, что понятие «преступления, совершаемые с использованием высоких технологий» носит собирательный характер, употребляется в случаях, когда для совершения традиционных в уголовном праве преступлений используются информационные технологии, ответственность за которые предусмотрена статьями различных глав УК РФ: 146, 159.3, 159.6, 187 [6].

Считаем, что, понятие «преступления, совершаемые с использованием высоких технологий» и понятие «преступления в сфере компьютерной информации», ответственность за которые предусмотрена в статьях главы 28 УК РФ, имеют существенную разницу. Мнение ряда ученых фактически уравнивает высокие технологии и информационные технологии, в то же время отделяя высокие технологии от сферы компьютерной информации.

А.И. Фоменко считает, что термин «преступления в сфере высоких технологий» необходимо использовать как самостоятельную уголовно-правовую категорию в российском и международном уголовно-правовом законодательстве, так как введение этой категории преступлений необходимо в целях охраны прав и интересов личности, общества и государства в информационной среде [7].

Некоторые авторы отождествляют преступления в сфере высоких технологий с преступлениями, совершаемыми при помощи телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Д.К. Чирков и А.Д. Саркисян относят преступления в сфере высоких технологий к новым видам и способам совершения преступлений, возникшим в результате распространения сети Интернет, информационно-телекоммуникационных сетей [8].

Т.П. Кесарева в своем диссертационном исследовании «Криминологическая характеристика и проблемы предупреждения преступности в российском сегменте сети Интернет» определяет преступность в сети Интернет как «запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, совершенные путем вхождения в сеть Интернет с использованием средств компьютерной техники, подключенных к сети Интернет», относит ее к сегменту преступлений в сфере высоких технологий.

И.М. Рассолов в своем диссертационном исследовании «Право и Интернет: теоретические проблемы» предлагает использовать термин «преступления в сфере высоких технологий» для «сферы борьбы с киберпреступностью (мошенничество в Интернете, перехват ценной информации, взлом сетей, распространение в виртуальном пространстве клеветнических сведений о гражданах, порнографической продукции, компьютерных вирусов и т. д.)», уравнивая киберпреступление с компьютерным преступлением, выделяя главную его особенность в использовании сетей компьютера для совершения противоправного поступка или преступления в виртуальном пространстве.

Л.А. Доровских киберпреступление относит к преступлениям в сфере высоких технологий, т. е. считает его актом социальной девиации с целью нанесе-

ния политического, экономического, идеологического, морального, культурного и других видов ущерба индивиду, организации или государству посредством любого технического средства с доступом в Интернет [9].

А.А. Комаров не дает четких границ этим понятиям, включает в преступления в сфере высоких технологий и компьютерные преступления, и преступления, совершаемые посредством сети Интернет и информационных технологий [10].

Учитывая разнообразные точки зрения на толкование понятия «преступления в сфере высоких технологий», представляется, что проблемы базируются на осмыслении его соответствия нормативно-правовым актам.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы: нецелесообразно разделять информационные технологии и компьютерную информацию. В примечании к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи».

В федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дается определение: «Компьютерная информация – это одна из разнообразных форм представления информации». Законом определено содержание информационных технологий: это «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов».

На наш взгляд, компьютерная информация – составляющая информационных технологий, поэтому неоправданно разделять информационные технологии и компьютерную информацию, что значительно сужает их содержание.

Нормативные акты МВД России отражают тенденцию отождествления преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, с преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет и компьютеров. Например, «Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» в разделе «Информационное обеспечение борьбы с преступлениями в области высоких технологий» (приказ МВД России № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 06.10.2006 г. (ред. от 22.09.2009 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47) предусмотрено, что взаимодействующие органы в процессе расследования преступлений направляют запросы о преступлениях в области высоких технологий, имеющих международный характер, связанных с: неправомерным доступом к компьютерной информации, созданием, использованием и распространением вредоносных программ для ЭВМ, нарушением правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Также ведомственная статистическая отчетность включает форму 1-ВТ (высокие технологии), утвержденную приказом МВД России от 1 апреля 2002 г. № 311, которая содержит сведения о зарегистрированных преступлениях,

совершенных в сфере компьютерной информации, ответственность за которые предусмотрена главой 28 УК РФ, а также о преступлениях, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, предусмотренных ст. ст. 138, 138.1, 146, 158, 159, 165, 171, 171.2, 183, 242, 242.1, 242.2 УК РФ.

Таким образом, нормативно-правовое закрепление понятия «преступления в сфере высоких технологий» подразумевает его понимание в более широком смысле, не ограничивающееся конкретным средством, способом или орудием совершения преступления или сферой преступного посягательства.

На наш взгляд, данный подход является разумным, так как, с одной стороны, высокие технологии – очень сложные технологии, постоянно развиваются и совершенствуются, с другой стороны, преступность, связанная с высокими технологиями, приобретает более изощренные формы, связанные с посягательством на различные виды общественных отношений, ответственность за которые предусмотрена разными разделами и главами УК РФ, поэтому есть необходимость в использовании одного, обобщающего понятия для обозначения совокупности данного вида преступлений, которым является «преступления в сфере высоких технологий».

Понятие «преступления в сфере высоких технологий», помимо уголовно-правового, имеет и криминологическое значение. В уголовном праве для квалификации конкретных противоправных деяний предпочтительнее использовать конкретную и однозначно трактуемую терминологию, не допускающую расширительного толкования, поэтому предложения многих исследователей объединить используемые в современных условиях в УК РФ понятия «компьютерная информация, электронные денежные средства, информационно-телекоммуникационные сети и т. д.» в единое уголовно-правовое понятие «высокие технологии» не представляется нам целесообразным. Каждый отдельный из перечисленных признаков несет самостоятельное значение в определении характера и степени общественной опасности деяния, часть из них может выступать в качестве предмета или орудия преступного посягательства, носить характер криминогенно-образующего, или квалифицированного признака, поэтому введение обобщающей категории с точки зрения правоприменительной практики никаких дополнительных преимуществ иметь не будет.

В криминологическом понимании понятия «преступления в сфере высоких технологий» и «высокотехнологичная преступность» имеют не только теоретический смысл. Криминология ориентируется на ряд обобщающих категорий (преступность, механизм преступного поведения, общая профилактика и другие), но необходимо учитывать, что окончательным результатом криминологического анализа является выработка мер по предупреждению отдельно взятых преступлений, поэтому криминологический подход к выделению определенных видов преступности в ее общей структуре подразумевает наличие однородных признаков, определяющих формы и методы осуществления предупредительной работы. В данном случае в качестве обобщающего признака выступают как раз «высокие

технологии», требующие особого подхода к выявлению причин и условий их совершения, а также организация и методика предупредительного воздействия. На первый план в решении этих вопросов выступают общесоциальные, личностные детерминанты и технические аспекты их совершения.

Отстаивая данную позицию, в криминологическом понимании «преступления в сфере высоких технологий» представляет собой обобщающее понятие совокупности преступлений, совершенных с использованием сложных современных технологий, относящихся к наукоемким отраслям производства или обслуживания.

На наш взгляд, при этом не возникает необходимости ограничивать перечень конкретных технологий, относящихся к «высоким», поскольку стремительное развитие самих технологий и преступности в этой сфере предполагает периодическое появление новых видов преступлений, о которых в настоящее время пока ничего не известно (генная инженерия, искусственный интеллект и т.д.), но их появление вполне реально в недалеком будущем.

Приведенные в статье статистические данные не могут характеризовать реальную динамику вышеописанных преступлений, что объясняется высокой степенью латентности преступности в сфере высоких технологий.

В стремительно меняющихся современных условиях жизнедеятельности необходимо тщательное и качественное изучение преступности в сфере высоких технологий как в целом, так и отдельных наиболее распространенных ее видов.

Таким образом, своевременная разработка специально-криминологических мер по предупреждению преступлений в сфере высоких технологий при их комплексном использовании будет способствовать существенному повышению уровня информационной безопасности нашей страны и эффективной борьбе с противоправными деяниями. Необходимо учитывать, что предупредительные меры способны обеспечить необходимый эффект на практике лишь в тех случаях, когда осуществляется взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества, включая общественные объединения, органы местного самоуправления, средства массовой коммуникации, образовательные и научные организации на основе осуществления планирования, программирования своей совместной деятельности, учитывая специфику деятельности каждого заинтересованного субъекта профилактики преступной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хохлова О.М. Общественное согласие в социально-политической сфере современного общества: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 176 с.
2. Лапунова Ю.А, Голяндин Н.П. Распространение идеологии экстремизма и терроризма в киберпространстве: проблемы и пути их решения // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43). – С. 100–104.

3. Аносов А.В. Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 111–115.
4. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 45–50.
5. Минаев В.А., Саблин В.Н. Основные проблемы борьбы с компьютерными преступлениями в России // Экономика и производство. – 1999. – № 4 (44). – С. 25–40.
6. Шевко Н.Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути их решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. Т. 1. – № 1 (1). – С. 13–16.
7. Фоменко А.И. К вопросу об уголовно-правовой охране сферы высоких технологий как необходимого условия стабильного регионального развития // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. – № 1–5. – С. 217–222.
8. Чирков Д.К., Саркисян А.Д. Преступность в сфере высоких технологий: тенденции и перспективы // Национальная безопасность. – 2013. – № 1 (24). – С. 25–32.
9. Доровских Л.А. Преступления в сфере высоких технологий // Киберпреступность. – 2016. – № 4 (28). – С. 240–243.
10. Комаров А.А. О критериях общественной опасности, преступлений в сфере высоких технологий // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. статей IX междунар. науч.-практич. конф. – Пенза, 2017. – С. 243–245.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Khokhlova O.M. Public consent in the socio-political sphere of modern society: monograph / O.M. Khokhlova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. Univ., – 2016. – 176 p.
2. Lapunova Yu.A., Golyandin N.P. The spread of the ideology of extremism and terrorism in cyberspace: problems and ways to solve them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 3 (43). – p. 100–104.
3. Anosov A.V. Use of the blockchain technology in the process of forming and recording criminological information // Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – V. 9. – № 2. – P. 111–115.
4. Gavrilin Yu.V. Electronic media in criminal proceedings // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 4 (44). – p. 45–50.
5. Minaev V.A., Sablin V.N. The main problems of the fight against computer crimes in Russia // Economy and Production. – 1999. – № 4 (44). – p. 25–40.
6. Shevko N.R. Features of the disclosure and investigation of cybercrime: problems and their solutions // Uchenye zapiski Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. V. 1. – № 1 (1). – p. 13–16.

7. Fomenko A.I. On the issue of criminal law protection of high technology as a necessary condition for stable regional development // Intellectual resources - regional development. – 2015. – № 1– 5. – p. 217–222.

8. Chirkov DK, Sarkisyan A.D. Crime in the field of high technologies: trends and prospects // National Security. – 2013. – № 1 (24). – p. 25–32.

9. Dorovskih L.A. Crimes in the field of high technologies. Cybercrime. – 2016. – № 4 (28). – p. 240–243.

10. Komarov A.A. On the criteria of public danger, crimes in the field of high technologies // Actual questions of law, economics and management: Coll. Articles IX International Scientific and Practical Conference. Penza. – 2017. – p. 243–245.

УДК 343.773

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00009

Романова Нелли Львовна

доцент кафедры уголовного права
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного
университета правосудия
заслуженный юрист Иркутской области
кандидат юридических наук
E-mail: nellyromanova@mail.ru

Romanova Nelli Lvovna

candidate of juridical sciences
associate professor of the Department of
Criminal Law of
the East-Siberian Branch of
Russian State University of Justice,
honored lawyer of Irkutsk region,
E-mail: nellyromanova@mail.ru

Никитина Людмила Константиновна

доцент кафедры уголовного права
и криминологии Восточно-Сибирского
института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: nikitina3373@mail.ru

Nikitina Lyudmila Konstantinovna

associate professor of the Department
of Criminal Law and Criminology of
the East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federa-
tion? candidate of juridical sciences
E-mail: nikitina3373@mail.ru

**ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННУЮ РУБКУ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ
(по материалам Иркутской области)**

Введение: в статье рассматривается ситуация с незаконными рубками лесных насаждений в Иркутской области за последние пять лет. Дается оценка изменений законодательства и судебной практики в анализируемой сфере. Авторами отмечены некоторые положительные тенденции развития ситуации. Сделаны выводы о необходимости решения проблем правоприменения, которые не всегда основаны на проблемах законодательства, поскольку одним из факторов, детерминирующих преступное поведение в сфере охраны лесных насаждений, является отсутствие политической воли на решение анализируемых проблем.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и экологическое законодательство, регламентирующее осуществление деятельности по законному рациональному использованию лесного фонда и в целом лесных насаждений, а также формулирующие основные положения охраны лесных насаждений. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: позволили дать оценку изменений как законодательной базы, так и позиции высшей судебной инстанции в сфере борьбы с

незаконными рубками лесных насаждений. Факторами, детерминирующими преступное поведение в сфере охраны лесных насаждений, являются: отсутствие политической воли на решение анализируемых проблем и высокая коррупционность должностных лиц государственных служб, выполняющих функции контроля и защиты природной среды.

Выводы и заключения: наметилась благоприятная тенденция не только в теоретических подходах к решению проблемы незаконных рубок лесных насаждений, но и в правоприменительной деятельности: практических комплексных шагах по проведению большого количества межведомственных операций совместно с правоохранительными органами, в том числе и в Иркутской области.

Ключевые слова: незаконные рубки, лесные насаждения, судебная практика, группа лиц, организованная группа, изменения законодательства.

ON ILLEGAL CUTTING DOWN OF FOREST PLANTINGS (data of Irkutsk region)

Introduction: the article deals with illegal cutting down of forest planting in Irkutsk region over the past five years. The estimation of changes of the legislation and litigation practice in the analyzed sphere is given. The authors noted some positive tendencies of the situation development. Conclusions were drawn on the need to solve the problems of law enforcement, which are not always based on the problems of legislation, since one of the factors determining criminal behaviour in the field of forest plantations is the lack of political will to solve the problems analyzed.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, criminal and environmental legislation regulating the implementation of activities for the legal rational use of forest resources and forest plantations in general, as well as formulating the basic provisions for the protection of forest plantations. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description.

Results: it was possible to assess the changes in both the legislative framework and the position of the highest court in the field of combating illegal logging of forest plantations. The factors that determine criminal behavior in the sphere of protection of forest plantations are: the lack of political will for the solution of the analyzed problem and the high corruptibility of officers of the public services, performing functions of control and protection of the natural environment.

Summary and conclusions: there has been a favorable trend not only in theoretical approaches to solving the problem of illegal logging of forest plantations, but also in law enforcement: practical integrated steps to conduct a large number of interdepartmental operations together with law enforcement agencies, including Irkutsk region.

Key words: illegal cutting down, the forest planting, litigation practice, group of people, organized group, modification of legislation.

Незаконные рубки лесных насаждений, несмотря на актуальность этой проблемы как в сфере законодательного урегулирования, так и в правоприменительной практике, продолжают наносить колоссальный урон экологической безопасности России. В отдельных "лесных" регионах Российской Федерации: Амурской, Архангельской, Иркутской, Свердловской, Тверской, Ярославской областях и других) доля незаконной рубки лесных насаждений составляет до 95 % в структуре всех экологических преступлений [2, с. 2].

По данным Рослесхоза, в 2014 г. на территории РФ было выявлено 18,4 тыс. случаев незаконной рубки общим объемом 1308,4 тыс. м³. Причиненный ущерб оценивался в 10,8 млрд руб. Правонарушители были установлены в более чем половине случаев. Положительная динамика по снижению объемов таких рубок наметилась в 36 субъектах РФ, а отрицательная – в 44. «Лидерами» по объемам незаконных рубок оказались: Иркутская область – 562,7 тыс. м³, Свердловская область – 97,5 тыс. м³ и Вологодская область – 65,6 тыс. м³ [6].

По итогам 2015–2017 гг. Иркутская область осталась «лидером» незаконных рубок.

Исследуемая проблема является комплексной, поэтому, несмотря на принятие различных законодательных мер [3, 4, 9], количество незаконных рубок ежегодно увеличивается. Ситуация с соблюдением порядка осуществления лесопользования в Иркутской области не является исключением, она более, чем не благополучна.

Так, согласно данным регионального ГУ МВД России, в 2014 г. по Иркутской области выявлены 2 364 преступления, связанных с незаконными рубками и хищениями древесины, из них 1 564 совершены в крупном и особо крупном размерах. Судами Иркутской области рассмотрены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ (вступившие в законную силу), за совершение которых осуждены 766 лиц.

По данным отдела федерального государственного лесного надзора, в 2014 г. ущерб от незаконных рубок леса в Иркутской области по отношению к 2012 г. вырос в три раза и составил 2,7 миллиарда руб. В 2015 и 2016 гг. тенденция, к сожалению, сохранилась. За 2016 г. зафиксировано более 3 тыс. преступлений в анализируемой сфере.

Согласно справке 2017 г. по результатам изучения практики рассмотрения судами Иркутской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 260, 191.1 УК РФ (документ опубликован не был), в 2016 г. объем незаконно срубленной древесины составил 1 112 937,8 м³, ущерб, причиненный лесному фонду – 5 482 296,8 руб. По сравнению с аналогичным периодом 2015 г. объем незаконно срубленной древесины увеличился на 46,3 %. При этом ущерб, причиненный лесному фонду, увеличился на 50,2 %.

Следует отметить, что из 945 лиц, осужденных в 2016 г. к различным видам уголовного наказания, реальные сроки лишения свободы получили лишь 54 человека, а к условному лишению свободы – 698 лиц.

В судебной практике Иркутской области наблюдается тенденция к увеличению количества осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ. Так, в 2016 г. осуждено на 159 лиц больше, чем в 2015 г., т. е. разница составила 20 % по сравнению с предыдущим годом. Следует отметить и

увеличение числа лиц с назначением наказания в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ. В 2013 г. к лишению свободы условно осуждено 210 лиц, в 2014 г. – 331 лицо, в 2015 г. – 390 лиц, а в 2016 г. – 698. Таким образом, количество лиц, осужденных к лишению свободы условно в 2016 г. по отношению к 2013 г. увеличилось на 70 %!

Согласно информационно-аналитической записке о состоянии правопорядка на территории Иркутской области в 2017 г. [11] зафиксировано 3 664 незаконные рубки лесных насаждений, задержано на месте совершения преступления 1468 человек. У преступников изъято 669 бензопил, помещено на штрафплощадки 737 единиц техники, признанной вещественными доказательствами. С мест незаконных рубок изъято и передано на хранение 25 тыс. м³ древесины. За 2017 г. пресечено два канала контрабандной поставки леса в КНР (свыше 10 тыс. м³) общей стоимостью более 55 млн руб. Раскрыто 221 преступление, совершенное в составе группы лиц по предварительному сговору, по которым проходят 493 обвиняемых. В отношении должностных лиц, обладавших контрольно-надзорными и распорядительными функциями в сфере лесопользования и лесосбережения, возбуждено 6 уголовных дел.

Общее количество лиц, осужденных в России по ст. 260 УК РФ, за 2018 г. составило 4030 человек [12].

Как правило, одной из причин совершения преступлений в лесопромышленном комплексе является неисполнение требований федерального законодательства сотрудниками лесничества – постановления Правительства РФ от 22.06.2007 № 394 и п. 1 ч. 1 ст. 96 Лесного кодекса РФ, регламентирующего деятельность лесничества в части осуществления контроля и надзора за использованием, охраной, защитой и воспроизводством лесов.

Кроме того, нередко сами работники государственных контролирующих органов совершают подобные преступления. Так, например, Осинским районным судом вынесен приговор в отношении теперь уже бывшего директора областного государственного автономного учреждения «Осинский лесхоз» Ю. Анисимова. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений, совершенная лицом с использованием своего служебного положения в особо крупном размере). Судом установлено, что Анисимов под видом проведения санитарных рубок леса без разрешительных документов заключил в первой половине февраля 2016 г. договоры оказания услуг по заготовке древесины с двумя индивидуальными предпринимателями. В феврале 2016 г. бригады предпринимателей, а также работники ОГАУ «Осинский лесхоз», которых Анисимов ввел в заблуждение относительно законности своих действий, совершили по его указанию рубку 419 сосен в Обусинском участковом лесничестве Осинского лесничества области, общим объемом 316,7 м³. В результате противоправных действий лесному фонду был причинен ущерб на сумму более 2,6 млн руб. К сожалению, суд вынес слишком мягкое наказание, приговорив Анисимова к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 4 года [10].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, являются лесные насаждения, т. е. деревья, кустарники и лианы, произрастающие в лесах, а также деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов (например,

насаждения в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов). Леса располагаются на землях лесного фонда, находящихся в федеральной собственности, и землях иных категорий. При этом к землям иных категорий следует отнести земли транспорта, населенных пунктов (поселений), земли водного фонда и др. Границы земель лесного фонда и земель иных категорий, на которых располагаются леса, определяются в соответствии с лесным, земельным законодательством и законодательством о градостроительной деятельности.

В связи с этим наиболее правильной представляется позиция судов, в чьих решениях в случае совершения преступления на землях лесного фонда, находящихся в федеральной собственности, указано о причинении вреда *лесному фонду Российской Федерации*. Тем не менее в судебных решениях встречаются иные формулировки о причинении вреда преступлением.

Так, из приговора районного суда в отношении Р., осужденного по ч. 3 ст. 260 УК РФ, следует, что «ущерб в результате незаконной рубки лесных насаждений в особо крупном размере причинен Территориальному отделу агентства лесного хозяйства Иркутской области по (X) лесничеству и (X-1) лесничеству».

Из приговора городского суда в отношении Т. и В., осужденных по ч. 3 ст. 260 УК РФ, следует, что «ущерб в результате незаконной рубки лесных насаждений в особо крупном размере причинен государству Российская Федерация в лице Территориального агентства лесного хозяйства Иркутской области по (X) лесничеству».

Поскольку лесничества являются органами по управлению лесом и в результате лесонарушения никаких убытков не несут, поэтому приведенные формулировки не отражают в полной мере особенности лесонарушения.

Встречаются «любопытные» формулировки, например, в приговоре районного суда в отношении И., осужденного по ч. 3 ст. 191.1, ч. 3 ст. 260 УК РФ, написано: «Взыскать с И. сумму ущерба, причиненного лесным насаждениям».

Анализ судебной практики показал, что суды области не испытывают трудностей с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, так как руководствуются разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. 30.11.2017 г) [5].

Одной из проблем квалификации по ст. 260 УК являлась невозможность установления признаков объективной стороны в отношении лица, совершившего иные действия, логично связанные непосредственно с рубкой, но таковыми не являющиеся в силу узкого толкования понятия «рубка» Пленумом Верховного Суда РФ. Усилия ученых, пытавшихся объяснить правоприменителю, что под рубкой лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан следует понимать их валку (в том числе спиливание, срубание, срезание, т. е. отделение различными способами ствола дерева, стебля кустарника и лианы от корня), *а также иные технологически связанные с ней процессы (включая трелевку, частичную переработку и (или) хранение древесины в лесу)*, увенчались успехом и теперь дословно воспроизведены в п. 16 новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 г. N 41.

Более того звучали предложения о замене в уголовном законе термина «рубка» на «заготовку» с целью возможности инкриминировать преступление всем фактическим участникам преступления. Это потребовало бы автоматически замены терминов «лесных насаждений» на «древесина», что привело бы к смене объекта уголовно-правовой охраны и перемещения статьи, описываемой указанное преступление, в иной раздел и главу «преступления в сфере экономической деятельности». Однако имеются и сторонники такого подхода в отношении и иных экологических преступлений, касающихся незаконного использования природных ресурсов, которые, делая упор на слове «использование», забывают о том, что словосочетание рациональное природопользование означает один из видов *охраны*, а также забывают о своеобразии предмета экологического преступления – его эколого-экономической сущности.

Тем не менее, как отмечают некоторые исследователи, положительный эффект от расширенного толкования процесса «рубка» может создать некоторые проблемы применения ст. 191.1 УК РФ, которая предусматривает незаконные хранение, перевозку, переработку в целях сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины [7, с. 41]. В этой связи будет представлять большой интерес изучение дальнейшей практики ее применения в современной ситуации. Поскольку данная статья все-таки предусматривает в целом дальнейшие действия с уже незаконно добытой древесиной, то в зависимости от конкретной ситуации она «дополняет» деяния, закрепленные ст. 260 УК, демонстрируя при этом пример реальной совокупности преступлений.

Полагаем, что теперь в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 21 проблема нашла оптимальное разрешение. Расширение понятия «рубка» позволяет по-иному подойти к вопросу об использовании транспорта в качестве орудия или средства совершения преступления.

Так, ранее орудием преступления признавалась только бензопила, в то время как совершение незаконных рубок лесных насаждений возможно лишь при наличии технической базы, позволяющей выполнить весь объём лесозаготовительных работ: прибытие к месту незаконной рубки в лесной массив, спиливание растущего дерева, его распиливание на сортимент, погрузка и вывоз к месту переработки или сбыта.

Например, согласно информационно-аналитической справке «О проблематике правоприменения ст. 260 УК РФ» КМО по ЭП КМО ГСУ ГУ МВД России по Иркутской области (документ опубликован не был) по уголовному делу № 4724 Эхирит-Булагатским районным судом Иркутской области 26 августа 2014 г. признано незаконным постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства П. о возвращении вещественного доказательства – лесовоза «Камаз», использовавшегося для погрузки и вывоза незаконно заготовленной древесины. Как следует из судебного решения, в соответствии со ст. 260 УК РФ незаконная рубка лесных насаждений – это повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесённых к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, т. е. способ отделения дерева и кустарника от корня без разрешения. Транспортное средство может быть признано в качестве орудия или средства совершения преступления лишь в том случае, если будет установлено, что оно непосредственно использовалось при реализации действий, образующих

объективную сторону преступления. Лесовоз «Камаз» не оборудован приспособлением для валки деревьев, а используется непосредственно для погрузки и перевозки грузов.

Рассматривая уголовные дела о совершении незаконных рубок в составе группы лиц, суды исходили из того, что исполнителями преступления являются как лица, которые лично совершали действия по отделению ствола дерева от корня, т. е. рубщики, так и те лица, которые оказывали им содействие.

Например, приговором районного суда Г., М., Х. и С. признаны виновными в незаконной рубке лесных насаждений, совершенной группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере. При этом М. осуществлял спиливание деревьев, Х. – раскряжевку древесины, Г. – отмер сортиментов и их подцеп к трактору, С. – трелевку на лесовоз и вывоз древесины до места реализации.

В связи с этим ранее встречавшиеся в научной литературе замечания по судебным делам в Российской Федерации к многочисленным ошибкам относили неверное установление признака «группа лиц» и «группы лиц по предварительному сговору» [1, с. 52].

Анализ судебной практики также показал, что суды учитывали наличие предварительного сговора, необходимого для разграничения совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и просто группой лиц. Сговор считался предварительным, если он состоялся до начала совершения преступления, до начала выполнения объективной стороны преступления. При формировании проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ в 2012 г. звучали предложения о не включении в качестве квалифицирующего признака «группы лиц», поскольку в основном подобные деяния совершаются группой лиц по предварительному сговору. Тем не менее, как показывает практика, незаконная рубка группой лиц не редкость.

Например, приговором районного суда З. и Ш. признаны виновными в незаконной рубке лесных насаждений, совершенной группой лиц, в особо крупном размере.

В феврале 2016 г. неустановленное лицо предложило З. и Ш. совершить рубку лесных насаждений, не поставив их в известность о незаконности своих деяний, на что последние согласились. При этом Ш. и З., осознав, что их действия незаконны, не отказались от своих преступных действий. Ш. при помощи бензопилы спилил 23 дерева породы сосна и раскряжевал на сортименты. З. наблюдал за окружающей обстановкой для того, чтобы сообщать членам бригады о приближающейся опасности.

Несмотря на то, что Постановление Пленума Верховного Суда № 21 не дает определения понятию «предварительный сговор», все же изменение п. 19 (введение новой части, обозначенной далее как ч. 1, разъясняет, что в случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками незаконной рубки насаждений в соответствии с распределением ролей каждый из них совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону преступления (осуществляет спиливание, срубание или срезание) либо трелевку древесины, либо частичную переработку и (или) хранение в лесу), все они несут уголовную ответственность за незаконную рубку, совершенную группой лиц по предварительному сговору, и далее, что понимается под организованной группой, а также

о том, что действия всех членов организованной группы, принимавших участие в подготовке или в совершении незаконной рубки насаждений, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по ч. 3 ст. 260 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ [5].

Так, из приговора Усть-Удинского районного суда, созданная Шумейко А.П. организованная преступная группа, действующая на территории Тулунского и Куйтунского районов Иркутской области, характеризовалась следующими признаками: организованностью участников, выразившейся в четком распределении ролей и функций каждого и достижении ими поставленных целей, наличием лидера; планированием преступной деятельности; устойчивостью, выразившейся в объединении участников данной группы общим умыслом на совершение множественных тяжких преступлений, направленных на достижение единых конечных результатов, требующих тщательной подготовки; стабильностью состава и сплоченностью ее участников, ранее совместно работавших на лесозаготовках, обладающих навыками валки деревьев, ремонта автотранспорта и самоходных машин, умением руководить и координировать деятельность лесозаготовительных бригад, действующих совместно и согласованно, в тесном взаимодействии в соответствии с заранее распределенными ролями по разработанным планам, неоднократностью совершенных участниками группы преступлений на протяжении значительного периода времени; распределением доходов от преступной деятельности.

Участники (шесть человек) незаконно спилили лесные насаждения путем полного отделения их от корней, а именно совершили незаконную рубку 312 деревьев породы сосна в общем объеме 298, 829 м³ в особо крупном размере в составе организованной группы, причинив ущерб лесному фонду РФ в особо крупном размере на сумму 1 436 919 руб. 25 коп. [8].

Следует приветствовать принятие Федерального закона от 13.07.2015 N 267-ФЗ, вносящего изменение в примечание к ст. 260 УК РФ, где слово "таксам" заменено на "таксам и методике", поскольку зачастую работники правоохранительных органов не различали таксы, определяющие стоимость древесины, и таксы, определяющие размер ущерба. Увеличенный в соответствии с методикой размер ущерба в зависимости от ценности лесов, времени совершения преступления наиболее правильно отражает реальный размер причиненного ущерба с учетом экологического вреда и должен применяться при определении размера незаконной рубки для привлечения лица к уголовной ответственности.

Таким образом, подводя итог изложенному, следует отметить, что невозможно до бесконечности совершенствовать законодательство, видя причину неудач только в нем, необходимо обратить внимание и на проблемы правоприменения, которые не всегда основаны на проблемах законодательства. Факторами, детерминирующими преступное поведение в сфере охраны лесных насаждений, являются, как минимум, отсутствие политической воли на решение анализируемых проблем и высокая коррупционность должностных лиц государственных служб, выполняющих функции контроля и защиты окружающей среды и ее отдельных компонентов.

Очень многообещающе звучат слова губернатора Иркутской области С. Левченко [13] о том, что объем незаконной заготовки древесины снизился с начала го-

да по 10 декабря 2018 г. с 1093,1 тыс. куб. м³ до 574,4 тыс. м³ или на 47,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Таких результатов удалось достичь за счет реализации в регионе пилотного проекта по маркировке всей заготавливаемой древесины. Глава области пообещал, что данный успешный проект продолжит работу и в 2019 г., при этом министерством лесного комплекса на следующий год запланировано проведение большого количества межведомственных операций совместно с правоохранительными органами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Качина Н.В., Мирончик А.С. Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ): ошибки применения и пути их преодоления // Адвокатская практика. – 2014. – № 4. – С. 51–57.
2. Конфоркин И.А. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2009.
3. Об утверждении Правил учета древесины: постановление Правительства РФ от 26 дек. 2014 г. N 1525 // СЗ РФ. – 2015. – N 1 (ч. 3). – Ст. 306.
4. Об утверждении Правил предоставления информации в единую государственную информационную систему учета древесины и сделок с ней: постановление Правительства РФ от 3 дек. 2014 г. N 1301 // СЗ РФ. – 2014. – N 50. – Ст. 7090.
5. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 окт. 2012 г. № 21 (ред. от 30.11.2017 г) // СПС «КонсультантПлюс»
6. Сухарев А. Каждой рубке свой размер // ЭЖ-Юрист. – 2015.
7. Тимошенко Ю.А. Уголовная и административная ответственность за противоправные посягательства на окружающую среду: новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ // Законность. – 2018. – № 1. – С. 38–41.
8. Уголовное дело № 1-113 / 2015 // Архив Тулунского городского суд Иркутской области
9. О внесении изменений в статьи 260 и 261 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 13.07.2015 N 267-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
10. URL: <https://www.irkproc.ru/news/8669.html>
11. URL: <https://38.мвд.рф/folder/12525363>
12. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>
13. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5954754>

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kachina N.V. Mironchik A. S. Illegal cutting down of forest plantations (art. 260 of CC of RF): errors of application and ways of their overcoming // Law practice. – 2014. – No. 4. – pp. 51–57.
2. Conforokin I. A. Criminal liability for illegal cutting down of forest plantations: dis. cand. jurid. sci. diss. abstr. – M., 2009. – p.2.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 26, 2014 N 1525 "On approval of rules of description of wood" // LC of the Russian Federation. – 2015. – N 1 (p. 3). Art. 306.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 3 December 2014 No. 1301 "On approval of rules of provision of information in the unified state

information system of description of wood and transactions with it" // LC the Russian Federation. – 2014. – N 50. – Art. 7090.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and management" dated October 18, – 2012. – № 21 (ed. 30.11.2017) // RLS "ConsultantPlus»

6. Sukharev A. Each cutting down must have its size // Ezh-Lawyer. 2015. p. 2.

7. Tymoshenko Yu. A. Criminal and administrative liability for illegal encroachment on the environment: new clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Law. – 2018. – № 1. – pp. 38–41.

8. Criminal case No. 1-113 / 2015 // Archive of Tulun city court of Irkutsk region

9. Federal law "On amendments to articles 260 and 261 of the Criminal Code of the Russian Federation" of 13.07.2015 N 267-FZ // RLS "Consultant Plus»

10. URL: <https://www.irkproc.ru/news/8669.html>

11. URL: <https://38.мвд.рф/folder/12525363>

12. URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>

13. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5954754>

УДК: 343.1

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00010

Булыжкин Александр Викторович
начальник кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического ин-
ститута МВД России
им. В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: abulyzhkin@yandex.ru

Bulyzhkin Alexander Viktorovich
associate professor head of the Department
of Criminalistics and Preliminary Investiga-
tion in the Internal Affairs Agencies of Orel
Law Institute of the Ministry of Internal Af-
fairs of the Russian Federation named after
V.V. Lukyanov
candidate of juridical sciences
E-mail: abulyzhkin@yandex.ru

Чаплыгина Виктория Николаевна
доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического ин-
ститута МВД России имени
В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: victory-75@yandex.ru

Chaplygina Viktoria Nikolaevna
associate professor associate professor of
the Department of Criminalistics and Pre-
liminary Investigation in the Internal Af-
fairs Agencies of Orel Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation named after V.V. Lukyanov
candidate of juridical sciences
E-mail: victory-75@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение: в статье при анализе осуществления предварительного рассле-
дования в современном российском уголовном судопроизводстве авторами рас-
сматриваются актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несо-
вершеннолетних участников уголовного судопроизводства, а также отмечаются
проблемы реализации процессуального статуса законного представителя несо-
вершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Особое внимание ав-
торами статьи уделено оценке состояния несовершеннолетнего, вовлеченного в
сферу уголовного судопроизводства, ставшего в связи с этим уязвимым ввиду
специфического необычного для него положения, причем независимо от своего
процессуального статуса.

Материалы и методы: материалами исследования явились нормы российского законодательства, регулирующие перечень вопросов реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, научные публикации исследователей, а также материалы следственной практики по обозначенной теме. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы, в частности скрининг нормативных источников.

Результаты исследования: в статье проанализированы «черные дыры» уголовно-процессуального законодательства, влияющие на регулирование вопросов реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, представлены правовые позиции исследователей, касающиеся рассматриваемых новелл, дана авторская позиция решения обозначенных вопросов.

Выводы и заключения: обоснованы выводы о том, что в уголовно-процессуальной науке отсутствует четко сформулированный понятийный аппарат, выражающий структуру уголовно-процессуального представительства несовершеннолетних участников уголовного процесса, в том числе на стадии предварительного расследования. Авторы приходят к выводу, что в законе необходимо четко закрепить статус представителя несовершеннолетнего участника уголовного процесса, что позволит защитить их законные права и интересы.

Ключевые слова: несовершеннолетний, право на защиту, представительство, законный представитель, родители, опекуны, попечители.

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF LEGAL REPRESENTATIVE'S PROCEDURAL STATUS OF A MINOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: when analyzing the implementation of the preliminary investigation in modern Russian criminal proceedings, the authors consider actual problems of protecting the rights and legal interests of minors in criminal proceedings and also point out the implementation of the procedural status of a legal representative of a minor in criminal proceedings. The authors of the article pay particular attention to assessing the state of a minor involved in the sphere of criminal proceedings, who has become vulnerable because of the specific position, regardless of the procedural status.

Materials and methods: The materials of the study are norms of the Russian legislation governing the list of issues related to the implementation of the procedural status of the minor's legal representative in criminal proceedings, scientific publications of researchers, as well as materials of investigative practice on the given topic. When writing the article, regulatory and legal, formal legal, comparative legal and other methods were used, in particular, screening of regulatory sources.

Results: the article analyzes the “black holes” of criminal procedure legislation that affect the regulation of the implementation of the procedural status of the minor’s legal representative in criminal proceedings, presents the legal positions of researchers relating to the novels under consideration, the author’s position to solve the presented issues is given.

Summary and conclusions: there is no clearly formulated conceptual apparatus in criminal procedural science expressing the structure of the criminal procedure representation of minors in criminal proceedings, including the stage of preliminary investigation. The authors conclude that the law should clearly establish the status of the minor’s representative in the criminal procedure, which will protect their legitimate rights and interests.

Keywords: minor, right to defence, representation, legal representative, parents, guardians, prochain ami.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, при этом их признание, соблюдение и защита является обязанностью государства, в частности, через определение правового положения и статуса личности, а также создание условий для реализации данных прав и свобод.

Право на защиту делегируется многим участникам уголовного судопроизводства, понижая все уголовное судопроизводство. Однако его правильная реализация является неотъемлемой частью для наиболее незащищенных в силу особых психофизиологических признаков личности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, что проявляется в специфичности уголовно-процессуального и уголовно-правового положения данного лица.

В юриспруденции немного исследований, посвященных проблемам определения вопросов реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, хотя общие вопросы законного представительства получили достаточно широкий обзор в научной литературе. Отдельные вопросы реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства раскрыты в работах таких ученых, как А.А. Баев, А.А. Ларинков, Н.Ю. Литвинцева, Е.В. Марковичева, Н.В. Машинская, И.В. Мисник, А.Г. Назарчук, Р.В. Мазюк, В.Н. Чаплыгина, А.Б. Шлипкина. В частности, Н.Ю. Литвинцева и В.Н. Чаплыгина обращают внимание на необходимость привлечения в качестве законного представителя близкого родственника, родственника или лица, которое фактически принимает участие в воспитании несовершеннолетнего и заботится о нем, а также отстаивают позицию об обязательности участия в производстве по уголовному делу законных представителей несовершеннолетних свидетелей.

Методологическую основу исследования составила совокупность нормативно-логического, формально-юридического и сравнительно-правового анализа накопленной правовой базой и следственной практикой по регулированию во-

просов реализации процессуального статуса законного представителя несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства и другие методы, широко применяемые в юридической науке. Авторами проведен законодательный анализ изложения данных вопросов в юридической науке.

Одной из гарантий, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, участников с физическими или психическими недостатками, является участие в уголовном процессе их законных представителей.

Основными отличительными признаками права на защиту несовершеннолетнего лица являются:

- особенный субъектный состав реализации права на защиту несовершеннолетних, predetermined сложным статусом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также участием законного представителя, педагога и т.д.);
- особые условия производства процессуальных и следственных действий в отношении несовершеннолетних;
- обособленность и специфичность некоторых прав несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, предусмотренных УПК РФ.

Несовершеннолетний гражданин, попадая в уголовное судопроизводство, становится уязвимым ввиду специфического необычного для него положения, причем независимо от своего процессуального статуса. Как субъект уголовного судопроизводства он наделяется совокупностью прав и обязанностей, позволяющих ему отстаивать и защищать свои интересы, однако в силу своего возраста несовершеннолетний не может эффективно и активно их использовать. Именно поэтому в сфере уголовного судопроизводства появляется такая фигура, как представитель.

В настоящее время в юридической энциклопедической литературе преобладающей является позиция, в соответствии с которой представительство определяется как правоотношение, в котором одно лицо (представитель) на основании имеющегося у него полномочия выступает от имени другого лица (представляемого), непосредственно создавая, изменяя, прекращая для него права и обязанности, выражающееся в следующих его видах: законное; договорное; общественное [5, с. 378].

Нельзя не учитывать, что данная классификация обусловлена постановкой во главу угла определенного критерия, с целью уяснения правовой природы представительства, его возникновения в уголовном процессе, а также специфики и назначения каждого из указанных видов представительства и их взаимосвязи. На наш взгляд, наиболее правильно выделять ключевой критерий классификации, согласно которому на указанные виды представительства подразделяется по основаниям возникновения у лица представительских полномочий. С этой целью полагаем необходимым в ст. 5 УПК РФ, указывая основные положения УПК РФ в п.12 разъяснить (определить) общее понятие представителя в уголовном процессе и указать его виды. Однако, к сожалению, на сегодняшний день законодатель, исходя из имеющегося текста данной статьи, признает один из ви-

дов представительства (законное представительство), упуская из внимания более широкое понятие и второй его вид – договорное представительство.

Противоречивость усматривается и в формулировке ст. 45 УПК РФ, название которой предполагает, что в ней будет рассматриваться круг лиц, имеющих право выступать в уголовном процессе в качестве договорных представителей и в качестве законных представителей, их права, обязанности и законные интересы. Однако уже в п. 1 вышеупомянутой статьи не совсем ясно, о каком конкретно виде представительства идёт речь, что предполагает целесообразность замены термина «представитель» в данной статье на словосочетание «договорный представитель» для облегчения понимания, толкования и правоприменения рассматриваемой нами классификации.

Многими учеными-процессуалистами предлагается данную классификацию дополнить еще одним видом – представительство беспомощных потерпевших. Представительство беспомощных потерпевших может осуществляться как законным представителем, так и представителем на договорной основе. Договорным же представителем, как правило, выступает адвокат, либо иное лицо, об участии которого ходатайствует потерпевший. В практической правоприменительной деятельности нередки случаи, когда лицо не в силах прибегнуть к платным услугам адвоката, в силу чего считаем целесообразным ввести безвозмездное представительство для всех нуждающихся в этом участников процесса, что укажет на существование подвидов договорного представительства: платное и безвозмездное (будет считаться процессуальными издержками).

Наделение лица полномочиями законного представителя, в частности несовершеннолетнего, вовлеченного в уголовное судопроизводство, связано с отсутствием у участника уголовного процесса дееспособности, что подразумевает под собой четкое указание закона, не зависящее от воли и желания представляемого лица. Очевидно, что лицо, не обладающее дееспособностью, не может уполномочить то или иное другое лицо представлять его интересы, однако и при наличии полного или частичного отсутствия дееспособности несовершеннолетнего, закон связывает данный факт не с достижением лицом совершеннолетия, а с наличием у лица психического расстройства.

В соответствии с п. 12 ст. 5 УПК РФ законные представители – родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. Статья 64 Семейного кодекса РФ, ст. 31 Гражданского кодекса РФ прямо указывают на тот факт, в соответствии с которым защита прав и интересов несовершеннолетних, вовлеченных в уголовное судопроизводство, возлагается именно на законных представителей несовершеннолетних, которые выступают при защите их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах без специальных полномочий.

Таким образом, возникновение у граждан полномочий законных представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса порождается юридическим фактом, устанавливающим определенные отношения семейно-правового характера между вышеуказанными субъектами уголовного процесса. На наш взгляд, законное представительство должно быть обязательным и непрерывным и осуществляться вне зависимости от усмотрения должностных лиц процессуального органа, с момента участия несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве до его завершения [1, с. 90].

Нелишним было бы вспомнить п. 7.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («6 Пекинских правил»), провозглашающих исключительное право на присутствие родителей или опекуна гарантированное несовершеннолетнему на всех этапах уголовного судопроизводства¹.

Наряду с законным представительством несовершеннолетних участников уголовного процесса законодательством предусмотрена и такая форма представительства, как договорная, в основе которой лежит соглашение, в соответствии с которым определенное лицо принимает на себя обязанность по оказанию помощи участнику процесса в защите его прав и отстаивании законных интересов в ходе производства по уголовному делу. Роль защитника на досудебных стадиях является ключевой, так как именно на стадии предварительного расследования собирается основной пласт доказательственной базы, определяющий исход по уголовному делу в будущем [4, с. 25]. Таким образом, исходя из функциональной деятельности адвоката, указанной в статье 49 УПК РФ, он обеспечивает своему доверителю надлежащее качество и объем защиты по уголовному делу посредством использования правовых средств и способов для осуществления такой защиты, предоставленных законом.

Статья 51 УПК РФ закрепляет случаи обязательного участия адвоката-защитника в уголовном процессе, одним из таких случаев является наличие несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в производстве.

В качестве основного момента в деятельности защитника по разъяснению подзащитному его правового статуса является разъяснение подозреваемому или обвиняемому его прав и дача советов по их использованию. Полагаем важным факт ознакомления несовершеннолетнего подзащитного и его законного представителя со своими правами, так как от того, насколько подозреваемый или обвиняемый запомнит, уяснит их значение и будет знать как их реализовать, во многом зависит успешность обеспечения его законных интересов в уголовном судопроизводстве. Сложность этого процесса, на наш взгляд, состоит в том, что уяснение юридических особенностей прав несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым зависит от понимания данных положений его законным представителем.

---

¹ Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью // Сборник международных документов. – М., 1989. – С. 122.

В практической деятельности известны случаи, когда в качестве договорных представителей несовершеннолетних участников уголовного процесса выступают наряду с адвокатами друзья, знакомые, приятели, дальние родственники. На наш взгляд, такая позиция ни в коей мере не может помешать выполнению назначения уголовного судопроизводства и отрицательно отразиться на защите прав представляемого участника уголовного процесса. Также данная тенденция положительно сказывается на экономии средств участников процесса, так как услуги адвоката стоят достаточно дорого, а в случаях, когда есть среди знакомых юридически грамотные лица, то рациональнее воспользоваться их помощью. Кроме того, знакомые, друзья, родственники несовершеннолетнего участника уголовного процесса наиболее заинтересованы в защите его законных прав, нежели адвокаты-защитники.

Статус представителя имеет ряд особенностей: с одной стороны, представитель защищает законные интересы представляемых участников уголовного судопроизводства, с другой – он может иметь свои собственные интересы в уголовном деле. Однако, как верно отмечает С.А. Синенко, к сожалению, часто встречаются случаи, когда интересы потерпевшего и его представителя не просто в чем-то расходятся, а являются диаметрально противоположными [3, с. 27]. Ярким примером этого являются случаи, когда потерпевший умер от телесных повреждений, которые предположительно нанёс родственник, а других родственников для признания их законными представителями у потерпевшего нет. Следовательно, данного родственника признают законным представителем потерпевшего, а затем потерпевшим, что влечет за собой признание фактического «заподозренного» представителем потерпевшего, в связи с чем его заинтересованность в исходе дела очевидна [2, с. 707]. Считаем целесообразным восполнить пробелы в законодательстве таким образом, чтобы рассматриваемые интересы совпадали и были направлены на реализацию одной и той же цели.

На основании проведенного исследования приходим к следующим выводам:

1. В уголовно-процессуальной науке отсутствует четко сформулированный понятийный аппарат, выражающий структуру уголовно-процессуального представительства несовершеннолетних участников уголовного процесса, в том числе на стадии предварительного расследования.

2. Анализ существующих в науке уголовно-процессуального права классификаций представителей показал, что они имеют ряд недостатков, связанных с отсутствием в законе четкого закрепления статуса представителя несовершеннолетнего участника уголовного процесса.

3. Авторы считают целесообразным привлекать в качестве законного представителя близкого родственника, родственника или лица, которое фактически принимает участие в воспитании несовершеннолетнего и заботится о нем.

4. Полагаем необходимым при осуществлении предварительного расследования в отношении несовершеннолетних обеспечивать обязательное участие в производстве по уголовному делу законных представителей несовершеннолетних свидетелей.

5. Считаю целесообразным закрепить в УПК РФ единообразного порядка привлечения законных представителей, предусматривающего во всех случаях в обязательном порядке вынесение следователем, судом постановления о допуске законного представителя несовершеннолетнего в качестве участника уголовного судопроизводства.

6. Предполагаю верным включение в УПК РФ ст. 561, закрепляющую процессуальный статус законных представителей свидетеля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васюков В.Ф., Столярова В.В. К вопросу о процессуальном статусе заявителя в уголовном судопроизводстве России // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. – М., 2015. – С. 89–97.

2. Ковтун Ю.А., Шевцов Р.М., Новикова Е.А. [и др.] Психологические и организационные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 9 (2-2). – С. 707–712.

3. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления в стадии возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. – 2012. – № 2. – С. 25–29.

4. Чаплыгина В.Н. Неразрешенные проблемы реализации права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела // Научный портал МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 21–26.

5. Юридический энциклопедический словарь. – М., 1987. – 527 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Vasyukov V. F., Stolyarov V. V. To the question on the procedural status of the applicant in the criminal proceedings of Russia // Collection of materials of all-Russian scientific-practical conference "Modern criminal procedural law of Russia – the lessons of history and the problems of further reforming". – 2015. – pp. 89–97.

2. Kovtun Yu. A., Shevtsov R. M., Novikova E. A., Vinokurov E. A., Zhukova N. A. Psychological and organizational aspects of the investigator's interaction with the body of inquiry in the detection of crimes and investigation of criminal cases // Modern problems of science and education. – 2015. – No. 9 (2-2). – pp. 707–712.

3. Sinenko S. A. Legal status of a person who has suffered from a crime at the stage of initiation of the criminal case // Russian investigator. – 2012. – No. 2. – pp. 25–29.

4. Chaplygina V.N. Unresolved problems of realization of the right to protection at the stage of initiation of the criminal case // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 3 (35). – pp. 21–26.

5. Encyclopedic dictionary of law. – M., 1987. 527 p.

УДК: УДК 343.14

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00011

Дикарев Илья Степанович

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Волгоградского
государственного университета
доктор юридических наук, доцент
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Iliia Stepanovich

professor of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics
of Volgograd State University
doctor of juridical sciences,
associate professor
E-mail: iliadikarev@volsu.ru

ПРАВИЛА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ПОЗИТИВНЫМ ХАРАКТЕРОМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: автор поставил перед собой задачу напомнить научному сообществу о том, что положения уголовно-процессуального закона об обязательном назначении судебной экспертизы, а также требование использования иных средств доказывания для установления обстоятельств предмета доказывания являются не чем иным, как правилами допустимости доказательств. Предпринимается попытка объяснить причины забвения этих правил.

Материалы и методы: материалами исследования явились нормы российского законодательства, регулирующие уголовно-процессуальные отношения, научные публикации ученых, а также позиции Верховного Суда РФ. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический и иные научные методы.

Результаты исследования: в статье обоснована необходимость пересмотреть современные доктринальные взгляды на содержание допустимости доказательств в уголовном процессе.

Выводы и заключения: наряду с правилами допустимости, имеющими негативный характер, в содержание допустимости доказательств следует включать и закрепленные в законе правила допустимости, имеющие позитивный характер.

Ключевые слова: допустимость доказательств, доказывание, доказательство, судебная экспертиза, заключение эксперта.

RULES OF ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OF POSITIVE NATURE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

Introduction: The author sets the task to remind the academic community that the provisions of the criminal procedure law on the mandatory appointment of forensic expertise, as well as the requirement to use other means of proof to establish the circumstances of the subject of proof are nothing more than the rules of admissibility of evidence. An attempt is made to explain the reasons for obliteration of these rules.

Materials and methods: materials of a research were the standards of the Russian legislation governing the criminal procedure relations, publications of scientists and also positions of the Supreme Court of the Russian Federation. When writing the article, normative and logical, formal legal and other scientific methods were also used.

Results: The author substantiated the need to reconsider modern doctrinal views on the content of the admissibility of evidence in criminal proceedings.

Summary and conclusions: along with the rules of admissibility, which have a negative character, the content of the admissibility of evidence should also include the rules of admissibility fixed in the law, which have a positive character.

Keywords: admissibility of evidence, proving, proof, forensic expertise, expert opinion.

Содержание ст. 196 УПК РФ, определяющей случаи обязательного назначения судебной экспертизы, и ее расположение в тексте уголовно-процессуального закона (глава 27 «Производство судебной экспертизы») имеют своим закономерным следствием тот факт, что в учебной и научной литературе по уголовному процессу положения данной статьи приводятся обычно в разделах, посвященных производству судебных экспертиз. И это правильно, поскольку случаи обязательного назначения судебной экспертизы составляют важный элемент процессуальной формы производства данного следственного действия.

Вместе с тем нельзя не заметить, что значение содержащихся в ст. 196 УПК РФ предписаний выходит далеко за пределы не только института судебной экспертизы, но и вообще особенной части уголовно-процессуального права. Дело в том, что правила данной нормы по сути содержат адресованные субъектам доказывания инструктивные предписания относительно того, какие средства доказывания должны использоваться для выяснения тех или иных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Так, например, по смыслу п. 5 ст. 196 УПК РФ возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего должен устанавливаться на основании сведений, содержащихся в официальных документах (паспорт, свидетельство о рождении и др.), а при отсутствии таковых – только заключением эксперта. Ряд иных значимых для уголовного дела обстоятельств, указанных в п. 1–4 ст. 196 УПК РФ (причины смерти; характер и степень вреда, причиненного здоровью; психиче-

ское или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его виновности, и др.), должны устанавливаться исключительно на основании заключения эксперта. В этой связи встает вопрос об институциональной принадлежности данных норм, так как их значение в процессе доказывания заставляет усомниться в том, что они являются частью одного лишь института следственных действий.

Заметим, что схожие правила можно обнаружить в гражданском процессуальном праве. Так, согласно ст. 283 ГПК РФ по делам о признании гражданина недееспособным судья при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает в порядке подготовки к судебному разбирательству судебно-психиатрическую экспертизу для определения психического состояния гражданина.

Анализируя положения ст. 196 УПК РФ, исследователи верно отмечают, что по некоторым категориям уголовных дел те или иные источники доказательств являются необходимыми. Как пишет Е.В. Брянская, «...поскольку закон предусматривает обязанность по конкретному уголовному делу производить экспертизу, то заключение эксперта будет являться обязательным источником, видом доказательств» [1, с. 8]. Из этого автор выводит существование в классификации доказательств особого вида – «обязательных» доказательств, под которыми понимаются «сведения, которые не могут быть установлены или подтверждаться другими доказательствами по уголовному делу, обладающие наибольшей доказательственной значимостью на уровне внутреннего убеждения как с точки зрения познания, так и аргументации своей позиции стороной в уголовном судопроизводстве» [1, с. 8–9].

Действительно, всякий раз, когда по уголовному делу возникают вопросы, указанные в ст. 196 УПК РФ, заключение эксперта приобретает значение необходимого средства доказывания. Однако эта значимость заключения эксперта объясняется вовсе не его отнесенностью к какой-то особой классификационной группе доказательств и, тем более, не приписываемой этому виду доказательств «наибольшей доказательственной значимостью». Заключение эксперта независимо от того, являлось ли по данному уголовному делу производство судебной экспертизы обязательным, никакой заранее установленной силы не имеет, оценивается субъектами доказывания в соответствии с принципом, закрепленным в ст. 17 УПК РФ, т. е. по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. Соответственно, истоки положений ст. 196 УПК РФ нужно искать вовсе не в доктринальных положениях, относящихся к классификации доказательств [14, с. 93].

В теории цивилистического процесса требования закона о необходимости подтверждения фактов определенным средством доказывания относятся к числу правил допустимости доказательств с «позитивным» характером [10, с. 128]. Такой подход в полной мере соответствует пониманию допустимости в гражданском процессуальном праве. В ст. 60 ГПК РФ, которая носит название «Допустимость доказательств», закреплено: «Обстоятельства дела, которые в соответ-

ствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами». В уголовно-процессуальной теории, как известно, преобладает иное понимание допустимости доказательств, определяемое, в основном, содержанием ст. 75 УПК РФ. Ученые-процессуалисты определяют допустимость как «свойство каждого доказательства, означающее правомерность его получения в конкретном уголовном процессе» [2, с. 64]. Соответственно, допустимым в уголовном процессе признается, как правило, «то доказательство, которое получено и приобщено к делу без нарушений требований УПК РФ» [15, с. 36].

Однако из этого вовсе не следует, что правила допустимости доказательств в гражданском и уголовном процессах имеют различную природу, несовпадающие содержание и назначение. В гражданском процессуальном праве также имеется норма, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (ч. 2 ст. 55 ГПК РФ). В этой связи и в теории гражданского процесса требование соблюдения процессуальной формы доказывания включается в содержание допустимости наряду с правилами, предписывающими использование определенных доказательств для установления обстоятельств дела (позитивный аспект), либо запрещающими использование определенных доказательств (негативный аспект). М.А. Фокина рассматриваемый элемент содержания допустимости доказательств называет «процессуальной составляющей» и включает в него критерии весьма близкие к тем, что используются в уголовно-процессуальной теории: 1) надлежащий субъектный состав лиц, осуществляющих процессуальные действия по доказыванию; 2) надлежащий источник фактических данных; 3) соблюдение процессуального порядка собирания, представления и исследования доказательств и др. [13, с. 105].

Несмотря на очевидные сходства положений ст. 196 УПК РФ и ст. 283 ГПК РФ, теория уголовного судопроизводства не относит к числу правил допустимости доказательств предписания уголовно-процессуального закона о необходимости использования для доказывания некоторых обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, только доказательства определенного вида. Об этом можно судить по учебникам, которые Т. Кун называл «педагогическими средствами для увековечивания нормальной науки», ведь в учебниках излагаются достижения науки, признаваемые в течение некоторого времени определенным научным сообществом как основа для дальнейшей практической деятельности [4, с. 34, 180]. Подготовленные авторскими коллективами крупнейших юридических вузов страны (МГЮА, МГУ, СГЮА) учебники по уголовному процессу в разделах, посвященных допустимости доказательств, не содержат упоминаний о правилах, изложенных в ст. 196 УПК РФ [11, с. 278–284; 5, с. 447–453; 12, с. 96–97 и др.]. Содержание допустимости доказательств в уголовно-процессуальной теории раскрывается, в основном, в пределах контуров, очерченных ч. 2 ст. 50 Конституции РФ («При осуществлении правосудия не до-

пускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона»).

Таким образом, в настоящее время допустимость доказательств в гражданском процессе по своему содержанию объемнее, нежели в уголовном. При этом «разница в объеме» приходится как раз на правила, закрепленные в нормах ст. 196 УПК РФ, институциональная принадлежность которых, как было сказано ниже, носит спорный характер.

По нашему мнению, правовые нормы, обязывающие субъекта доказывания использовать только определенные доказательства для установления тех или иных обстоятельств предмета доказывания, как это сделано в ст. 196 УПК РФ, и в уголовном процессе должны рассматриваться как элемент института допустимости доказательств. Ведь практическим следствием применения подобных норм на практике является запрет, недопустимость использования доказательств иных видов для установления определенных юридически значимых обстоятельств. Соответственно, нуждаются в пересмотре и современные взгляды на допустимость доказательств в теории уголовного судопроизводства.

До тех пор, пока содержание допустимости доказательств ограничено правилами, носящими негативный характер (ч. 3 ст. 56, ст. 75 УПК РФ), без теоретического объяснения будет оставаться, например, вопрос о том, почему не могут использоваться в доказывании свидетельские показания для установления возраста несовершеннолетнего обвиняемого? На практике такое доказательство может соответствовать всем выделяемым в науке [6, с. 164] критериям допустимости: а) получено надлежащим, т.е. уполномоченным субъектом; б) из надлежащего источника; в) в порядке, предусмотренном законом; г) облечено в предусмотренную законом форму.

Нельзя не упомянуть о том, что советской уголовно-процессуальной науке было известно деление правил допустимости доказательств на имеющие негативный и позитивный характер. Об этом, в частности, писал М.С. Строгович, который определял допустимость доказательств шире, нежели это делается теперь, понимая под ней способность доказательства, как источника сведений о факте, быть средством установления этого факта [8, с. 393]. Однако слова М.С. Строговича о том, что «...правила о допустимости доказательств имеют, главным образом, негативный характер. Они указывают, какие средства, источники не допускаются, не применяются для установления истины» [8, с. 393], были встречены в юридической науке критически. В монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» обращалось внимание на неточность приведенного суждения, которая объяснялась недооценкой М.С. Строговичем роли доказательственного права как определяющего самое содержание процесса доказывания и отнюдь не сводимого поэтому к системе запретов. «Отсюда, – писала И.Б. Михайловская (автор параграфа 2 главы IV монографии), – необоснованным представляется и сужение понятия позитивных правил допустимости доказательств, которые М.С. Строгович сводит только к обязанности использовать доказательства определенного вида» [9, с. 232].

Идея И.Б. Михайловской понятна: автору хотелось подчеркнуть преимущественно позитивный характер самой законодательной регламентации процесса доказывания, перенести акцент с запретов использования доказательств на положения, регламентирующие законный порядок их получения. Однако этот короткий, помещенный в сноске пассаж, по-видимому, был воспринят «младшими» поколениями процессуалистов как критика самой идеи деления правил допустимости на негативные и позитивные и, как мы видим теперь, имел далеко идущие последствия: спустя немногим более сорока лет со дня выхода монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», в учебниках о позитивных правилах допустимости доказательств не говорится ни слова, а ст. 196 УПК РФ рассматривается лишь как часть регламентации порядка назначения судебной экспертизы.

Забвению правил допустимости доказательств с позитивным характером способствовала и уголовно-процессуальная традиция рассматривать институт допустимости доказательств прежде всего как инструмент противодействия злоупотреблениям со стороны правоохранительных органов. Как справедливо отмечала И.Б. Михайловская, «...нормативное регламентирование этого института может препятствовать или, напротив, стимулировать незаконное применение принуждения при получении доказательств» [7, с. 57]. Фундамент этих воззрений был заложен еще Концепцией судебной реформы в РСФСР, авторы которой рассчитывали, что стандарты доказывания будут служить на ранних стадиях процесса как эталон, несоблюдение которого при направлении суду материалов сводило бы на нет шансы выиграть дело. «Судебная практика, – писали авторы концепции, – не должна оставлять у следователей, органов дознания и прокуроров сомнений в том, что всякая небрежность, натяжка, фальсификация, отступление от закона обесмыслил их усилия» [3, с. 45].

Перенос акцента в оценке значимости допустимости доказательств на обеспечение неуклонного соблюдения субъектами доказывания требований федерального закона при собирании доказательств был и остается оправданным и необходимым. Однако содержание допустимости доказательств все же не исчерпывается требованиями ст. 75 УПК РФ. Наряду с правилами допустимости, имеющими *негативный характер* (т. е. запрещающими использовать при осуществлении правосудия по уголовным делам доказательства, полученные с нарушением федерального закона, а также в иных случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 УПК РФ), в содержание допустимости доказательств следует включать и закрепленные в законе правила допустимости, имеющие *позитивный характер*, т. е. предписывающие использование доказательств определенного вида, в частности, заключения эксперта, иных документов для установления тех или иных обстоятельств предмета доказывания.

Правила допустимости доказательств с позитивным содержанием можно обнаружить и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, где обращается внимание на необходимость использования в процессе доказывания:

- заключения эксперта – для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изготовило, сбыло или похитило¹;

- заключения эксперта или специалиста – для установления использования (в продукте, изделии и т.п.) виновным чужого изобретения, полезной модели или промышленного образца²;

- заключения эксперта – для установления того, является ли примененный при разбойном нападении предмет оружием³;

- заключения эксперта или специалиста – для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее и др.), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры⁴;

- иного документа (акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения и (или) медицинского освидетельствования на состояние опьянения) – для установления факта употребления лицом, управляющим транспортным средством, веществ, вызывающих алкогольное опьянение⁵;

- иного документа (акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения) или заключения эксперта – для установления факта наличия в организме лица, управлявшего транспортным средством, наркотических средств или психотропных веществ⁶.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве предписания относительно того, какие средства доказывания должны использоваться для выяснения тех или иных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, распространены значительно шире, нежели в гражданском процессе. В этой связи отсутствие в уголовно-процессуальной доктрине (в отличие от теории гражданского процесса) верного взгляда на институциональную принадлежность этих пред-

---

¹ См.: О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

² См.: О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушениях авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апр. 2007 г. № 14 // Там же.

³ См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // Там же.

⁴ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Там же.

⁵ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 дек. 2008 г. № 25 // Там же.

⁶ Там же.

писаний представляется досадным и требующим своего исправления недоразумением. Следующим шагом, как представляется, должна стать разработка предложений по дальнейшему совершенствованию регламентации допустимости доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Брянская Е.В. Заключение эксперта как обязательное доказательство в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 7–15.
2. Будников В.Л. Понятие, сущность и свойства уголовного доказательства: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – 92 с.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
4. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.
6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. – М.: Высшее образование, 2009. – 344 с.
7. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). – М.: Велби, Проспект, 2003. – 144 с.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.
10. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2004. – 272 с.
11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова; 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 1008 с.
12. Уголовный процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. – М.: Юстиция, 2016. – 368 с.
13. Фокина М.А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. – 2015. – № 9. – С. 101–111.
14. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Теоретические основы производства судебно-экономической экспертизы при расследовании преступлений на объектах железнодорожного транспорта // Общество и право. – 2018. – № 4 (66). – С. 93–98.
15. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учебное пособие. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. – 80 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Bryanskaya E.V. Expert opinion as mandatory evidence in the criminal proceedings in Russia // Vestnik of the East Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation, 2016. – № 4. – pp. 7-15.
2. Budnikov V.L. The concept, nature and properties of criminal evidence. – Volgograd: VolSU, 2008. – 92 p.
3. The concept of judicial reform in the Russian Federation / Comp. S.A. Pashin. – M.: Republic, 1992. – 111 p.
4. Kuhn T. Structure of scientific revolutions: Trans. from English / T. Kuhn; Comp. V.Yu. Kuznetsov. – M.: AST Publishers, 2003. – 605 p.
5. Course of the criminal procedure / Ed. L.V. Golovko. – M.: “Statute”, 2016. – 1278 p.
6. Lazareva V.A. Proving in the criminal procedure. – M.: “Higher education”, 2009. – 344 p.
7. Mikhailovskaya I.B. Aims, functions and principles of the Russian criminal proceedings (criminal procedure form). – M.: “Velbi”, Publishing House “Prospectus”, 2003. – 144 p.
8. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal procedure. Vol.I: The main provisions of the science of the Soviet criminal procedure. – M.: Publishing House “Science”, 1968. – 470 p.
9. Theory of evidence in the Soviet criminal procedure / Ed. N.V. Zhogin. 2nd ed., rev. and add. – M.: “Legal lit.”, 1973. – 736 p.
10. Treushnikov M.K. Judicial evidence. – M.: “Gorodets ”, 2004. – 272 p.
11. Criminal procedure law of the Russian Federation / Ed. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. – 4th ed., rev., add. – M.: “Norma: INFRA-M”, 2018. – 1008 p.
12. The criminal procedure: textbook / Ed. N.S. Manova and Yu.V. Franciforov. – M.: “JUSTICE”, 2016. – 368 p.
13. Fokina MA Improving the legal regulation of evidence in civil cases: issues of unification // Modern Law. – 2015. – № 9. - pp. 101-111.
14. Yakimovich Yu.K. Evidence and proof in the criminal procedure in Russia: study guide. – Tomsk: Tomsk University, 2015. – 80 p.

УДК 343.13

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00012

Ищенко Ульяна Сергеевна

заместитель начальника правового
отдела Академии управления
МВД России
E-mail: ya.missmus@mail.ru

Ishchenko Uliana Sergeevna

deputy head of the Legal Department of
Academy of Management of the MIA
of the Russian Federation
E-mail: ya.missmus@mail.ru

Можяева Ирина Павловна

главный научный сотрудник
НИЦ Академии управления
МВД России
доктор юридических наук
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

Mozhaeva Irina Pavlovna

chief scientific officer of SIC of Academy
of Management of the MIA
of the Russian Federation
doctor of juridical sciences
E-mail: mirina-crim@yandex.ru

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: статья посвящена анализу одного из основополагающих начал уголовного судопроизводства в Российской Федерации – независимости судей. Актуальность темы обусловлена проблемами теоретического, нормотворческого и правоприменительного характера при обеспечении независимости судей как принципа уголовного судопроизводства. В этой связи авторами представляется первостепенным рассмотрение вопроса о совершенствовании гарантий обеспечения принципа независимости судей.

Материалы и методы: материалами исследования явились нормы отечественного законодательства, регулирующие уголовно-процессуальные отношения, научные публикации ученых. Авторами использовались нормативно-логический, формально-юридический и иные научные методы.

Результаты исследования: анализ эмпирической базы позволил авторам выявить проблемы (научного и практического характера) обеспечения принципа независимости судей, научно обосновать систему гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей.

Выводы и заключения: формирование системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей; изучение возможности реального осуществления гарантий независимости судей в современных условиях; построение механизма реализации гарантий независимости судей будет способствовать достижению эффективной реализации принципа

независимости судей в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: эффективное уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, суд, независимость судей, принцип независимости судей, гарантии обеспечения принципа независимости судей.

GUARANTEEING SYSTEM FOR THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF THE COURTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: the article is devoted to the analysis of one of the fundamental principles of criminal proceedings in the Russian Federation - the independence of judges. The relevance of the topic is due to the problems of a theoretical, rulemaking and law enforcement nature while ensuring the independence of judges as a principle of criminal proceedings. In this regard, the authors consider it paramount to consider the issue of improving the guarantees of the principle of independence of judges.

Materials and methods: the research materials were the norms of domestic legislation governing criminal procedure relations, scientific publications of scientists. The authors used the normative-logical, formal-legal and other scientific methods.

Results: an analysis of the empirical base allowed the authors to identify problems (scientific and practical) of ensuring the principle of independence of judges, scientifically substantiate a system of guarantees ensuring the principle of independence of judges.

Summary and conclusions: formation of a system of guarantees ensuring the principle of the independence of judges; study of the possibility of real implementation of the guarantees of the independence of judges in modern conditions; the construction of a mechanism for the implementation of guarantees of the independence of judges will contribute to the achievement of the effective implementation of the principle of independence of judges in criminal proceedings.

Keywords: effective criminal proceedings, principles of criminal proceedings, court independence of judges, principle of independence of judges, guarantees to ensure the principle of independence of judges.

На протяжении XX–XXI вв. развития отечественной правовой системы обеспечение независимости судей остается наименее реализованным как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

Проблемы теоретического, нормотворческого и правоприменительного характера при реализации гарантий обеспечения принципа независимости судей обуславливают актуальность тематики статьи. Вышеуказанный комплекс проблем систематически становился предметом научных дискуссий [17; 10; 11].

Как представляется, гарантии надлежащего осуществления деятельности

по отправлению правосудия позволят сохранить доверие к независимости и беспристрастности судьи в Российской Федерации. В этой связи на государственном уровне принимаются всесторонние меры в целях формирования системы гарантий обеспечения принципа независимости судей и построения механизма их реализации.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 3 января 2017 г. был сформирован Перечень поручений № Пр-16 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее – Совет), состоявшегося 8 декабря 2016 г. Пункт 7 указанного перечня содержит установку проанализировать эффективность мер по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия. Во исполнение п. 7 Совет предложил предпринять конкретные меры [2] по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия, которые получили широкое научное обсуждение [14].

Несмотря на меры, направленные на обеспечение независимости судей, всесторонний анализ законодательства и научных работ позволил вычлени ряд вопросов, разрешение которых является в современных условиях первостепенным. Это формирование системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей; изучение возможности реального осуществления гарантий независимости судей в современных условиях; построение механизма реализации гарантий независимости судей.

В этой связи, на наш взгляд, следует в первую очередь определиться с понятием «гарантии независимости судей» и вычлени его существенные характеристики. Этот вопрос исследовался в различных аспектах. Однако актуальным является не только всестороннее рассмотрение понятия «гарантии независимости судей», но и определение назначения, цели, системы и содержания указанных гарантий, их связи с иными видами гарантий.

Назначение гарантий независимости судей заключается в создании совокупности условий для деятельности судьи, которые позволят обеспечить, закрепленный в законе статус судьи. Гарантии независимости судьи, включая меры его правовой защиты, материального и социального обеспечения, получили дальнейшее развитие путем внесения изменений в ст. 9 и ст. 10 закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» [1].

Важно обратить внимание, что ученые определяют и исследуют в качестве гарантий не одно средство, а совокупность (комплекс) средств [16, с. 48], в число которых относят правовые нормы, принципы, институты. Некоторые авторы (С.В. Бурмагин, А.А. Камардина и др.), определяя понятие «гарантии независимости судей», акцентируют внимание на условиях и факторах, которые оказывают воздействие на правотворческую и правоприменительную деятельность, а также на способах и средствах [4, с. 58–59; 11].

В этой связи *гарантии независимости судей*, на наш взгляд, можно представить как совокупность условий и факторов (внешние и внутренние; объек-

тивные и субъективные), характеризующих общественные отношения и воздействующих на правотворческую и правоприменительную деятельность, а также комплекс средств, приемов и методов, которые обеспечивают эффективность уголовного судопроизводства.

Анализ законодательства, научных и учебных изданий позволяет констатировать необходимость формирования целостной системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в виде комплекса средств, приемов, методов. Как правило, ученые выделяют институциональные, функциональные (процессуальные), социальные гарантии независимости судей [7; 25; 24]. Рассмотрим тезисно назначение и содержание указанных гарантий, а также их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Изучение норм законодательства и публикаций отечественных исследователей позволяет выделить институциональные элементы принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве и гарантии их реализации. Конституционные основы формирования институциональных начал судебной власти предполагают четкое отраслевое формулирование правового механизма обеспечения независимости суда и формулирование санкций за противодействие независимости деятельности суда [7].

Эффективные институциональные гарантии независимости судей, установленные в Конституции РФ, получили свое развитие в федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», в законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы».

Следует обратить внимание, что в содержании принципа независимости судей, закрепленного в уголовно-процессуальном законодательстве, подчеркивается институциональный характер положений норм независимости судей.

Институциональными гарантиями независимости судей являются установленные законодательством Российской Федерации о судостроительстве, судебной системе, исполнении судебных актов положения, а также комплекс средств, приемов, методов, направленные на обеспечение: демократической системы отбора и назначения судей на должность в соответствии с конституционным статусом судебной власти; конституционно-правовых институтов несменяемости, неприкосновенности судей и невмешательства в их деятельность [25; 22].

Процессуальные (функциональные) гарантии независимости судей. Плюрализм мнений ученых относительно процессуальных средств, которые позиционируются в качестве процессуальных (функциональных) гарантий, позволяет к последним относить: процессуальные нормы, принципы уголовного судопроизводства, процессуальные институты, уголовно-процессуальную форму, деятельность участников уголовного судопроизводства, процессуальное принуждение и процессуальные санкции [23, с. 56; 20, с. 50; 12, с. 114; 9, с. 92; 8].

В процессуальных источниках зачастую гарантии определяются как установленные законом положения, средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности.

Процессуальными гарантиями независимости судей, как отмечают ученые [25; 24] и практики, являются: установленные уголовно-процессуальным законом положения, средства, которые позволяют выполнить назначение уголовного судопроизводства, исключают механизмы подчинения судьи в уголовном процессе, обеспечивают свободное и самостоятельное принятие судьей процессуальных решений по уголовному делу на основе закона и своего внутреннего убеждения, а также устанавливают особую процедуру привлечения судьи к уголовной ответственности.

Справедливо обращает внимание О.В. Гутник, что в сфере уголовного судопроизводства фактически отсутствует процессуально-правовой механизм, направленный на воспрепятствование реализации противодействия институту независимости суда [7] Эти обстоятельства актуализируют исследование функциональных (процессуальных) гарантий, основная цель которых заключается в создании условий, обеспечивающих реализацию независимости судей.

Проведенный анализ научных работ таких ученых, как Б.Т. Безлепкин, С.В. Бурмагин, Т.Ю. Вилкова, Н.А. Гущина, М.И. Клеандров, П.Н. Шабанов, Л.В. Шеломанова и других, а также анализ законодательства и обобщение практики деятельности судей позволяет аргументировать вывод о том, что функциональные (процессуальные) гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве регламентированы на законодательном уровне и определены, на наш взгляд, следующими положениями:

- гласность (открытость) судебного разбирательства;
- формирование состава суда для рассмотрения конкретного дела в условиях, исключающих влияние на данный процесс лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, и на основе рекомендаций по научной организации труда судей [18] (нормирование труда, учет нагрузки судей, соблюдение форм организации деятельности, таких как специализация судей, формирование состава суда через автоматизированную информационную систему и т.д.);
- запрет на вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия;
- процедура рассмотрения внепроцессуальных обращений государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по уголовным делам, находящимся в производстве суда;
- порядок размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о внепроцессуальных обращениях;
- запрет на участие судьи в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела;
- запрет на допрос судьи, присяжного заседателя в качестве свидетелей об

обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу;

- наличие у судьи обязанности не давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом;

- постановление приговора и других судебных решений в совещательной комнате с соблюдением тайны совещания судей и присяжных заседателей;

- наличие у суда полномочий по собиранию доказательств по собственной инициативе и по участию в исследовании доказательств в судебном следствии;

- свобода оценки доказательств;

- особая процедура привлечения судьи к уголовной ответственности и иные гарантии.

Многоаспектное исследование функциональных (процессуальных) гарантий независимости судей в уголовном судопроизводстве позволит всесторонне познать имеющиеся и выработать отвечающие потребностям практики процессуальные средства, приемы и методы, обеспечивающие реализацию гарантий.

Обстоятельному рассмотрению подлежат *социальные гарантии независимости судей*, которые отражают совокупность условий и фактов предоставления судье должного материального и социального обеспечения. В этой связи социальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве определены следующими ключевыми положениями: защищенность судьи от социальных рисков; особый порядок обеспечения жизнедеятельности как в период осуществления судьей своих полномочий, так и при уходе в отставку; неприкосновенность судьи; право на материальное и социальное обеспечение и др. [9, с. 92; 10.]

На первый взгляд весьма убедительными, а также научно обоснованными предстают вышеуказанные основные гарантии независимости судей. Однако данный перечень средств, приемов, методов, в своей совокупности представляющий институциональные, функциональные (процессуальные), социальные гарантии независимости судей, на наш взгляд, не является исчерпывающим.

Так, например, *нравственные гарантии независимости судей* в современных условиях судебной реформы приобретают особое значение, на что справедливо обращают внимание ученые [21] и практики. Определение роли нравственных начал в обеспечении независимости судей возможно путем анализа этической безупречности деятельности судей и специальных нравственных требований, предъявляемых к личностным качествам судьи. На данное положение обращали внимание в своих исследованиях, посвященных проблемам судебной этики, еще советские процессуалисты Л.Е. Ароцкер, Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов и другие ученые. При этом нравственный облик судьи, на формирование которого влияет общественное признание профессиональных и моральных качеств, по мнению ряда ученых, является определяющим в профессии [6; 8]. Как справедливо отмечал Н.А. Колоколов, судьи должны способствовать формированию позитивного общественного мнения о суде [13, с. 168–169]. При

этом нравственные гарантии независимости судей, на наш взгляд, не представляется возможным реализовать без определения специальных нравственных требований, предъявляемых к судье, а именно:

- осознание высокой миссии судьи;
- удовлетворение от выполняемых должностных обязанностей;
- соблюдение норм нравственности, морали и этики, а также профессиональной правовой культуры;
- осуществление воспитательной функции;
- возможности профессионального развития личности судьи и др.

Законодателем, а также в работах известных ученых упоминается об организационных условиях, которые обеспечивают реализацию принципа независимости судей [1]. Однако до сих пор не выработана единая позиция об отнесении вышеназванных условий к тому или иному виду гарантий. Ряд авторов относит организационные условия независимости судей к институциональным гарантиям, что, на наш взгляд, противоречит назначению и содержанию указанных гарантий.

Другие выделяют самостоятельный вид гарантий независимости судей – организационно-правовые гарантии, определяющие порядок отбора на должность, прохождения государственной службы по ней, ответственность, порядок и условия ухода с этой должности, условия пребывания в отставке [9, с. 92; 10; 15].

Как нам представляется, следует использовать термин организационные гарантии независимости судей, характеризуя еще один вид из сложившейся в теории уголовного процесса совокупности гарантий. Как отмечает С.В. Бурмагин, независимость судей обеспечивается «организационными, материальными, финансовыми, социальными и юридическими гарантиями» [4, с. 58–59].

Организационные гарантии независимости судей предполагают достижение эффективных результатов деятельности за счет оптимального использования ресурсов. Применительно к обеспечению организационных гарантий независимости судей представляется возможным выделить следующие меры [18]:

- совершенствование форм организации деятельности судьи (коллективные формы организации деятельности, специализация, комбинированные формы организации деятельности);
- создание и совершенствование условий, способствующих повышению эффективности деятельности, в частности организация рабочего места судьи; использование современных информационных и коммуникационных технологий в деятельности;
- разработка рекомендаций, направленных на совершенствование условий труда судьи (санитарно-гигиенические условия труда, психологические и физиологические условия труда, эстетические условия труда, социально-психологические условия труда);

- рациональная организация рабочего времени и отдыха судьи;
- разработка рекомендаций по нормированию деятельности судьи;
- обоснование количественных и качественных нормативов трудовых затрат на различные виды деятельности судьи;
- выработка оптимальной, научно обоснованной нагрузки на одного судью;
- разработка и совершенствование системы учета и отчетности в деятельности судьи;
- разработка оптимальных критериев оценки деятельности судьи;
- разработка рекомендаций, направленных на оптимизацию процесса документационного обеспечения управления в деятельности судьи;
- разработка рекомендаций по совершенствованию профессиональной подготовки судей; подбор и расстановка кадров; профессиональные качества судьи; профессиограмма судьи.

Следует особо отметить, что необходимость обеспечения организационных гарантий независимости судей получила отражение в предложениях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека о мерах по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия от 3 августа 2017 г. [2].

Как представляется, научно обоснованный и установленный на законодательном уровне комплекс мер, обеспечивающий различные аспекты независимости судьи и выступающий ее гарантом, позволит сформировать систему гарантий обеспечения принципа независимости судей, выработать механизм их реализации, отвечающий современным условиям развития государства.

Изложенная в научной статье авторская позиция относительно формирования целостной системы гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей, позволяет представить данную систему в виде *институциональных, функциональных (процессуальных), организационных, социальных и нравственных гарантий независимости судей*.

Вопросы обеспечения реализации принципа независимости судей, к сожалению, не ограничиваются обозначенными выше проблемами. Всестороннее исследование научным сообществом системы и содержания гарантий независимости судей, их связи с иными видами гарантий; законодательные инициативы, направленные на развитие судебной реформы по обеспечению гарантий независимости судей; выработка мер по обеспечению гарантий независимости судей будут способствовать разрешению проблем теоретического, нормотворческого и правоприменительного характера в данной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 (ред. от 06.03.2019) // СПС КонсультантПлюс.

2. Предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека о мерах по обеспечению гарантий независимости судей, гласности и прозрачности при осуществлении правосудия от 3 августа 2017 г. URL: http://www.advpalatanso.ru/docs/topnews/20170809/predlojenie_spch_po%20reformе.pdf.
3. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: –14-е издание, перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017.
4. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учебное пособие. – М.: Проспект, 2016.
5. Вилкова Т.Ю. Процессуальные гарантии независимости судей в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 100–106.
6. Владыкина Т.А. Репутация судьи в Российской Федерации // Российский судья. – 2011. – № 9. – С. 20–26.
7. Гутник О.В. Институт независимости суда в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Lex Russica. – 2017. – № 4. – С. 67–74.
8. Гущина Н.А. Независимость судей как предпосылка справедливого и беспристрастного правосудия // Журнал российского права. – 2016. – № 5. – С. 151–159.
9. Ермошин Г.Т. Современная концепция статуса судьи в Российской Федерации // Там же. – 2013. – № 8. – С. 90–100.
10. Ермошин Г.Т., Петухов Н.А. Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Рос. юстиция. – 2013. – № 3. – С. 11–15.
11. Камардина А.А. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 2. – С. 57–59.
12. Кокорев Л.Д. Уголовно-процессуальные гарантии // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.
13. Колоколов Н.А. О праве, суде и правосудии (избранное). – М., 2006.
14. Колоколов Н.А. Судебная власть: предложения Совета при Президенте России // Мировой судья. – 2017. – № 12. – С. 11–17.
15. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 181–187.
16. Лебедев В.М. Комментарий к законодательству о судебной системе Российской Федерации / под ред. Т.Г. Морщаковой. – М.: Юристъ, 2003.
17. Макарова О.В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 95–104.
18. Можяева И.П., Бахта А.С. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 169–174.
19. Петухов Н.А., Ермошин Г.Т. Независимость судьи Российской Федерации: современные проблемы обеспечения // Рос. юстиция. – 2013. – № 3. – С. 11–15.

20. Рахунов Р.Д. О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе // Сов. гос-во и право. – 1968. – № 4. – С. 50–56.
21. Романенко Н.В. О проблемах нравственных качеств судей в условиях осуществляемого в отношении их уголовного преследования // Рос. судья. – 2017. – № 2. – С. 33–37.
22. Сангаджиев Б.В. Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 12 с.
23. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1.
24. Шабанов П.Н. Независимость судей в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.
25. Шеломанова Л.В. Реализация принципа независимости судей в конституционном праве современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 26–29.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 06/26/1992 No. 3132-1 (as amended on 06.03.2019) // ATP Consultant Plus.
2. Proposals of the Council under the President of the Russian Federation on the development of civil society and human rights on measures to ensure guarantees of judicial independence, transparency and transparency in the administration of justice of August 3, 2017 // http://www.advpalatanso.ru/docs/topnews/20170809/predlozhenie_spch_po%20reforme.pdf.
3. Bezlepkin B.T. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: 14th edition, revised and added. М.: Prospect, 2017.
4. Burmagin S.V. The status and activities of the court in criminal proceedings: textbook. – М.: Prospect, 2016. – pp. 58–59.
5. Vilkova T.Yu. Procedural guarantees of the independence of judges in criminal proceedings // Criminal law. – М.: ANO "Legal programs". – 2014. – No. 2. – pp. 100–106.
6. Vladykina T.A. The reputation of the judge in the Russian Federation // Russian judge. – М.: Lawyer, 2011. – No. 9. – pp. 20–26.
7. Gutnik O.V. Institute for the independence of the court in criminal proceedings of the Russian Federation / O.V. Gutnik // Lex Russica. М.: Publishing House of MSLA. – 2017. – No. 4. – pp. 67–74.
8. Guschina N.A. Judicial independence as a prerequisite for fair and impartial justice // Russian Law Journal. – М.: Norma, 2016. – No. 5. – pp. 151–159.
9. Yermoshin G.T. The modern concept of the status of a judge in the Russian Federation // Russian Law Journal. – М.: Norma. 2013. – No. 8. – pp. 90–100.
10. Yermoshin G.T., Petukhov N.A. Independence of a judge of the Russian Federation: modern problems of security // Russian justice. – 2013. – No. 3. – pp. 11–15.
11. Kamardina A.A. Judicial independence as a principle of criminal proceedings // Actual issues of combating crimes. – 2015. – № 2. – pp. 57–59.

12. Kokorev L.D. Criminal procedural guarantees // Problems of the theory and practice of the criminal procedure: history and modernity / Ed. V.A. Panyushkina. – Voronezh: *Voronezh State University Publishing House*, 2006. – p. 114.
13. Kolokolov N.A. On law, court and justice (elected). M., 2006. pp. 168–169.
14. Kolokolov N.A. Judicial power: proposals of the Council under the President of Russia // *Magistrate*. – 2017. – No. 12. – pp. 11–17.
15. Kondrashev A.A. Problems of implementation of the principle of independence of judges in Russia: from theory to law enforcement practice // *Actual problems of the Russian law*. – 2015. – No. 8. – pp. 181–187.
16. Lebedev V.M. In the book: *Commentary on the legislation on the judicial system of the Russian Federation* / Ed. T.G. Morschakova. – M.: *Yurist*, 2003. – p. 48.
17. Makarova, O.V. Ensuring the independence of judges in the Russian Federation. *Russian Law Journal*. – M.: *Norma*. 2010. – No. 1. – pp. 95–104.
18. Mozhaeva I.P., Bakhta A.S. Improving the efficiency of criminal justice through organizational support of judicial activities // *Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2017. – No. 4 (40). – pp. 169–174.
19. Petukhov N.A., Yermoshin G.T. Independence of the judge of the Russian Federation: modern problems of security // *Russian justice*. – 2013. – No. 3. – pp. 11–15.
20. Rakhunov R.D. On legal guarantees of independence of judges in the Soviet criminal process // *Soviet state and law*. – M.: *Science*. – 1968. – No. 4. – pp. 50–56.
21. Romanenko N.V. On the problems of moral qualities of judges under the conditions of criminal prosecution against them // *Russian judge*. – 2017. – No. 2. – pp. 33–37.
22. Sangadzhiev B.V. Institutional characteristics of the judiciary in the Russian Federation: questions of theory and practice: dr. jurid. sci. diss. abstr.: M., 2013. – p. 12.
23. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. M., 1968. T. 1. p. 56.
24. Shabanov P.N. Independence of judges in the Russian criminal process: problems of theory and practice: cand. jurid. sci. diss. abstr. – Voronezh, 2009. – 24 p.
25. Shelomanova L.V. The implementation of the principle of independence of judges in the constitutional law of modern Russia // *Constitutional and municipal law*. – M.: *Lawyer*. – 2016. – No. 5. – P. 26–29.

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00013

Пупышева Любовь Андреевнадоцент кафедры уголовного
процесса Омской академии
МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: lyuba-shabalina@yandex.ru

Pupysheva Lyubov Andreevnaassociate professor of the Department of
Criminal Procedure Omsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
candidate of juridical sciences

E-mail: lyuba-shabalina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЙ (ТЕРМИНОВ) В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Введение: в статье рассматриваются вопросы взаимодействия и согласования отраслей российского права, образующих блок законодательства о борьбе с преступностью, обосновывается тезис о том, что проблема межотраслевых связей уголовно-процессуального законодательства многогранна. Определены наиболее разработанные научные направления в рассматриваемой сфере. Обозначено, что в юридической науке неоправданно мало внимания уделено исследованию интеграционных связей УПК с законодательством об исполнении уголовных наказаний.

Материалы и методы: материалами для исследования послужили труды ученых, результаты анализа правоприменительной практики.

Результаты исследования: сформулированы и обоснованы выводы о том, что эффективный правовой механизм исполнения наказаний, в котором важная роль законом отведена суду, не создан; судебный контроль формален ввиду того, что он осуществляется в условиях несогласованности, противоречивости и пробельности уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

Выводы и заключения: аргументированы предложения по корректировке правовых норм, устанавливающих основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, предмета судебного контроля в данной сфере. Обозначены основные направления устранения коллизий между нормами УПК РФ и УИК РФ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, исполнение приговора, судебный контроль, основания исполнения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера.

PROBLEMS OF UNIFICATION OF CONCEPTS (TERMS) IN THE LEGISLATION ON CRIMINAL PROCEEDINGS AND EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Introduction: the article deals with the issues of interaction and coordination of the branches of the Russian law, forming a block of legislation on the fight against crime, substantiates the thesis that the problem of intersectoral relations of criminal procedure legislation is multifaceted. The most developed research areas in this field are outlined. It is indicated that in legal science unreasonably little attention is paid to the study of the integration of the CPC with the legislation on the execution of criminal penalties.

Materials and methods: the materials for the study are writings of scientists devoted to the research topic, the results of the analysis of law enforcement practice.

Results: the conclusions are formulated and substantiated that an effective legal mechanism for the execution of penalties, in which the important role of the law is assigned to the court, is not created; judicial control is formal due to the fact that it is carried out in conditions of inconsistency and gaps in the criminal executive and criminal procedural legislation. The proposals to adjust the legal norms establishing the grounds for the execution of punishments and the application of other measures of a criminal-legal nature, the subject of judicial control in this area are substantiated. The main directions of eliminating conflicts between the norms of the code of criminal procedure and the PEC are outlined.

Key words: criminal procedural law, criminal executive law, execution of sentence, judicial control, grounds for execution of punishments and application of other measures of criminal legal nature.

В советской и постсоветской юридической литературе сравнительно давно обозначены и обсуждаются проблемы взаимодействия и согласования между собой законов, образующих блок законодательства о борьбе с преступностью. До середины 90-х гг. XX в. в условиях доминирования в сфере уголовной юстиции трех кодифицированных законодательных актов РСФСР – Уголовного, Уголовно-процессуального, Исправительно-трудового кодексов – акцент в научных сочинениях смещался в сторону обоснования предложений по совершенствованию законодательства, направленных на устранение противоречий конкретных норм данных кодексов («внешняя несогласованность») [7]. В результате проведенной реформы российского законодательства, следствием которой в интересующем нас аспекте стали введение в действие новых Уголовного (1997 г.) и Уголовно-процессуального (2002 г.) кодексов, замена Исправительно-трудового кодекса РСФСР Уголовно-исполнительным кодексом РФ (1997 г.), появления законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (1995 г.), «О полиции»

(2011 г.) и ряда других, актуализировались вопросы обеспечения согласованности норм внутри законодательного комплекса, ориентированного на противодействие преступности и объединяющего уже десятки законодательных актов. Последние, как правило, имеют неоднозначную правовую природу, «вклиниваются» в предмет регулирования других отраслей законодательства, характеризуются неопределенностью и наличием пробелов.

Динамику законодательству о противодействии преступности придают уголовно-процессуальные нормы. Они играют главную роль в его практической реализации. Поэтому гармонизация действующего и перманентно обновляемого УПК с нормами многочисленных законов, относящихся к уголовно-правовой сфере, – *приоритетная задача законодательной власти и правовой доктрины*. Теоретически выверенные предложения, сфокусированные на выявление и преодоление соответствующих противоречий, несогласованностей, неопределенностей, должны быть доведены в установленном порядке до законодателя, без чего вряд ли объективно возможно приостановить имеющее место «обезнаучивание законодательного» процесса.

Проблема межотраслевых связей уголовно-процессуального законодательства многогранна, ситуация здесь постоянно меняется в связи с корректировкой действующих законов и принятием новых. В уголовно-процессуальной теории ей уделяется достойное внимание. Наиболее разработанным надлежит признать научное направление, в рамках которого отслеживаются взаимосвязи уголовного материального и процессуального права [1; 14; 11; 2]. Сегмент взаимодействия норм УПК (касающихся преимущественно уголовно-процессуального доказывания) с предписаниями закона «Об оперативно-розыскной деятельности» также достаточно детально представлен в литературе [13; 6].

Гораздо меньше исследований проводится в части интеграционных связей УПК с законодательством об исполнении уголовных наказаний, которое в современной отечественной правовой системе ассоциируется с УИК РФ (далее – УИК) и законом «Об исполнительном производстве», который с 2007 г. регламентирует исполнение наказания в виде штрафа. Вместе с тем эффективный правовой механизм исполнения наказаний, в котором важная роль законом отведена суду, не создан. Судебный контроль при отмене условного осуждения и замене лишением свободы штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, доля которых в структуре назначаемых наказаний достигает 75–80 %, формален: многие судебные решения здесь принимаются заочно, в отсутствие осужденного. В большей степени это объясняется тем, что данный вид судебного контроля осуществляется в условиях несогласованности, противоречивости и пробельности уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательств. В этой связи необходимы основательная доктринальная проработка дефектов правового регулирования сферы взаимодействия указанных законов, преодоление сформированных в учебной и научной литературе стереотипных представлений о «непересекаемости», автономности нормативного материала, содержащегося в законах об уголовном судопроизвод-

стве и исполнении наказания [17, с. 46–47; 10, с. 36–53; 18, с. 37–39]. В большинстве учебников (курсов) по уголовному процессу вопрос о соотношении и связях уголовно-процессуального права с правом уголовно-исполнительным не рассматривается. Традиционно сравнение уголовно-процессуального права (уголовного судопроизводства) проводится с уголовным правом, гражданским и административным судопроизводством, оперативно-розыскной деятельностью, криминалистикой. Примеров учебных изданий, где подчеркивается несомненная связь уголовно-процессуального права с уголовно-исполнительным правом немного [19, с. 32]. К сожалению, и в фундаментальных монографических исследованиях, специально посвященных противоречиям уголовно-процессуального права, в том числе межотраслевым, противоречия между нормами УПК и УИК не обозначаются и не анализируются [21, с. 170–204].

В рамках настоящей статьи, не умаляя значимости налаживания оптимальных связей законодательства об уголовном судопроизводстве с другими специализированными законами криминалистической группы (при этом отметим, что перспективными и малоизученными, по нашему мнению, являются проблемы согласования норм, регулирующих уголовное и административное судопроизводство, деятельность полиции, связанную с выявлением, пресечением и раскрытием преступлений, розыском скрывшихся преступников), ограничимся рассмотрением отдельных аспектов взаимосвязей норм уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Предваряя их изложение, укажем на существование объективных предпосылок к унификации в данных отраслях законодательства понятий, терминов, правового регулирования в пределах межотраслевых институтов.

В соответствии с реализованной в действующем законодательстве концепцией уголовной ответственности и наказания, согласно которой основанием возникновения, изменения и прекращения уголовно-исполнительных отношений признается судебное решение, принятое по правилам уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство объективно соединены между собой. По большому счету их раздельное функционирование невозможно. Предусмотренный ч. 1 ст. 20 УИК судебный контроль за исполнением наказаний проявляется только в установленных УПК процедурах. Участие суда в исполнении наказаний (при их замене более суровым либо мягким видом, отмене условного осуждения) происходит в форме отправления правосудия (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда от 21.12.2011 г. № 21 «О практике применения законодательства об исполнении приговора»). Поэтому совершенно логична и объяснима необходимость взаимодействия норм УПК и УИК, Закона об исполнительном производстве на уровнях «сквозных» понятий, терминов, межотраслевых институтов. По мнению А.В. Грищенко, при исполнении приговора взаимодействие уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательств является наиболее устойчивым [5, с. 14].

Попытки анализа взаимосвязей норм УПК и УИК уже предпринимались и продолжают предприниматься учеными. Так, в ряде научных публикаций

В.В. Николука отмечены «нестыковки» норм УПК и УИК либо необходимость их более детального согласования по следующим вопросам: 1) судебный контроль за исполнением наказаний с учетом содержания ст. 20 УИК «Судебный контроль», предполагающей регулирование границ и процессуальных форм (процедуры), и контроля, находящегося на стыке двух отраслей – уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства; 2) задержание и заключение под стражу осужденного при исполнении приговора; 3) рассмотрение судом представлений об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором, в отсутствие осужденного, когда он скрылся от контроля и его место нахождения не установлено в течение более 30 дней [12].

На несогласованность норм УПК и УИК применительно к закрепленному в ст. 397 УПК перечню вопросов, разрешаемых при исполнении приговора, обращает внимание А.П. Скиба, имея в виду предоставление беременной женщине, осужденной к обязательным работам, отсрочки отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам (ч. 3.1 ст. 26 УИК); освобождение осужденного от отбывания исправительных работ в случае признания его инвалидом первой группы (ч. 4 ст. 42 УИК) [15, с. 10].

На присутствие в УПК норм уголовно-исполнительного характера (ч. 1 ст. 394, ч. 2 ст. 398) указывает Ю.А. Головастова, отрицая при этом возможность отнесения его к источникам данной отрасли права. По мнению автора, размещение в тексте УПК отдельных норм уголовно-исполнительного права «свидетельствует о недостаточно четком разграничении со стороны законодателя предметов регулирования различных отраслей права, а также наличии смежных правовых институтов» [4, с. 169–170].

На несогласованность ч. 2 ст. 398 УПК и ч. 1 ст. 31 УИК в части регламентации исполнения уголовного наказания в виде штрафа обращает внимание В.А. Уткин [20, с. 190–191].

В развитие приведенных доктринальных положений полагаем целесообразным обратить внимание на следующие межотраслевые «пересечения» нормативных предписаний уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной природы (по признаку их размещения в законодательных актах).

Так, анализ сформулированного в ст. 7 УИК основания исполнения наказаний с позиций его соответствия уголовно-процессуальному законодательству показывает, что анализируемая норма, безусловно, позиционируемая как базовая в кодексе, дефектна в контексте установленного уголовно-процессуального порядка применения мер уголовно-правового характера по следующим причинам.

В УИК регламентировано исполнение (реализация) таких мер уголовно-правового характера, как условное осуждение (раздел VIII) и отсрочка отбывания наказания осужденными (ст. 177, 178.1). Механизм применения наказания к осужденным в данных случаях, если для этого появляются основания, сконструирован следующим образом.

При отмене условного осуждения по ч. 2.1 и ч. 3 ст. 74 УК основанием исполнения наказания в виде лишения свободы, назначенного приговором суда,

являются приговор и постановление суда об отмене условного осуждения, вынесенное в порядке ст. 399 УПК. Причем именно в постановлении суда об отмене условного осуждения указывается вид исправительного учреждения. Следовательно, в ст. 7 УИК должно быть отражено данное судебное решение, без которого нельзя реализовать назначенное в приговоре наказание условно осужденному после отмены условного осуждения.

Принципиально важно отметить, что условное осуждение как мера уголовно-правового характера может применяться в «модифицированном» по сравнению с установленным приговором варианте: суд вправе продлить испытательный срок, отменить либо дополнить ранее возложенные на осужденного обязанности (п. 7 и 8 ст. 397 УПК). Подобные решения принимаются в порядке ст. 399 УПК, собственно они и являются в данных случаях основанием применения условного осуждения в измененном формате. Это надлежит принять во внимание при корректировке ч. 1 ст. 20 УИК.

Отсрочка отбывания наказания и отсрочка исполнения приговора (ст. 82 УК, п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК) могут быть предоставлены судом беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста. Законом установлен двойной процессуальный порядок принятия судом решения об отсрочке: при постановлении приговора (в 2017 г. суды приняли решение об отсрочке отбывания лишения свободы при постановлении приговора в отношении 1578 осужденных) и после вступления приговора в законную силу, во время его исполнения (в порядке ст. 399 УПК в 2017 г. суды рассмотрели 1643 ходатайства осужденных (представлений прокурора) об отсрочке отбывания лишения свободы по основаниям, указанным в ст. 82 УК, п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК, 319 осужденным такая отсрочка была предоставлена).

При досрочной отмене отсрочки по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 82 УК (в 2017 г. по этим основаниям отсрочка отменена 233 осужденным), суд выносит соответствующее постановление о направлении осужденного для отбывания наказания в место, назначенное приговором суда. В таких случаях основанием исполнения ранее назначенного наказания является не только приговор, но и судебное решение об отмене отсрочки, которое следует включить в ст. 7 УИК.

В результате рассогласования норм УПК и УИК сложилась противоречивая ситуация в части регулирования судебного контроля за исполнением наказаний. На недостатки ст. 20 УИК до внесения в нее изменений Федеральным законом от 3.06.2011 г. № 111-ФЗ указывалось в юридической литературе [16, с. 60–61].

В действующем уголовно-исполнительном законодательстве судебный контроль выделен в качестве самостоятельной формы контроля в сфере исполнения наказания. Изначально предмет данного вида судебного контроля, облеченного в уголовно-процессуальную форму, ограничивался выборочным перечислением в ч. 1 ст. 20 УИК отдельных вопросов, указанных в ст. 397 УПК. В качестве критерия их отбора выступал характер правовых последствий для

осужденного, наступаемых в результате принятия судом соответствующего решения. Перечисленные в ч. 1 ст. 20 УИК вопросы (условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания; освобождение от наказания в связи с болезнью осужденного; отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до восьми лет; изменение вида исправительного учреждения) предполагали улучшение положения осужденного, в том числе полное его освобождение от наказания. При таком подходе к определению границ предмета судебного контроля за исполнением наказаний трудно было объяснить: почему рассматривая в одинаковом процессуальном режиме другие предусмотренные ст. ст. 397, 398, 400 УПК многочисленные вопросы, связанные с исполнением приговора, улучшающие либо ухудшающие правовое положение осужденного, судебный контроль уже не осуществляется.

Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 111-ФЗ ч. 1 ст. 20 УИК изложена в новой редакции и в предмет судебного контроля включено большинство вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК. За его пределы выведены два вопроса: о возмещении вреда реабилитированному (п. 1 ст. 397 УПК) и о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК). Действующая редакция ч. 1 ст. 20 УИК нуждается также в дополнительном согласовании с нормами главы 46 УПК.

Во-первых, нельзя признать оправданным исключение из предмета судебного контроля п. 18 ст. 397 УПК. Рассматривая представление органа внутренних дел или учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, суд исследует материалы, подтверждающие злостность уклонения осужденного от наказания, обоснованность объявления его в розыск, задержания. Нередко срок заключения под стражу, установленный судом с учетом срока оставшейся неотбытой части наказания, истекает до даты судебного заседания, назначенного для рассмотрения вопроса о замене наказания, в связи с чем осужденный подлежит освобождению из-под стражи как отбывший наказание, а производство по представлению о замене наказания прекращению. Поэтому рассматривая представление в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК, суд объективно осуществляет контроль за исполнением наказания.

Во-вторых, при разъяснении на основании п. 15 ст. 397 УПК сомнений и неясностей, обнаруживающихся при исполнении приговора, суд, как правило, своим решением не затрагивает собственно наказание. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 дан примерный (открытый) перечень сомнений и неясностей, которые судам рекомендовано рассматривать в порядке ст. 399 УПК (об оплате труда защитника, участвовавшего в деле по назначению суда; о принятии мер к охране имущества или жилища осужденного, оставшихся без присмотра; об устранении ошибок, допущенных в приговоре при написании фамилии, имени, отчества или иных биографических данных осужденного, а также описок и арифметических ошибок, если они очевидны и

исправление их не может вызвать сомнение и др.). Следовательно, п. 15 ст. 397 УПК и ч. 1 ст. 20 УИК требуют дополнительного согласования и уточнения.

Требуют согласования между собой нормы об обжаловании решений о досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания. Нормы уголовно-исполнительного законодательства (ч. 5 ст. 173 УИК) устанавливает, что если поступившее постановление суда не вступило в законную силу и не было обжаловано, освобождение от отбывания наказания производится утром дня, следующего за днем истечения срока обжалования указанного постановления в кассационном порядке. Согласно положениям УПК, которые в данном случае имеют безусловный приоритет, постановления, вынесенные в порядке гл. 47 УПК, вступают в законную силу по истечении срока их апелляционного обжалования, либо в день вынесения решения судом апелляционной инстанции.

Устранение коллизий между нормами уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, восполнение в нем пробелов и преодоление неопределенности в правовом регулировании подразумевает некоторую инвентаризацию соответствующего нормативного материала, отражающего процессуальные взаимоотношения учреждений и органов, исполняющих наказания, с судом [8, с. 111–113; 9].

Участие в уголовном судопроизводстве представителей уголовно-исполнительной системы предполагает закрепление в УПК развернутой системы нормативных предписаний, нацеленных на регламентацию не только процессуального статуса указанных должностных лиц, но и на возбуждение производства по вопросам исполнения приговора. В рамках изучения связей отраслей уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права возникло спорное и подерживаемое рядом юристов (ученых и практиков) предложение о выделении в судебной системе фигуры пенитенциарного судьи [3].

Неотложный характер в силу ее большого прикладного значения имеет проблема надлежащего нормативного регулирования института задержания осужденного, скрывающегося от отбывания наказания. В профессиональном анализе с позиций уголовного судопроизводства нуждается закрепленное в п. «г» ч. 1 ст. 24 УИК положение о праве судьи, осуществляющего судопроизводство на территории, где расположены учреждения и органы, исполняющие наказания, посещать их без специального на то разрешения.

Таким образом, продолжение научных исследований в указанных направлениях актуально и призвано способствовать гармонизации уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, в целом уголовно-правового законодательного комплекса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. – М., 1975.
2. Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005.

3. Гапонов Е.Н. Совершенствование правового регулирования судопроизводства при исполнении приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
4. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд: монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – М.: Юриспруденция, 2017.
5. Грищенко А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.
6. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. – М.: Проспект, 2014.
7. Кирин В.А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. – М., 1978.
8. Крымов А.А. Коллизии уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-процессуального законодательства на стадии исполнения приговора // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 4 (29).
9. Крымов А.А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
10. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017.
11. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.
12. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. – Омск: Омская академия МВД России, 2017.
13. Николук В.В. Уголовно-процессуальное законодательство в системе законодательства о противодействии преступности: проблемы взаимосвязей в условиях расширения нормативной основы сферы уголовной юстиции // Российское правосудие. – 2018. (Спецвыпуск).
14. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / под науч. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.
15. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1997.
16. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования // Уголовно-исполнительное право: научный журнал. – 2015. – № 2 (20).
17. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний: монография / А.Н. Павлухин, И.А. Давыдов, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.
18. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2010.
19. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. А.П. Кругликов. – М., Норма : ИНФРА-М, 2015.

20. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017.
21. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. – Томск, 2018.
22. Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: монография. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2005.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Bozhiev, V.P. Criminal procedure legal relations, M., 1975.
2. Vasilchenko A. A. Relationship of criminal law and criminal procedure legal relations: cand. jurid. sci. diss. abstr. Volgograd, 2005.
3. Gaponov E.N. Improvement of legal regulation of legal proceedings in the execution of the sentence: cand. jurid. sci. diss. abstr. M., 2009.
4. Golovastova Yu. A. Criminal executive law as a branch of the Russian law: a modern view: monograph / Yu.A. Golovastova; under the editorship of dr. jurid. sci., prof. V.I. Seliverstova. - M.: Publishing House "Jurisprudence", 2017.
5. Grishchenko A.V. Institute of the execution of the sentence in criminal proceedings: cand. jurid. sci. diss. abstr. Vladimir, 2006.
6. Dolya EA Formation of evidence based on the results of operational investigative activities: monograph / E.A. Dolya - Moscow: Prospectus, 2014.
7. Kirin V.A. Legislation on the fight against crime: the industry and their relationship. M., 1978.
8. Krymov A.A. Collisions of criminal, criminal procedure and criminal procedure legislation at the stage of execution of the sentence // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2013. № 4 (29).
9. Krymov A.A. Criminal procedure of the bodies and institutions of the penitentiary system of Russia: dr. jurid. sci. diss. abstr. M., 2015.
10. The course of the criminal process / Ed. dr. jurid. sci., prof. L.V. Golovko. - 2nd ed., corr. - M.: Statute, 2017.
11. The criminal process: textbook for bachelors / resp. ed. A.P. Kruglikov. - M., Norma: INFRA-M, 2015.
12. Muravev K.V. Measures of procedural coercion are special means of criminal law influence: doctrine, application, optimization. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.
13. Nikolyuk V.V. Criminal procedure legislation in the system of legislation on combating crime: problems of interrelations in the context of expanding the regulatory framework of the sphere of criminal justice // Russian justice. 2018. Special edition.
14. Polyakov M.P. Criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities: monograph / Scientific ed. prof. V.T. Tomin. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of Law, 2001.
15. Proshlyakov A.D. The relationship of substantive and procedural criminal law / A.D. Proshlyakov; Humanitarian un-ty - Ekaterinburg: Publishing House of Humanities. University, 1997.
16. Skiba A. P. Some problems of delimitation of criminal procedure and criminal executive regulation // Criminal law: scientific journal. 2015. № 2 (20).

17. Judicial control over the execution of criminal penalties: monograph / A.N. Pavluhin, I.A. Davydov, N.D. Eriashvili. - M.: UNITY-DANA: Law and right, 2008.
18. Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook. - 3rd ed., rev. and add. / L.N. Bashkatov and others; rep. ed. I.L. Petrukhin, I.B. Mikhailovskaya. - M.: Prospectus, 2010.
19. Criminal procedure: textbook for bachelors / resp. ed. A.P. Kruglikov. - M., Norma: INFRA-M, 2015.
20. Criminal process: textbook for academic bachelor degree course / ed. V.P. Bozhiev, B.Ya. Gavrilova. - 7th ed., rev. and add. - M.: Yurayt Publishing House, 2017.
20. Utkin V.A. Problems of the theory of criminal penalties. Tomsk, 2018.
21. Franciforov Yu.V. Contradictions of criminal proceedings: monograph. - Saratov: Publishing House Saratov un-ty named after. N.G. Chernyshevsky, 2005.

УДК 343.144

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00014

Россинский Сергей Борисович
профессор кафедры уголовно-
процессуального права Московского
государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
доктор юридических наук
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Sergey B. Rossinskiy
Dr.Sci. (Law),
professor of the Criminal Procedure
Dept., at Moscow State Kutafin Law
University
(MSLA)
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ОЧНАЯ СТАВКА КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Введение: в настоящей статье анализируется сущность и юридический потенциал очной ставки в современных реалиях развития системы уголовного судопроизводства Российской Федерации с учетом соответствия международным стандартам обеспечения прав и свобод личности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют международно-правовые акты в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ, материалы практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, описания; сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Результаты исследования: автор приходит к заключению о давно назревшей необходимости изменения отношения к очной ставке как к сугубо проверочному следственному действию, нацеленному исключительно на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Выводы и заключения: очную ставку впредь предлагается рассматривать в более широком ракурсе, в том числе и как процессуальную гарантию, направленную на предварительное (досудебное) обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, показания свидетеля, право на справедливое судебное разбирательство, следственные действия.

THE CONFRONTATION AS A PRELIMINARY PROCEDURAL GUARANTEE OF ENSURING THE RIGHT TO A FAIR TRIAL

Introduction: the author examines the nature and legal potential of the confrontation at the present stage of development of the Russian criminal procedure taking into account compliance with international standards for ensuring human rights and freedoms.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is formed by international legal acts in the field of ensuring the rights and freedoms of the individual, Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation as well as decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, materials of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights. The methodological basis of the study is the general dialectical method of scientific cognition, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and methods of observation, comparison, analysis, synthesis, description; comparative legal and historical legal methods.

Results: the author believes that today there is a need to change the understanding of the confrontation as an investigative action, which is carried out only for the purpose of checking and eliminating contradictions in the testimony of previously interrogated persons.

Summary and conclusions: the author proposes to consider confrontation more broadly, for example, as a legal guarantee on the prior provision of the right to a fair trial.

Keywords: interrogation, confrontation, witness testimony, right to a fair trial, investigative actions.

Очная ставка, как показывает самое происхождение этого древнерусского речения, состоит в том, что два человека становятся перед очи друг друга, глаз на глаз, «на одну доску», как говорили в старину.

В.И. Громов

Общий познавательный характер стадии предварительного расследования предполагает необходимость наделения органов дознания и предварительного следствия целым арсеналом процессуальных полномочий, направленных на установление различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти полномочия, в первую очередь, выражены в возможности проведения следственных действий, одним из которых является очная ставка (ст. 192 УПК РФ).

Как известно, очная ставка – следственное действие, которое состоит в одновременном допросе в присутствии друг друга определённых участников уголовного судопроизводства, уже прежде дававших показания по уголовному

делу. Иными словами, она как бы представляет совместный повторный допрос ранее допрошенных лиц. Причем, начиная со времени судебных реформ императора Александра II, законодатель преимущественно относился и продолжает относиться к очной ставке как к сугубо проверочному мероприятию, направленному на устранение противоречий в уже имеющихся показаниях.

Так, ст. 452 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. предписывала проведение очных ставок между свидетелями в тех случаях, когда от разъяснения противоречий в их показаниях зависело дальнейшее направление следствия. Кстати, необходимо обратить внимание, что дореволюционный законодатель еще не предусматривал возможности производства очных ставок в отношении других субъектов уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Отчасти это можно объяснить наличием в существовавшем тогда механизме уголовного судопроизводства иных процессуальных гарантий, позволяющих обеспечить решение указанных задач, а именно: а) вытекающей из смысла ст. ст. 446, 448, 449 Устава возможности обвиняемого присутствовать при допросе свидетеля, задавая ему вопросы или опровергая его показания; б) исходящей из правовой позиции Сената возможности обвиняемого присутствовать при допросе другого обвиняемого и т.д. А отчасти это, видимо, было связано с доктринальной и нормативной непроработанностью по сравнению с современными условиями некоторых уголовно-процессуальных категорий, например, потерпевшего.

Согласно ст. 162 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичных положений уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик (Украинской ССР, Белорусской ССР, Молдавской ССР и т.д.) очная ставка могла проводиться между любыми ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имелись существенные противоречия. Этот же подход к сущности очной ставки был заложен и в ст. 192 действующего УПК РФ, и в уголовно-процессуальные кодексы иных государств, возникших на постсоветском пространстве (Украины, Беларуси, Казахстана, Грузии и т.д.)

Но законодатель далеко не всегда относился к очной ставке как к сугубо проверочному следственному действию, проводимому исключительно с целью возможного устранения противоречий в ранее данных показаниях ее участников. Например, архаичный «Уголовно-процессуальный кодекс» императора Николая I¹, наоборот, предполагал предварительный, превентивный характер очной ставки, увязывая ее цели с установлением самой возможности и рациональности производства будущего допроса. «Свидетелю, когда он находится налицо, надлежит всегда прежде допроса дать очную ставку» – говорилось в ст. 229 данного нормативного акта. В свою очередь ст. 230 «Кодекса» устанавливала, что в ходе очной ставки: а) у свидетеля надлежало выяснить тот ли перед ним человек (обвиняемый), в отношении которого он собирался давать показания (т. е. что-то отдаленно напоминающее современное предъявление для опознания); б) у обви-

¹ Имеется в виду Свод законов Российской империи Николая I. – Т. 15. – Ч. 2 «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках».

няемого надлежало выяснить не имеет ли он в отношении свидетеля какого-то подозрения.

Весьма примечательно, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. тоже не указывал на очную ставку как на следственное действие, проводимое исключительно в случаях возникновения противоречий в прежних показаниях ее участников. Законодатель лишь устанавливал возможность проведения очной ставки между обвиняемыми, между обвиняемым и свидетелем (ст. 137) или между свидетелями (ст. 163 УПК РСФСР) в случае надобности.

И тем не менее отечественные ученые (и процессуалисты, и криминалисты) в своей массе ставили перед очной ставкой именно проверочные цели, уязвляли ее проведение исключительно с потребностью в устранении противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, в частности с необходимостью изобличения во лжи подозреваемого или обвиняемого, а иногда свидетеля или потерпевшего. Подобные позиции высказывались даже тогда, когда процессуальный закон (УПК РСФСР 1923 г.) прямо не предусматривал подобной юридической гипотезы.

Например, В.И. Громов в 1926 г. писал, что, хотя согласно закону очная ставка может быть проведена в любом случае по мере надобности, злоупотреблять возможностью ее производства не следует. Ученый полагал, что данное следственное действие уместно лишь тогда, когда «фактические обстоятельства подтверждаются одним свидетелем и опровергаются другим (равно как и обвиняемыми или обвиняемым и свидетелем), или же когда разноречие в показаниях отдельных допрошенных лиц относительно одного и того же момента расследования является настолько резким и разительным, что мешает следователю, несмотря на общую согласованность показаний, уяснить точно то или другое обстоятельство, которое может иметь существенное значение для дела» [4, с. 125].

М.С. Строгович в 1946 г. отмечал, что основанием для очной ставки является существенное противоречие между ранее данными показаниями двух лиц относительно одного и того же факта [12, с. 212]. Схожие суждения можно встретить и во многих других доктринальных источниках того времени.

Чего уж говорить про более поздние публикации по уголовно-процессуальному праву и криминалистике, в которых идея о направленности очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц возымела легальную основу – прямое указание в УПК РСФСР 1960 г. или кодексах других союзных республик. Так, А.Б. Соловьев писал, что поскольку необходимым условием для производства очной ставки является наличие в показаниях ее участников существенных противоречий, она проводится для их устранения [10, с. 7]. В.С. Комарков указывал, что наличие существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц является правовым основанием очной ставки, а выявление причин этих противоречий и установление истины – основной целью очной ставки [6, с. 2]. В.Н. Бахарев отмечал, что очная ставка проводится только при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, когда эти противоречия не могут быть устранены при помощи

других следственных действий, в том числе и повторного допроса [1, с. 10–11]. Схожие точки зрения высказывались Н.И. Порубовым [8, с. 240], Л.М. Карнеевой [5, с. 100], В.Е. Коноваловой и А.М. Сербуловым [7, с. 97] и еще целым рядом ученых.

Статья основана на анализе международно-правовых актов в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуального законодательства, а также постановлений Пленума Верховного Суда РФ, материалов практики Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, описания; сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Сейчас уже достаточно сложно доподлинно установить, что послужило причиной зарождения в национальной доктрине идеи, увязывающей очную ставку исключительно с необходимостью устранения противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Но со всей очевидностью можно утверждать, что подобная позиция не была основана лишь на непонятно кем сформулированных положениях закона, как это, к великому сожалению, часто бывает с иными «великими достижениями» процессуальной или криминалистической науки. Скорее наоборот, начиная с реформы уголовного судопроизводства рубежа 50–60-х гг., законодатель конструировал правила проведения очной ставки, основываясь на результатах теоретических изысканий советских ученых. И наглядным подтверждением данного тезиса является динамика развития отечественного процессуального права и национальной доктрины: если закон в этой части, как было показано выше, не предполагал стабильности, то ученые в своей массе, несмотря на нормотворческие колебания, всегда придерживались строго определённой позиции – о направленности очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Поэтому здесь может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Дело в том, что советские процессуальные и криминалистические теории во многом исходили как бы из одностороннего характера проведения следственных действий, из их исключительной направленности на получение следователем новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. В большинстве публикаций, в особенности по проблемам тактики допроса и очной ставки, всегда прослеживались и продолжают прослеживаться контуры позиции, предполагающей понимание подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля лишь как субъектов, располагающих криминалистически значимой информацией, а следователя – лишь как субъекта, которому надлежит максимально полно «выудить» эту информацию из своего процессуального собеседника. При таком подходе нацеленность очной ставки на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц представляется вполне понятной и разумной.

Мы не имеем никаких возражений против познавательной направленности следственных действий. Напротив, в своих публикациях мы неоднократно писали, что целью любого следственного действия является установление каких-либо новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, получение какой-либо доказательственной информации [9, с. 33]. В этом-то и состоит их основное отличие от иных процессуальных средств, находящихся в арсенале органов предварительного расследования: наложения ареста на имущество, эксгумации, задержания подозреваемого и т.д.

Однако помимо своей познавательной направленности каждое следственное действие имеет и строго установленную уголовно-процессуальную форму, обусловленную необходимыми правовыми гарантиями доброкачественности, что обеспечивает возможность признания полученных в ходе их производства результатов полноценными доказательствами без надобности последующей легализации, своеобразной процессуализации в судебном заседании. Как раз именно этим следственные действия выгодно выделяются из всей массы других познавательных приемов: оперативно-розыскных, административных и тому подобных мероприятий, на проведение которых уполномочены сотрудники правоохранительных органов.

Несмотря на появление в Российской Федерации ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. особой, самобытной, так сказать национальной модели уголовного судопроизводства, частично интегрирующей полномочия следователя с полномочиями «полицейской»¹, относящей процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств, следственные действия фактически были, есть и продолжают оставаться действиями судебно-следственного характера. Иными словами, следственное действие как российский аналог «классического» французского *acte d'instruction* – типичная процедура смешанного (континентального) типа уголовного процесса, позволяющая формировать полноценные доказательства в досудебном производстве и депонировать их для последующего судебного разбирательства. Собственно говоря, этим смешанный тип уголовного процесса и отличается от англо-саксонской состязательной модели, предполагающей непроцессуальное полицейское дознание (*investigation*) с последующей легализацией полученных результатов в судебном заседании.

И если исходить из подобного, на наш взгляд, единственно правильного понимания следственных действий, то процессуальный режим каждого из них должен быть обусловлен правовыми гарантиями доброкачественности, сопоставимыми с гарантиями, предоставляемыми в суде. Тем более, что на сегодняшний

---

¹ Под «полицией» в данном случае понимается не конкретный орган исполнительной власти, определённый федеральным законом от 7 февр. 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции», а вся система государственных органов, осуществляющих административно-правовые и оперативно-розыскные полномочия по выявлению и раскрытию преступлений (полиция, Росгвардия, ФСБ России и т.д.). Поэтому термин «полиция» как имеющий условное значение преднамеренно берется в кавычки.

день эти вопросы приобретают особую актуальность ввиду поисков собственного пути дальнейшего развития российского уголовного судопроизводства, с одной стороны, учитывающего национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы, а с другой – отвечающего современным мировым стандартам уголовной юрисдикции, в том числе положениям международно-правовых актов, закрепляющих основные права и свободы личности.

Представляется, что указанный подход придает очной ставке принципиально новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал в контексте реализации вытекающего из международно-правовых актов права на справедливое судебное разбирательство. Следует напомнить, что в соответствии с п. d) ч. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. e) ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах это право, помимо всего прочего, выражается в возможности каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей. Кстати, на необходимость обеспечения обвиняемому этого права неоднократно указывал и Европейский суд по правам человека¹.

Механизм реализации подобных требований в судебном заседании не вызывает никаких вопросов, поскольку прямо предусмотрен ст. ст. 277, 278, 281.1 УПК РФ, регламентирующими процессуальный порядок допроса явившихся в суд потерпевших, свидетелей или так называемых соглашенцев, т. е. лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Но как быть в том случае, если потерпевший, свидетель или «соглашенец» в судебное заседание не явился?

В принципе уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность суда в случае неявки кого-либо из указанных лиц оглашать их показания, данные ранее, в том числе и в ходе предварительного расследования. Более того, оглашение прежних показаний допускается также и в случае наличия существенных противоречий с показаниями, данными этим лицом в судебном заседании, и в случае последующего отказа лица от дачи показаний. В зависимости от причины, обуславливающей необходимость оглашения прежних показаний, законодатель устанавливает различные правовые условия реализации этого механизма: иногда с согласия обеих сторон, иногда – по ходатайству одной стороны или по собственной инициативе суда и т.д. (ст. ст. 281, 281.1 УПК РФ). Однако в целом такая возможность весьма активно используется в судебной практике. А ее высокий доказательственный потенциал как раз и предопределяется смешанным (континентальным) типом российского уголовного процесса, позволяющим формировать полноценные доказательства в досудебном производстве и depo-

---

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 13 июля 2006 г. по делу «Попов против Российской Федерации» (жалоба № 26853/04) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Европейского суда по правам человека от 27 марта 2008 г. по делу «Перич против Хорватии» (жалоба № 34499/06) // Там же и т.д.

нирывать их для последующего судебного разбирательства (о чем уже отмечалось выше).

Но существование подобных механизмов не снимает поставленного выше вопроса: как в этом случае реализовать предусмотренное международными стандартами право каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него лиц? Кстати, ч. 2.1. ст. 281 УПК, которая была специально введена в 2016 г. для имплементации в систему уголовно-процессуального регулирования вышеуказанных норм международного права, разрешает суду оглашать ранее данные показания лишь при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. На неукоснительное соблюдение указанного требования уже дважды обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ¹.

Представляется, что в решении этого вопроса очная ставка может возыметь первостепенную роль и оказать неоценимую помощь. Именно здесь и раскрывается принципиально новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал данного следственного действия. Ведь очная ставка – это чуть ли не единственная досудебная процедура, в ходе которой осуществляется непосредственный вербальный контакт, процессуальное общение между подозреваемым или обвиняемым, с одной стороны, и его «оппонентом» – с другой. Конечно вербальный контакт между указанными лицами возможен и в рамках иных следственных действий, в первую очередь, предъявления для опознания. Но, во-первых, предъявление для опознания предполагает по сравнению с очной ставкой гораздо большие трудности в подготовке и организации, и, во-вторых, направлено на решение весьма специфических задач, не всегда сопоставимых с реализацией права лица на допрос показывающего против него свидетеля.

Для справедливости необходимо обратить внимание, что сформулированный нами тезис не обладает абсолютной новизной; подобные идеи высказывались советскими учеными еще задолго до ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах. Например, М.С. Строгович, изменивший свою более раннюю позицию в отношении сущности этого следственного действия, в 1970 г. писал, что очная ставка обвиняемого и свидетеля на предварительном следствии бывает особенно необходима и важна в тех случаях, когда нет уверенности, что свидетель может быть вызван в суд [11, с. 113]. Аналогичную точку зрения выражали в 1978 г. А.Г. Гаврилов и А.А. Закатов [3, с. 6].

Рассматривая указанные вопросы уже применительно к современным реалиям уголовного судопроизводства, Л.В. Брусницын считает очную ставку одной из двух форм реализации права обвиняемого допрашивать показывающих

---

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55; О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 51.

против него лиц [2, с. 38]. К слову, в качестве второй формы автор выделяет повторный допрос свидетеля по ходатайству обвиняемого или его защитника, содержащему поставленные перед ним (свидетелем) вопросы [2, с. 39]. Однако подобная технология представляется гораздо более «неповоротливой», в частности не позволяющей оперативно отреагировать новыми вопросами на полученные ответы и т.д.

Близкой точки зрения придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, разъяснивший, что суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)¹.

Рассматривая очную ставку как предварительную (досудебную) гарантию обеспечения права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, нельзя оставить без внимания и позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в связи с рассмотрением жалобы И.Н. Хасенова, оспаривавшего конституционность ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. В своем решении Конституционный Суд РФ отметил, что «реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами»², т. е. по мнению Конституционного Суда РФ, любое следственное действие, направленное на предварительное обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, в том числе и очная ставка, может быть произведено не иначе как по инициативе (ходатайству) обвиняемого или его защитника, заявленном по окончании ознакомления с материалами уголовного дела.

Относясь с большим уважением к позициям, содержащимся в актах Конституционного Суда РФ, мы, тем не менее, можем согласиться с указанной точкой зрения лишь частично. Дело в том, что, высказывая подобный тезис, Конституционный Суд РФ как бы предопределяет абсолютную пассивность участия следователя в предварительном обеспечении права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. А такой подход явно не соответствует прямо вытекающему из ч. 1 ст. 11 УПК РФ требованию об обеспечении следователем возможности осуществления своих прав подозреваемому, обвиняемому, потер-

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 г. № 55.

² Определение Конституционного Суда РФ от 10 окт. 2017 г. № 2252-О.

певшему и другим субъектам уголовно-процессуальной деятельности. Ведь несмотря на участие защитников, несмотря на возможную правовую грамотность некоторых подозреваемых или обвиняемых, именно он – следователь, являясь представителем государства, выступает публично-правовым гарантом прав и свобод личности. Следователь не вправе занимать пассивную роль, ожидая, когда подозреваемый или обвиняемый заявит ходатайство, подаст заявление и т.д. Тем более, он не должен безучастно наблюдать за ошибками этих лиц, предвкусывая возможность их использования в своих целях. Следователь как субъект уголовной юрисдикции просто обязан принимать все возможные меры для правильного и разумного использования участниками своих процессуальных возможностей, в частности по своей инициативе назначать и проводить следственные действия, необходимые для предварительного обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Подводя итог всему вышесказанному, следует заключить, что уже давно назрела необходимость изменения отношения к сущности очной ставки как к сугубо проверочному действию, направленному исключительно на устранение противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

В современных реалиях развития уголовного судопроизводства очную ставку следует рассматривать в более широком ракурсе – одновременный допрос следователем (дознавателем) определённых участников уголовного судопроизводства в присутствии друг друга, направленный как на установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, так и на предварительное (досудебное) обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство.

Подобный подход к сущности очной ставки, безусловно, потребует изменения некоторых правовых условий и правил ее проведения. Например, представляется необходимым исключить из содержания ст. 192 УПК РФ указание на возможность производства этого следственного действия лишь в том случае, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия, т. е. фактически вернуться к формулировкам Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Кроме того, законодателю целесообразно предусмотреть специальный правовой режим проведения очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение одного участника другим (например, свидетеля обвиняемым) подобно тому, как этот вопрос урегулирован ч. 5–6 ст. 278 УПК РФ. И, наконец, предлагаемый нами подход объективно потребует введения в сферу уголовно-процессуального регулирования дополнительных прав участников очной ставки на предварительное ознакомление с ранее данными показаниями своих будущих «оппонентов».

В завершение отметим, что, несмотря на раскрытый в настоящей статье новый процессуальный смысл и дополнительный доказательственный потенциал очной ставки, она все-таки не сможет полностью обеспечить предварительную реализацию права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. В этой связи правоприменителю неразумно полностью отказываться и от иных,

установленных законом юридических возможностей, в частности от повторного допроса свидетеля по ходатайству обвиняемого или его защитника, содержащему поставленные перед ним (свидетелем) вопросы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахарев Н.В. Очная ставка. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. – Казань: Казанский госуниверситет им. Ульянова-Ленина, 1981.
2. Брусницын Л.В. О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей // Рос. юстиция. – 2016. – № 1.
3. Гаврилов А.К., Закатов А.А. Очная ставка: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978.
4. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. – 2-е изд. – М.: НКЮ РСФСР, 1926.
5. Карнеева Л.М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976.
6. Комарков В.С. Психологические основы очной ставки. – Харьков: Харьковский юридический институт, 1976.
7. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. – Киев: МВД УССР, 1978.
8. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. – 2-е изд. – Минск: Вышэйшая школа, 1973.
9. Россинский С.Б. Следственные действия. – М.: Норма, 2018.
10. Соловьев А.Б. Очная ставка на предварительном следствии. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1970.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т. 2. – М.: Наука, 1970.
12. Строгович М.С. Уголовный процесс: учебник для юридических институтов и факультетов. – М.: Минюст СССР, 1946.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bakharev N.V. The confrontation. Criminal procedural and criminalistic questions. – Kazan, 1981.
2. Brusnitsyn L.V. On the right of the accused to interrogate witnesses giving a statement against him // Russian justice. – 2016. – № 1.
3. Gavrilov A.K., Zakatov A.A. The confrontation. – Volgograd, 1978.
4. Gromov V.I. The inquiry and the preliminary investigation. Theory and technique of crime investigation: guide for the bodies of inquiry and people's investigators. – M., 1926.
5. Karneeva L.M. The tactical bases of the organization and production of interrogation at the stage of investigation. – Volgograd, 1976.
6. Komarkov V.S. The psychological basis of confrontation. – Kharkiv, 1976.

7. Konovalova V.E., Serbulov A.M. The interrogation tactics in the investigation of crimes. – Kiev, 1978.
8. Porubov N.I. The interrogation in Soviet criminal proceedings. – Minsk, 1973.
9. Rossinsky S.B. The investigative actions. – M., 2018.
10. Soloviev A. B. The confrontation at the preliminary investigation. – M., 1970.
11. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. – Book 2. – Moscow, 1970.
12. Strogovich M.S. The criminal procedure: textbook. – Moscow, 1946.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1 марта 2019 года свой 100-летний юбилей отметила Экспертно-криминалистическая служба МВД России. В настоящее время в ЭКЦ работает порядка 17 тыс. высококвалифицированных специалистов многочисленных экспертных специальностей, ежегодно выполняющих свыше 2 млн различных экспертиз и исследований. Мы выражаем огромную благодарность за их ежедневный труд и поздравляем со 100-летием службы, открывая раздел «Криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» статьей заместителя начальника (по научной работе) Восточно-Сибирского института МВД России, доктора юридических наук, доцента полковника полиции Грибунова Олега Павловича.

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00015

Грибунов Олег Павлович
заместитель начальника Восточно-Сибирского института МВД России (по научной работе)
доктор юридических наук, доцент
E-mail: gribunov@mail.ru

Gribunov Oleg Pavlovich
deputy chief of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (on scientific work)
doctor of juridical sciences,
associate professor
E-mail: gribunov@mail.ru

100-ЛЕТИЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ: ВЕХИ ИСТОРИИ¹

Введение: в статье рассматривается генезис становления и развития Экспертно-криминалистической службы МВД России. Освещается практический опыт и научные достижения известных криминалистов, внесших неоценимый вклад в криминалистическую науку и в практическую деятельность экспертных подразделений по вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

---

¹ Статья подготовлена по материалам сборника, сформированного ветеранами и сотрудниками ЭКЦ МВД России ко дню образования службы: Сто лет Экспертно-криминалистической службе системы МВД России. – М.: ЭКЦ МВД России, 2019. – 280 с.

Материалы и методы: методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, исторический, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили рассмотреть исторический путь развития Экспертно-криминалистической службы МВД России, осветить наиболее значимые труды ученых-криминалистов.

Выводы и заключения: история развития экспертной службы позволяет в очередной раз убедиться, что сотрудники экспертных подразделений МВД России осуществляют важную роль в процессе раскрытия и расследования преступлений, безусловно, их значение в проведении указанных мероприятий трудно переоценить.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, криминалистическое исследование, ЭКЦ, экспертная деятельность.

THE 100 ANNIVERSARY OF EXPERT AND CRIMINALISTIC SERVICE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY MILESTONES

Introduction: in the article the history of Expert and Criminalistic Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is considered. A scientific way of the famous criminalists who've made a valuable contribution to criminalistics and to practical activities of law enforcement agencies concerning disclosure, investigation and prevention of crimes is considered.

Materials and methods: the general dialectic method of scientific knowledge having a universal character, also methods of logical deduction, induction, historical, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description formed the methodological basis of the research.

Results: allowed to consider a historical way of development of Expert and Criminalistic Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, to light the most significant writings of great scientists-criminalists.

Summary and conclusions: the reviewed development history of the expert service allows you to make sure once again that the staff of expert divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation plays an important role in disclosure and investigation of crimes, and, certainly, it is difficult to overestimate their role and value in holding the specified actions.

Keywords: criminalistics, forensic examination, criminalistic research, ECC, expert activity.

Первого марта 2019 г. Экспертно-криминалистическая служба МВД России отметила 100-летие со дня образования. В настоящее время без всяких преувеличений можно сказать, что это одна из ведущих служб МВД России, оснащенная современными технико-криминалистическими средствами, играющая основную роль в противодействии преступности.

Вместе с тем на заре становления службы ее возможности были намного скромнее. После известных событий 1917 г. прекратили свое существование кабинеты научно-технической экспертизы. В 1918 г. Главное управление милиции Народного комиссариата внутренних дел РСФСР направило в исполкомы местных советов документ, содержащий постулаты как вектор действий: «Настало время поставить дело сыска на научную основу и создать кадры действительно опытных работников – научных специалистов». На заседании коллегии НКВД в 1919 г. принято решение о создании кабинета судебной экспертизы при Центральном управлении уголовного розыска (Центрозыск), функционирование которого фактически началось 1 марта 1919 г., что собственно и стало датой его создания.

Первым руководителем кабинета судебной экспертизы был Петр Сергеевич Семеновский, автор многих научных работ по дактилоскопии и уголовной регистрации.

К основным трудам П.С. Семеновского можно отнести: «Дактилоскопия как метод регистрации» (1923), «Определение всевозможных основных дробей при нескольких неизвестных отпечатках» (1926), «Новый способ определения возможных числителей и знаменателей основной дроби дактилоскопической классификации при нескольких неизвестных отпечатках» (1926), «Распределение главных типов тактильных узоров на пальцах рук человека» (1927), а также «Краткое пособие по опознанию неизвестных трупов» (1938), «Настольная книга следователя» (1949).

В 1920 г. кабинет был преобразован в научно-технический отдел. Начальником НТО Управления уголовного розыска НКВД РСФСР стал Владимир Львович Русецкий, автор книг по дактилоскопии, фотографии и тактике проведения осмотра места преступления.

В.Л. Русецкий автор таких известных и фундаментальных работ, как «О копировании и проявлении пальцевых отпечатков» (1914), «Правила о порядке приобщения к делам, сохранении и пересылке вещественных доказательств, направляемых следователями в кабинеты научно-судебной экспертизы» (1916), «Теория и практика фотографических светофильтров» (1916), «К вопросу о задачах милиции при осмотрах места преступления» (1923).

В 1922 г. на должность начальника экспертного подотдела научно-технического отдела Управления уголовного розыска НКВД РСФСР назначен Сергей Михайлович Потапов, автор научных трудов по защите документов, судебной фотографии, почерковедению. К основным работам С.М. Потапова можно отнести: «Основания защиты документов» (1916), «Судебная фотография» (1926, 1936, 1948), «Принципы криминалистической идентификации» (1940), «Научное почерковедение» (1940), «Введение в криминалистику» (1946).

В 1928 г. в Москве открыты первые курсы по подготовке судебных экспертов и первые 40 слушателей приступили к обучению.

В 1940 г. НТО был выведен из уголовного розыска и в статусе спецотдела вошел в состав Главного управления милиции НКВД СССР. Его возглавил Борис Максимович Комаринец, автор более 60 научных работ по дактилоскопии, тактике осмотра места происшествия, баллистике. К числу основных работ Б.С. Комаринцева относятся: «Дактилоскопическая идентификация на расстоянии» (1935), «Руководство по осмотру места происшествия» (1938), «Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по отстрелянным гильзам» (1955), «Признаки письменной речи и их значение для розыска и установления автора документов» (1957), «Идентификация огнестрельного оружия по выстрелянным пулям» (1961), «Криминалистическая экспертиза на месте происшествия» (1962).

В 1945 г. научно-техническое отделение ГУМ НКВД СССР реорганизовано в научно-технический отдел и Научно-исследовательский институт криминалистики (НИИК). В 1950 г. создано единое подразделение прямого подчинения ГУМ МВД СССР – НИИК. В 1956 г. – на базе НИИК создан НИИМ МВД СССР. В 1969 г. НИИМ преобразован во ВНИИ МВД СССР.

Подготовка кадров высшей квалификации для экспертных подразделений началась с 1961 г. в Высшей школе МВД РСФСР (Академии МВД СССР), где на кафедре криминалистики под руководством Рафаила Самуиловича Белкина осуществлялась подготовка экспертов-криминалистов с высшим юридическим образованием.

Обзору научного пути известных криминалистов и, прежде всего, ученого-криминалиста, автора колоссального количества научных работ по широкому кругу вопросов криминалистики и судебной экспертизы, заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора генерал-майора милиции участника Великой Отечественной войны Рафаила Самуиловича Белкина, внесшего неоценимый вклад в криминалистическую науку и в практическую деятельность правоохранительных органов по вопросам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, посвящена серия

Оперативно-розыскная деятельность
Статей [1, 2, 3]. К основным фундаментальным работам Р.С. Белкина можно отнести такие труды, как «Курс советской криминалистики» в трех томах (1977–1979), «Общая теория советской криминалистики» (1986), «Криминалистика: проблемы и тенденции, перспективы» в двух томах (1987–1988), «Очерки криминалистической тактики» (1993), «Фактор внезапности его учет и использование в расследовании преступлений» (1995), «Курс криминалистики» в трех томах (1997), «Криминалистика» (1999), «История отечественной криминалистики» (1999), «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня» (2001). Не имеют аналогов созданные Р.С. Белкиным «Криминалистическая энциклопедия» (1993, 1997, 2000) и «Словарь-справочник по криминалистике» (1999).

В 1969 г. при Оперативно-техническом управлении МВД создана Центральная криминалистическая лаборатория, которую возглавил Павел Георгиевич Кулагин, автор научных трудов по исследованию документов. Основные работы П.Г. Кулагина: «Криминалистическое исследование документов, удостоверяющих личность» (1959), «К истории развития учреждений судебной экспертизы СССР» (1968), «Экспертная методика дифференциации рукописей на мужские и женские» (1969).

В 1977 г. ЦКЛ была преобразована в научное учреждение Центральная научно-исследовательская криминалистическая лаборатория МВД СССР, ее возглавил Александр Фомич Волынский, в настоящее время профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, автор свыше 250 научных трудов, в том числе 14 учебников, которые и сегодня относятся к числу основной литературы при изучении учебной дисциплины «Криминалистика». К основным работам А.Ф. Волынского относятся «Криминалистическая экспертиза в странах социалистического содружества» (1976), «Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития» (1994 г., в соавторстве), «Криминалистика» (1998 г., в соавторстве). Под редакцией А.Ф. Волынского совместно с профессором В.А. Прорвичем подготовлена и издана серия учебных пособий по судебно-экономическим экспертизам: «Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе» (2010), «Судебно-экономическая экспертиза в гражданском и арбитражном процессе» (2012), «Судебно-кадастровая экспертиза» (2013). А.Ф. Волынский является соавтором и соредактором фундаментального учебно-методического пособия «Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений» (2016), подготовленного на базе Академии Следственного комитета России под общей редакцией А.И. Бастрыкина.

В 1981 г. Центральная криминалистическая лаборатория МВД СССР была преобразована в Экспертно-криминалистическое управление МВД СССР.

Неоценимый вклад в становление и развитие современной экспертно-криминалистической служб внес начальник ЭКУ МВД СССР Петр Тихонович Скорченко. Он опубликовал более 60 научных работ. Наиболее значимые из них: «Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений» (1999), «Постановления, протоколы и иные документы следователя» (2001). Соавтор 8 учебников по криминалистике П.Т. Скорченко обосновал необходимость создания самостоятельной экспертно-криминалистической службы МВД СССР, ее структуру, задачи, необходимую штатную численность, дал понятие техни-

ничко-криминалистического обеспечения расследования и раскрыл его содержание. Впервые в своих статьях исследовал проблемы внедрения в практику борьбы с преступностью криминалистических слеодообразующих средств, что нашло отражение и в некоторых учебниках по криминалистике.

В 1983 г. при ВНИИ МВД СССР создается лаборатория технико-криминалистических исследований и экспертиз НИЛ-6, а впоследствии на ее базе Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД СССР (1989), который возглавил Владимир Францевич Статкус, автор более 100 научных трудов об организации деятельности следователя, которые актуальны и в настоящее время. К выдающимся работам В.Ф. Статкуса можно отнести: «Организация изучения условий, способствующих совершению преступления» (1970 г., в соавторстве), «Прокурорский надзор и ведомственный контроль на предварительном следствии» (1975 г., в соавторстве), «Процессуальные документы органов предварительного расследования. Образцы» (1998), «Предварительное следствие в органах внутренних дел: 40 лет в лицах, событиях и фактах» (2003), «Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел» (2003). В.Ф. Статкус активно осуществлял научно-исследовательскую деятельность в ЭКЦ МВД России, на протяжении ряда лет руководил авторским коллективом актуальных научных исследований: «Каталог паспортизированных экспертных методик», «Разработка автоматизированной информационной системы», «Каталог регистрационных паспортов экспертных методик», «Образцы заключений экспертов».

В 1992 г. происходит объединение ЭКУ МВД СССР и ВНКЦ МВД СССР в Экспертно-криминалистический центр МВД СССР и далее ЭКЦ МВД России, который возглавил Игорь Петрович Карлин, автор более 50 научных трудов по вопросам криминалистического исследования веществ, материалов и изделий. К основным трудам И.П. Карлина можно отнести: «Способ идентификации личности по фонограммам произвольной устной речи», «Методологические основы использования методов хроматографии в криминалистике» (1991), «Основы криминалистиче-

ской экспертизы материалов, веществ и изделий» (1993 г., в соавторстве), «Экспертные исследования художественных и полиграфических красок» (1998 г., в соавторстве).

Именно с приходом И.П. Карлина переработана и систематизирована вся нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность экспертно-криминалистических подразделений, включая основные федеральные законы – «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

С момента создания научно-технических отделов практически всегда у руководства службы стояли не просто профессионалы, а в первую очередь люди науки. Все руководители имели ученую степень кандидата или доктора наук, были учеными и педагогами, что еще раз подтверждает направленность деятельности экспертно-криминалистической службы – способствование раскрытию и расследованию преступлений на основе научного подхода.

В настоящее время ЭКЦ МВД России насчитывает порядка 17 тыс. сотрудников, осуществляется производство 31 рода (вида) экспертиз по 49 экспертным специальностям. Возглавляет ЭКЦ МВД России генерал-лейтенант полиции кандидат экономических наук Алексей Валерьевич Шишко. В систему входит: ЭКЦ МВД России и 94 ЭКЦ территориальных подразделений МВД России. Сотрудниками ЭКЦ ежегодно проводится более 2,5 млн оперативно-розыскных мероприятий и производство 2,5 млн процессуальных действий, их роль и значение трудно переоценить [4, 5, 6, 7, 8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. Научное наследие Р.С. Белкина и его влияние на становление и развитие криминалистической науки // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 2 (85). – С. 103–109.
2. Грибунов О.П. Научное наследие И.А. Возгринина и его влияние на развитие криминалистической методики как раздела криминалистики (посвящается 85-летию юбилею И.А. Возгринина) // Там же. – 2015. – № 1 (72). – С. 92–96.
3. Грибунов О.П. Концептуальные идеи Р. С. Белкина в криминалистике // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. к 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста. – М., – 2018. – С. 228–234.
4. Грибунов О.П. Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Рос. следователь. – 2017. – № 20. – С. 47–51.
5. Варданян А.В., Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании хищений на объектах транспорта // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России): сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. – 2016. – С. 274–277.
6. Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Во-

сточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2016. – № 1 (76). – С. 89–97.

7. Грибунов О.П., Старичков М.В. Виды экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий // Криминалистика и судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: сб. материалов ежегодной междунар. науч.-практич. конф. / Санкт-Петербургский университет МВД России. – 2017. – С. 77–83.

8. Грибунов О.П., Гольчевский В.Ф., Ващенко Б.М. К вопросу о необходимости проведения экспертизы технического состояния дорог и дорожных условий при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2018. – № 4–2. С. 18–23.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gribunov O.P. The scientific heritage of R.S. Belkin and his influence on formation and development of criminalistics//Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2018. – No. 2 (85). – pp 103–109.

2. Gribunov O.P. The scientific heritage of I.A. Vozgrin and his influence on development of a criminalistic technique as a section of criminalistics (devoted to 85-year anniversary of I.A. Vozgrin)// Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2015. – No. 1 (72). – pp 92–96.

3. Gribunov O.P. The conceptual ideas of R.S. Belkin in criminalistics//In the collection: Modern development of criminalistics and judicial examination as realization of the ideas of R.S. Belkin. Materials of the international scientific and practical conference "Dedicated to the 95th birthday of the Scientist, Teacher, Publicist". – 2018. – pp 228–234.

4. Gribunov O.P. Participation of employees of ECC during conducting investigation and search operations, investigative and other legal proceedings as a factor of increase in solvability of crimes // The Russian investigator. – 2017. – No. 20. – pp 47–51.

5. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. Forensic examinations appointed to investigate theft at transport facilities //In the collection: The theory and practice of counteraction of crime in Asia Pacific (to the 95th anniversary of formation of the Far East Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation) the collection of materials of the international scientific and practical conference. – 2016. – pp 274–277.

6. Gribunov O.P. Forensic examinations appointed to investigate crimes against property committed on transport//the Bulletin of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2016. – No. 1 (76). – Page 89–97.

7. Gribunov O.P., Starichkov M.V. Types of the examinations appointed to investigate crimes in the sphere of computer information and high technologies//In the collection: Criminalistics and forensic examination: past, present and prospects. Materials of an annual international scientific and practical conference. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2017. – pp 77–83.

8. Gribunov O.P., Golchevsky V.F., Vashchenko B.M. On the question of need of conducting examination of technical condition of roads and road conditions at investigation of road and transport crimes//News of the Tula state university. Economics and jurisprudence. – 2018. – No. 4–2. – pp 18–23.

УДК: 343.982.9

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00016

Бегалиев Эрнар Нурланович
профессор кафедры специальных
юридических дисциплин Акаде-
мии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан доктор
юридических наук, доцент,
почетный работник образования
Республики Казахстан
E-mail: ernar-begaliev@mail.ru

Begaliev Ernar Nurlanovich
professor of the Department of Special Le-
gal Disciplines of Academy of Law En-
forcement Agencies under the General
Prosecutor's Office of the Republic of Ka-
zakhstan, doctor of juridical sciences, asso-
ciate professor, honorary worker of educa-
tion in the Republic of Kazakhstan, junior
counselor of justice
E-mail: ernar-begaliev@mail.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Введение: внедрение в практику раскрытия и расследования отдельных видов (групп) преступлений современных достижений научно-технического прогресса, в том числе адаптированных из естественно-технических наук, позволило в значительной степени материально оснастить оперативную, следственную и экспертную деятельность подразделений правоохранительных и специальных органов. На наш взгляд, является вполне оправданным развитие и трансферт технологий в предметную область криминалистической техники путем адаптации цифровых средств передачи информации с возможностью ее дальнейшей фиксации и исследования. К таковым в полной мере считаем необходимым отнести применение беспилотных летательных аппаратов в практике раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Материалы и методы: материалами исследования явились отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок производства некоторых следственных действий, научные публикации исследователей, а также материалы судебной и следственной практики по исследуемой теме. При написании статьи использовались нормативно-логический, формально-юридический и другие методы.

Результаты исследования: в статье проанализированы сферы применения БПЛА; определены их модификации и условия применения; проанализированы критерии допустимости их использования в практике раскрытия и расследования преступлений. Продемонстрирована криминалистическая деятельность следователя по работе с БПЛА и дана авторская позиция решения обозначенных вопросов.

Выводы и заключения: ключевым моментом данной статьи являются предложения автора касательно внедрения в следственную и экспертную практику применения дронов и квадрокоптеров в составе специального интегрированного реестра научно-технических средств.

Ключевые слова: дрон, квадрокоптер, научно-техническое средство, оборудование, расследование преступлений, эвристика.

ON THE PROSPECTS FOR THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE COURSE OF CONDUCTING CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS

Introduction: introduction into practice of disclosing and investigating certain types (groups) of crimes related to modern achievements of scientific and technical progress, including those adapted from natural and technical sciences, made it possible to equip operational, investigative and expert activities of law enforcement and special bodies materially. In our opinion, the development and transfer of technologies to the subject area of criminalistic equipment is fully justified by adapting digital means of information transfer, with the possibility of its further fixation and research. They surely include unmanned aerial vehicles in disclosing, investigating and preventing crimes.

Materials and methods: separate norms of criminal procedure legislation governing the procedure for the production of certain investigative actions, scientific publications of researchers, as well as materials of judicial and investigative practice on the topic of study were used as research materials. When writing the article the author used the normative logical, formal legal and other methods.

Results: the article analyzes the scope of UAV; their modifications and conditions of use are determined; criteria for the admissibility of their use in the practice of disclosing and investigating crimes are analyzed. The criminalistic activities of the investigator when dealing with UAV were demonstrated and to address these issues the author's position was given.

Summary and conclusion: the key point of this article is the author's proposals regarding the introduction of drones and quadrocopters into the investigative and expert practice as part of a special integrated registry of scientific and technical means.

Key words: drone, quadrocopter, scientific and technical means, equipment, investigation of crimes, heuristic.

С этимологической точки зрения беспилотный летательный аппарат является собирательным термином, охватывающим все разновидности летательных средств, преодолевающих расстояние по воздушному пространству без непосредственного участия человека (пилота). Причем взлет и приземление, опреде-

ление траектории полета, включая его продолжительность, иное воздействие на летательный аппарат посредством специальных приспособлений (пультов дистанционного управления) также является опосредованным использованием БПЛА.

В науке и технике сформировались и активно применяются некоторые дефиниции, которые непосредственно охватывают исследуемую нами совокупность, среди которых следует выделить:

а) дрон (англ. drone – трутень) «беспилотный дистанционно-управляемый летательный аппарат, оснащенный видеозаписывающим устройством» [1, с. 37];

б) квадрокоптер (ит. quattro – четыре + copter – лёт) беспилотный дистанционно-управляемый летательный аппарат, оснащенный видеозаписывающим устройством, имеющий четыре мотора и четыре винтовых механизма;

в) мультикоптер (англ. multi – много + copter – лёт) беспилотный дистанционно-управляемый летательный аппарат, оснащенный видеозаписывающим устройством, имеющий пять и более моторов и соответствующее количество винтовых механизмов.

Несмотря на имеющиеся структурные различия и модификации, следует отметить, что все вышеуказанные устройства являются разновидностями БПЛА, поэтому считаем целесообразным рассматривать их в общем контексте.

С точки зрения функционального назначения предлагаем осветить лишь некоторые сферы применения БПЛА:

а) «аэрофотосъемка строительной и жилищно-коммунальной территорий» [5, с. 3];

б) «мониторинг окружающей среды и чрезвычайных ситуаций» [13, с. 3];

в) «мониторинг, фотограмметрия фасадов зданий, инспекция мостов и отслеживание мобильных агентов» [14, с. 5];

г) «обеспечение временной связи в труднодоступной зоне» [3, с. 4];

д) «горнодобывающая промышленность» [8, с. 2];

е) «кадастровые работы в отношении земельных участков» [10, с. 1] и т.д.

Применительно к раскрытию, расследованию и предотвращению отдельных видов (групп) преступлений отмечено множество положительных результатов и свойств использования БПЛА, среди которых необходимо отметить:

а) обнаружение утечек и несанкционированных врезок нефтепроводов;

б) исследование мест и обстоятельств дорожно-транспортных происшествий;

в) мониторинг оперативной ситуации в период проведения общественных мероприятий, митингов, шествий и демонстраций;

г) изучение обстановки места происшествия в условиях труднодоступной местности;

д) контроль за местами естественного произрастания наркотических средств;

е) мониторинг водных объектов в целях пресечения браконьерской деятельности;

ж) установление очагов возгорания и масштабов площадей, подвергшихся воспламенению;

з) пограничный контроль с целью противодействия незаконного пересечения лицами государственных границ и провоза контрабандных грузов и многое др.

Решение вышеуказанных задач может иметь важное стратегическое значение, поэтому ни в коей мере не следует принижать современные возможности БПЛА в ходе превентивной деятельности отдельных государств.

Несмотря на стремительное развитие и массовое использование БПЛА в военной, информационной, разведывательной и гражданской сферах, применение дронов и квадрокоптеров в рамках производства следственных действий широкого распространения до настоящего момента не получило. Прежде всего, данное положение, на наш взгляд, связано с консервативным подходом внедрения и активного применения инновационных научно-технических средств в оперативную, следственную и экспертную практику. К основным сдерживающим факторам также следует отнести относительную дороговизну и обслуживание агрегатов и узлов полезной модели и программного оборудования, а также наличие навыков применения данного технического средства при производстве отдельных следственных действий (например, управление дроном в условиях активной смены движения ветровых потоков).

Поэтому до настоящего момента широкие возможности применения БПЛА в следственной работе, оперативно-розыскной деятельности и экспертной практике, к сожалению, до конца не изучены, прогнозируется дальнейшее совершенствование вышеуказанных видов деятельности с использованием уникальных информационных технологий.

В соответствии с ч. 4 ст. 126 УПК РК «использование научно-технических средств органом, ведущим уголовный процесс, фиксируется в протоколах соответствующих процессуальных действий и протоколе судебного заседания с указанием данных научно-технических средств, условий и порядка их применения, объектов, к которым эти средства были применены, и результатов их использования» [15]. Вышеуказанная норма свидетельствует об отсутствии исчерпывающего списка научно-технических средств, допущенных к применению в рамках процессуальных действий.

С одной стороны, данное положение оправдано регулярным внедрением в практику передовых и современных достижений научно-технического прогресса, к которым смело можно отнести БПЛА. Указание же в тексте закона / подзаконного акта исчерпывающего списка научно-технических средств неминуемо повлечет процедуры постоянного внесения изменений и дополнений, что с точки зрения нормотворческой деятельности является не совсем оправданным. В этой связи Г.И. Грамович утверждал, что «в законе невозможно предусмотреть все приемы и средства работы с доказательствами. Если бы в законе содержался подробный перечень технических средств, допускаемых к применению, то это препятствовало бы внедрению на практике нового технического средства, не

указанного в таком перечне» [6, с. 32]. Аналогичной позиции придерживаются в своих трудах А.И. Винберг и Ю.Г. Корухов [4, с. 47].

С другой стороны, ситуация с отсутствием четкой процессуальной регламентации может формализовать процедуру применения НТС в целом, что негативно скажется на качественной и количественной стороне вопроса. «Нормы УПК... содержащие перечень разрешенных к использованию научно-технических средств (фото-, киносъемка, аудио-, видеозапись и др.), после их перечисления предлагается дополнить “и иные научно-технические средства”. Такое дополнение имеет существенное значение, поскольку делает допустимым использование в судопроизводстве вновь создаваемых научно-технических средств, в то время как наличие в УПК... ограничительного перечня никогда не сможет отразить достижений научно-технического прогресса» [2, с. 9].

Поэтому решением проблемы может являться внедрение в практику правоохранительных органов интегрированного реестра научно-технических средств в формате программного продукта с модулем регулярного обновления; описанием и тактико-техническими характеристиками НТС; сферой применения (оперативно-розыскное мероприятие, следственное действие и/или экспертное исследование) и фиксированными сроками эксплуатации (сведения об актах проверки, сертификации и/или испытаниях).

Мы в полной мере разделяем точку зрения Е.С. Липка, которая предлагает «...в случае производства осмотра места происшествия в труднодоступной местности, связанного с опасностью для жизни и здоровья людей, а также при отсутствии навыков у следователя, следователь вправе привлечь к участию сотрудников специальных служб, а также лиц, имеющих навыки работы в труднодоступной местности с использованием специального снаряжения и научно-технических средств обнаружения, фиксации и изъятия...» [11, с. 18]. Применение БПЛА позволит следователю получить полную информацию относительно условий местности; определить конкретный вид и способ проведения осмотра; осуществить фото- и видеофиксацию предполагаемого места осмотра, а также решить целый ряд иных вопросов в рамках осмотра места происшествия.

Считаем, что применение БПЛА в рамках досудебного производства не следует ограничивать лишь реализацией досмотровых функций. Уникальные свойства данного оборудования оказывают помощь в отыскании искомых объектов в условиях труднодоступной местности. Поэтому нами настоятельно рекомендовано использование дронов / квадрокоптеров в ходе производства обыска.

Принимая во внимание определенную специфику использования БПЛА, представляется обоснованным привлечение к участию в следственных действиях специалиста-криминалиста. Данный участник уголовного процесса должен обеспечивать надлежащее применение рассматриваемой разновидности оборудования.

Представляет особый интерес вопрос отнесения БПЛА к соответствующей группе НТС. По мнению отдельных ученых, «техничко-криминалистические средства по происхождению можно разделить на три группы:

1) средства, заимствованные из общей техники и используемые в криминалистике без всяких изменений;

2) средства, заимствованные из других областей науки и техники и приспособленные для криминалистических целей;

3) средства, специально разработанные для криминалистических целей» [16, с. 9].

Изначально БПЛА были изобретены с целью запечатления окружающей обстановки и нахождения на ней определенных объектов, т.е. имели исключительно военно-разведывательное назначение. В последующем свойства и функции дронов и квадрокоптеров стали востребованы в технических, маркетинговых, информационных и иных сферах, включая мировую практику раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из структурных характеристик, БПЛА состоят из линз и окуляра, что присуще оптическим приборам. По целевому назначению дроны и квадрокоптеры предназначены для отыскания и перемещения малогабаритных предметов, веществ и жидкостей, что весьма характерно для поисковых приспособлений. Наконец, учитывая наличие функции фото- и видеосъемки, полученные результаты характеризуют исследовательскую сторону проблемы. Поэтому, на наш взгляд, невзирая на всевозможные модификации, представляется верным отнесение БПЛА к категории комплексных научно-технических средств.

В ч. 3 ст. 126 УПК РК указаны условия допустимости НТС, если они:

«1) прямо предусмотрены законом или не противоречат его нормам и принципам;

2) научно состоятельны;

3) обеспечивают эффективность производства по уголовному делу;

4) безопасны» [15].

В общемировой практике регулирования эксплуатации БПЛА на предмет их непротиворечия нормам действующего законодательства существует множество подходов, среди которых следует выделить следующие:

а) прохождение процедур лицензирования «пилотов»-пользователей БПЛА (Россия, Тайланд и многие др.);

б) ограничения по весу устройства и техническим данным оптических приспособлений (США, Канада);

в) ограничения по времени непрерывной эксплуатации и площади воздушного пространства (Великобритания, Ирландия);

г) регистрация и обслуживание БПЛА в службах гражданской авиации (большинство государств);

д) полный запрет, кроме военной эксплуатации (Вьетнам).

Научная состоятельность БПЛА подтверждается достаточно широкой практикой описания в специальной литературе, в которой освещаются современные модификации, сфера применения, алгоритмы действий пользователей и т.д. В частности, довольно полно и содержательно вопросы применения БПЛА отражены в научных исследованиях в сфере обеспечения военной безопасности

[12, 7]. Вместе с тем отмечается низкая активность ученых-криминалистов в научном освещении проблем применения БПЛА в практике раскрытия и расследования преступлений.

Обобщением мирового опыта применения БПЛА определены следующие перспективные направления дальнейшего использования данных технологий, обеспечивающих эффективность производства по уголовному делу:

а) как устройство, призванное дистанционно осуществлять осмотр предметов и документов, включая участки местности, в условиях труднодоступности;

б) как средство изъятия малогабаритных предметов и проб, представляющих следственный и оперативный интерес, из труднодоступных участков местности;

в) как средство фиксации окружающей обстановки для составления плана оперативных мероприятий или следственных действий;

г) как вспомогательное приспособление, участвующее в исследовании подозрительных объектов (пакетов, сумок, чемоданов и пр.) на предмет наличия в них взрывных устройств и/или взрывчатых веществ;

д) как прибор установления местонахождения живых лиц и трупов на широких участках местности и т.п.

«Как показало время и практика внедрения новых технико-криминалистических средств, также справедливым оказалось предложение закрепить в качестве самостоятельного требования безопасность использования достижений научно-технического прогресса» [9, с. 249]. Помимо того, что работа с БПЛА является безопасным видом деятельности как для пользователя, так и для окружающих, в ряде случаев правильное использование рассматриваемой разновидности ТС позволяет избежать наступления человеческих жертв (например, в условиях массовых скоплений людей и т.д.).

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Полагаем целесообразным проведение работ, направленных на изменение подходов и переориентирование современных возможностей БПЛА применительно к практике раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Данная проблема может быть разрешена посредством организации специальных тренингов и мастер-классов, а также разработки соответствующих спецкурсов с целью повышения уровня квалификации сотрудников оперативно-криминалистических подразделений правоохранительных органов.

2. Разработка и внедрение специального интегрированного реестра научно-технических средств с обстоятельной информацией об условиях, модификациях и тактико-технических характеристиках БПЛА позволит решить проблемы допустимости данной разновидности НТС к производству по уголовному делу.

3. Считаю необходимым реализацию организационных и нормотворческих процедур по пересмотру содержания и функционального назначения БПЛА в сторону расширения спектра предоставляемых возможностей, в части оптимизации следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, развития

инструментов оборонной промышленности и материально-технического оснащения специальных служб.

4. Включить расширенную комплектацию БПЛА (с высоким уровнем разрешающей способности видео- и фотосъемки; функцией сбора проб; повышенным источником питания и т.п.) в перечень обязательных научно-технических средств передвижных криминалистических лабораторий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бегалиев Е.Н. Современный толковый словарь криминалиста. – Астана: Лантар-трейд, 2019. – 240 с.

2. Большечев В.Г. Применение научно-технических средств в процессуально-тактической деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 23 с.

3. Васильев Д.С. Разработка алгоритмов передачи потоковых данных на прикладном уровне в сетях беспилотных летательных аппаратов: дис. ... канд. тех. наук. – Ижевск, 2015. – 147 с.

4. Винберг А.И., Корухов Ю.Г. Регламентация применения научно-технических средств // Соц. законность. – 1983. – № 11. – С. 45–47.

5. Власов В.В. Методы и алгоритмы построения фотоплана местности посредством аэрофотосъемки с помощью беспилотного летательного аппарата: автореф. дис. ... канд. тех. наук. – Орел, 2016. – 16 с.

6. Грамович Г.И. Основы криминалистической техники. – Минск, 1981. – 208 с.

7. Перспективы развития и применения комплексов с беспилотными летательными аппаратами: доклады и статьи ежегодной науч.-практич. конф. – Коломна, 2016. – 274 с.

8. Ким М.Л. Автоматизированная информационная система горноспасательных частей на основе беспилотных летательных аппаратов: автореф. дис. ... канд. тех. наук. – М., 2018. – 19 с.

9. Коваленко С.Б. Использование научно-технических средств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: материалы меж. науч.-практич. конф. – Алматы, 2002. – Т. 1. – 400 с.

10. Ламков И.М. Разработка методики кадастровых работ в отношении земельных участков, занятых обводненными карьерами: автореф. дис. ... канд. тех. наук. – Новосибирск, 2017. – 24 с.

11. Липка Е.С. Процессуальные и организационно-тактические аспекты осмотра места происшествия по насильственным преступлениям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2012. – 26 с.

12. Павлушенко М.И., Евстафьев Г.М., Макаренко И.К. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // Национальная и глобальная безопасность. – 2004. – № 2 (26). – 612 с.

13. Попов Н.И. Динамика неустановившихся режимов пространственного движения робота-квадрокоптера по заданной траектории: автореф. дис. ... канд. тех. наук. – Курск, 2014. – 19 с.

14. Сайфеддин Д. Мехатронная система управления полетом квадрокоптера и планирование траектории методами оптической одометрии: дис. ... канд. тех. наук. – Новочеркасск, 2014. – 186 с.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК.

16. Чернышов В.Н., Сысоев Э.В., Селезнев А.В. [и др.] Техникo-криминалистическое обеспечение следствия: учебное пособие. – Тамбов, 2005. – 80 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Begaliev E. N. Modern dictionary of criminalists. – Astana: Lantar-Trade, 2019. – 240 p.

2. Bolychev V. G. The use of scientific and technical means in the procedural and tactical activities of the investigator: cand. jurid. sci. diss. abstr.:12.00.09. – Voronezh, 2012. 23 p.

3. Vasiliev D. S. Development of algorithms for streaming data at the application level in the networks of unmanned aerial vehicles: cand. tech. sci. diss: 05.12.13. – Izhevsk, 2015. 147 p.

4. Vinberg A. I., Korukhov Yu. G. Regulation of application of scientific and technical means // Socialist legality №11. – M., 1983. pp. 45-47.

5. Vlasov V. V. Methods and algorithms for the construction of a photographic plan of the area by means of aerial photography with the help of an unmanned aerial vehicle: cand. tech. sci. diss. abstr.: 05.13.01. – Orel, 2016. – 16 p.

6. Gramovich G. I. Basics of technology of criminalistics. – Minsk, 1981. – 208 p.

7. Reports and articles of the annual scientific and practical conference "Prospects of development and application of complexes with unmanned aerial vehicles", - Kolomna, 2016. – 274 p.

8. Kim M. L. Automated information system of mine rescue units based on unmanned aerial vehicles: cand. tech. sci. diss. abstr.: 05.13.06. – M., 2018. – 19 p.

9. Kovalenko S. B. The use of scientific and technical means in criminal proceedings // Actual problems of combating crime at the present stage. Materials of scientific and practical conference. - Almaty, 2002. – 400 p. Vol. 1.

10. Lamkov I. M. Development of methods of cadastral works in relation to land plots occupied by flooded quarries: cand. tech. sci. diss. abstr.: 25.00.26. – Novosibirsk, 2017. – 24 p.

11. Lipka E. S. Procedural and organizational-tactical aspects of the inspection of the scene of violent crimes: cand. jurid. sci. diss. abstr.: 12.00.09. – Rostov-on-Don, 2012. 26 p.

12. Pavlushenko M. I., Evstafiev G. M., Makarenko I. K. Unmanned aerial vehicles: history, application, threat of proliferation and prospects of development // National and global security №2 (26). 2004. – М., - 612 p.

13. Popov N. I. The dynamics of unsteady regimes of spatial movement of the robot quadcopter to the desired path: author's abstract. diss ... cand. tech. sci: 01.02.06. – Kursk, 2014. – 19 p.

14. Seifeddin D. Mechatronic control system of the flight of the quadcopter and planning methods for optical odometry: diss ... cand. tech. sci: 05.02.05. – Novocherkassk, 2014. – 186 p.

15. Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 № 231-V SAM.

16. Chernyshov V. N., Sysoev E. V., Seleznev A.V., Terekhov A.V. Technical and criminalistic support of the investigation: textbook. - Tambov, 2005. - 80 p.

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00017

Карданов Руслан Рейзаевич
доцент кафедры огневой подготов-
ки Северо-Кавказского института
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета
МВД России
кандидат юридических наук
e-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

Kardanov Ruslan Reizayevich
candidate of juridical sciences
associate professor of the Chair
of Firearms Training North Caucasus
Institute for Advanced Studies the Ministry of
Krasnodar University of the Ministry of In-
ternal Affairs of the Russian Federation
e-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

Курин Алексей Александрович
начальник кафедры криминалисти-
ческой техники УНК ЭКД
Волгоградской академии
МВД России
кандидат технических наук, доцент
E-mail: AAKurin@mail.ru

Kurin Alexey Alexandrovich
candidate of technical sciences associate pro-
fessor head of the Department of Criminal-
istic Technics of the Educational and Scien-
tific Complex of Forensic-Criminalistic Ac-
tivities Volgograd Academy of the Ministry
of internal Affairs of Russia
E-mail: AAKurin@mail.ru

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Введение: в статье рассмотрены основные возможности и тенденции раз-
вития информационно-аналитических систем, применяемых в деятельности пра-
воохранительных органов.

Материалы и методы: предлагается создание единой информационно-
телекоммуникационной системы криминалистической регистрации как струк-
турного элемента единой телекоммуникационной системы правоохранительных
органов.

Результаты исследования: рассмотрены особенности и принципы со-
вершенствования системы криминалистической регистрации.

Выводы и заключения: проведение аналитической работы нацелено на
обработку полученной информации, хранимой в информационных системах.
Синтез аналитической информации представляет собой соединение отдельных
информационных блоков для получения нового знания, которое в дальнейшем
будет использоваться в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение, телеком-
муникации, криминалистическая регистрация, оптимизация.

ANALYTICAL PROCESSING OF FORENSICALLY RELEVANT INFORMATION

Introduction: the article deals with the main opportunities and trends in the development of information and analytical systems used in the activities of law enforcement agencies.

Materials and methods: it is proposed to create a unified information and telecommunication system of forensic registration as a structural element of the unified telecommunication system of law enforcement agencies.

Results: features and principles of improvement of the forensic registration system are described.

Summary and conclusions: the analytical work is aimed at processing the information stored in information systems. Synthesis of analytical information is a combination of separate information blocks to obtain new knowledge, which will be used in the future in the detection and investigation of crimes.

Keywords: information and analytical support, telecommunications, forensic registration, optimization.

Развитие информационной системы обработки данных МВД России позволило добиться существенных преимуществ в вопросах интеграции ведомственных информационных ресурсов и информации, которая формируется в результате деятельности хозяйствующих субъектов (граждан, юридических лиц). Перспективность этих разработок довольно высокая с точки зрения дальнейшего наращивания информационной мощности интегрированных ресурсов криминалистического назначения.

Информационное взаимодействие в условиях раскрытия и расследования преступлений основано на функционировании систем накопления, обработки, рационального распределения и использования криминалистически значимой информации. Используемые сегодня системы телекоммуникации создали условия для качественно нового решения задач оперативно-служебной деятельности. Сервисы ИСОД МВД России рассчитаны на пользователей, имеющих различные служебные задачи. Реализация стратегии интеграции информационных ресурсов, телекоммуникационных каналов связи и систем централизованной обработки данных в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений создали условия для дальнейшей интеграции информации в глобальные массивы [3].

Однако отсутствие функциональной мобильной платформы не позволяет в полной мере получать информацию независимо от местонахождения пользователя. Элементарная проверка документов при установлении личности гражданина занимает довольно много времени. Поэтому перспективность развития информационных систем находится в плоскости разработки мобильных телекоммуникационных систем информационно-справочного обеспечения, сокращающих путь от источника информации до ее потребителя. Интеграционные процес-

сы в информационной системе обработки данных МВД России способствуют информационному взаимодействию и дистанционному применению информационных ресурсов централизованных учетов. Информационно-аналитические подразделения осуществляют обработку криминалистически значимой информации и поддерживают ее в актуальном состоянии.

В зависимости от конкретной сферы деятельности аналитическая обработка информации поддерживает биометрическую идентификацию личности по изображению лица, распознавание объектов и номеров автотранспортных средств. Использование мобильных телекоммуникаций при производстве следственных действий также имеет ряд преимуществ. Так, обнаружение, фиксация и изъятие следов и объектов (источников криминалистически значимой информации) является неотъемлемой частью работы специалиста на месте происшествия [9, с. 116–117]. Причем процесс фиксации следов и объектов является довольно трудоемкой процедурой [2]. Передача информации в кратчайшие сроки по телекоммуникационным каналам проводной и беспроводной связи, а также систем мобильного доступа к информационным ресурсам криминалистических учетов через сервис интегрированных банков данных нацелена на сокращение времени актуализации информации.

Методологическую основу повышения результативности использования информационных ресурсов составляет метод системно-структурного и функционального анализа криминалистической регистрации через выявление неустойчиво функционирующих внутренних и внешних связей [5, с. 328]. Под внутренними связями мы понимаем внутреннюю организацию системы криминалистических учетов, внутренние логические связи между отдельными учетными единицами, имеющими отношение к одному событию преступления, субъекту совершения преступления или другим фигурантам, а также к объекту преступного посягательства. Внешние связи обеспечивают информационное взаимодействие между субъектами расследования, которые могут выступать в роли источников или потребителей информации.

Сложные механизмы взаимосвязей, имеющих место при подготовке, совершении и сокрытии следов преступления, требуют глубокого изучения и установления закономерностей их образования и использования в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [6, с. 12]. Следовательно, возникает постоянная необходимость информационного обмена и информационно-аналитического сопровождения раскрытия и расследования преступлений.

В действующей информационной системе обработки данных подсистема информационно-аналитической поддержки принятия решений предназначена для реализации следующих функций:

- информационно-справочное обеспечение – сбор и обработка данных, разных по формату, их дальнейшее обобщение для составления результатов в необходимом формате (аналитическая справка, розыскная таблица, отчет);
- информационно-аналитическое обеспечение – распределенный сбор разноформатных данных, проведение над ними модельных аналитических расчетов с целью получения новых знаний и предоставление результатов в наглядной форме (график, диаграмма);

- предоставление удаленного и локального доступа к внутренним и внешним информационным ресурсам субъектам расследования;
- информационный обмен данными и совместная информационно-аналитическая работа субъектов расследования по приостановленным уголовным делам, по нераскрытым преступлениям прошлых лет, по преступлениям в условиях информационной неопределенности, т.е. совершенных в условиях неочевидности;
- предоставление современных телекоммуникационных услуг (открытые и специальные каналы телефонной связи и видеоконференцсвязи, электронный документооборот)¹.

Несмотря на широкий спектр возможностей, заложенных в систему, на нее не возлагается решение текущих задач информационной работы. Основным ее предназначением является формирование единого методологического и технологического базиса, а также использование результатов работы для обеспечения электронного документооборота служебной документации, информирования руководства, подготовки аналитических данных для принятия решений оперативно-служебной деятельности, а также для контроля выполнения решений. Критериями эффективности работы системы информационно-аналитического обеспечения являются:

- оперативность обработки вновь поступившей криминалистически значимой информации;
- оперативность проверки по интегрированным массивам учетов;
- изучение уровня востребованности информационных массивов, их ранжирование по скорости обращения при проведении оперативных проверок следовой и иной информации;
- формирование связанных информационных массивов, позволяющих устанавливать явные и скрытые связи между обстоятельствами совершения отдельных преступлений, лицами и объектами (орудиями преступления, предметами преступного посягательства);
- предоставление аналитической информации субъектам расследования как по запросам, так и в инициативном порядке по результатам аналитических (сквозных) сверок хранимой в учетах информации.

Информационной средой для аналитической обработки являются массивы системы первичного учета правонарушений, интегрированных банков данных, экспертно-криминалистических учетов, профилактических учетов, оперативно-технической информации, информационные ресурсы правоохранительных органов, информационные системы региональных, муниципальных администраций [7, с. 368]. Однако эффективность функционирования системы остается невысокой. По данным информационного центра Главного управления МВД России по Волгоградской области при использовании информационных ресурсов централизованных учетов в 2017 г. раскрыто 57 % преступлений.

---

¹ Приказ МВД России от 30.03.2012 № 205 «Об утверждении концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах».

Причиной низкой результативности аналитической обработки остается логическая разрозненность информации, которая критична по следующим причинам:

- потеря достоверности информации в информационных ресурсах;
- нарушение порядка и сроков постановки объектов и информации о них на учет, а также сроков снятия ее с учета;
- невозможность передачи информации из нескольких массивов в единый массив, неконвертируемость информации и баз данных;
- не реализованы аналитические и интеллектуальные алгоритмы обработки информации;
- построение системы криминалистической регистрации на единстве частных элементов этой системы и отдельных учетных единиц как предмета обработки.

В результате анализа данных выполняются действия, направленные на извлечение информации об исследуемом объекте, а также получение новых знаний о событии преступления. Целью масштабной обработки данных является установление скрытых связей на стадии обработки информации об изъятых при производстве следственных действий следах, объектах, сведениях о подозреваемых лицах и фигурантах по делу. Результатом первоначальной обработки информации является формирование следовых комплексов, состоящих из следовых групп и имеющих отношение к одному событию преступления [1].

Примером реализации этого действия может служить модернизированный сервис деятельности дежурных частей ОВД (СОДЧ ОВД), работающий в составе ИСОД (информационной системы обработки данных). Данный программный комплекс в своей структуре содержит 12 сервисов, работающих на районном, региональном, окружном, межокружном и федеральном уровне. Среди сервисов, обеспечивающих поддержку аналитической обработки данных, являются:

- сервис «Центр оперативного реагирования ОУ МВД России» обеспечивает формирование оперативных сводок, прием оперативной информации, прием карточек событий КУСП и формирование выборок происшествий по характерным признакам; формирование стандартизированных отчетов и форм анализа, гибкий поиск по реквизитам, поддержку выдачи информации по запросам подразделений МВД России;

- сервис «Аналитика» обеспечивает формирование статистических данных, расширенный поиск документов, гибкие условия формирования выборок, создание запросов по шаблону, поиск по связанным документам, поддержку параметрических запросов, а также поддержку SQL в тексте запросов, поддержку сохранения запросов и дублирование условий запросов; генерацию, создание, редактирование и печать отчетов;

- сервис «Оперативные ориентировки» направлен на информационную поддержку АРМ на мобильных устройствах.

Остальные сервисы предназначены для автоматизации работы с Книгой учета сообщений о правонарушениях, формирования различных форм отчетности, для обеспечения внутренней логистики, управления собственными силами и средствами.

Выполнив запрос, пользователь сразу видит всю имеющуюся информацию о запрашиваемом лице в виде статистической сводки (административная практика, преступление, КУСП, оружие, транспорт, доступ к ВУ и ВВ, документы, БЭПиПК, ОПГ, розыск, зарегистрированное юридическое лицо, наличие следов в следотеках или картотеках на лицо, ИВС, незаконный оборот наркотиков, демографические данные, адрес, телефон, родственные связи, недвижимость, налоговые обязательства), наличие связей лица с событием (преступление, правонарушение; связь с лицами, проходившими по уголовным делам; место и время; следственная и судебная практика; связь с криминальным оружием, транспортом, документами и другими предметами; связь с лицами по месту обучения, службы/работы, отдыха, отбывания наказания) в виде графа связей, фотографические изображения лица (объекта), особые приметы. При наличии информации инициатор запроса (сотрудник подразделения уголовного розыска, оперативного управления) обоснованно принимает решение по каждому конкретному факту проверки.

В случае обработки следовых комплексов, установленных при производстве осмотров мест происшествий, необходимо устанавливать связи между следовыми комплексами, имеющими отношение к разным событиям преступления, но совершенным одним (одними) лицом или с использованием одного и того же средства (орудия) преступления [5]. Данная работа должна производиться на стадии формирования экспертно-криминалистических учетов. Общность выстраивается за счет единой системы признаков, которые находят отражение при формировании учетных единиц в виде реквизитов или системы реквизитов. В настоящее время работа экспертно-криминалистических учетов основана на использовании ресурсов ИСОД как транспортной среды для передачи и проверки следовой информации. Наиболее востребованными являются учеты следов рук, в некоторых регионах учеты следов трасологической группы (следы орудий взлома, протекторов шин транспортных средств, подошв обуви), субъективных портретов [8]. На местном уровне интеграция представленных учетов осуществляется при формировании учетной карточки на лицо, в которой содержится дактилоскопическая карта, фото лица анфас и профиль, бутокарта, демографические и установочные данные.

Для совершенствования аналитической работы на данном этапе требуется проведение следующих мероприятий:

- формирование автоматизированного рабочего места сотрудника экспертно-криминалистического подразделения, предназначенного для внесения информации по результатам осмотров мест происшествий и производству экспертиз;

- по прибытии в экспертно-криминалистическое подразделение эксперт должен заполнить учетную карточку по результатам осмотра с выгрузкой фотографических изображений, указанием особенностей совершения преступления, которые могут быть учтены при объединении уголовных дел по способу совершения преступлений;

- внести в информационные массивы местного экспертно-криминалистического учета все обнаруженные и зафиксированные следы для

получения возможности незамедлительной их проверки по имеющимся массивам местного учета;

- по результатам заполнения учетной карточки она в автоматическом режиме должна вливаться в региональную картотеку и проходить проверку по массивам следотек экспертно-криминалистического центра субъекта Российской Федерации;

- проверка следов по массивам региональных экспертно-криминалистических учетов и учетам информационного центра ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации.

- информирование субъекта расследования о наличии или отсутствии информации в местных и региональных учетах;

- формирование аналитической справки, графа связей или иной формы о наличии связей проверяемого объекта с объектами, ранее поставленными на экспертно-криминалистический учет. Аналогичные документы должны формироваться по результатам проверок информации по централизованным и оперативно-розыскным учетам;

- обработка полученной на разных этапах аналитической информации аналитической группой на базе ГУ МВД / У МВД России по субъекту Российской Федерации;

- передача информации субъекту расследования или оперативному подразделению с целью определения тактики производства следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, корректирования плана расследования.

Таким образом, проведение аналитической работы нацелено на обработку полученной информации, хранимой в информационных системах. Система связей между объектами, преступными эпизодами и процессуальными документами устанавливается по общности свойств объектов, по ключевым словам, реквизитам (кодам), по пространственно-временным параметрам или по искусственно созданным маркерам. Необходимо категорирование (кластеризация), систематизация и кодирование информации, классифицированной и распределенной по информационным массивам. Аналитическая функция также имеет целью решение идентификационных задач на основе признаков объектов путем их сравнения по совокупности признаков, кодированных через систему реквизитов; сравнение графических образов. Синтез аналитической информации представляет собой соединение отдельных информационных блоков для получения нового знания, которое в дальнейшем будет использоваться в раскрытии и расследовании преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гаужаева В.А. Сущность и роль криминалистической техники, как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность / В.А. Гаужаева, Л.А. Бураева, Р.Р. Карданов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 4. – С. 138–140.

2. Грибунов О.П. Тактические особенности проведения следственного осмотра: учебное пособие / О.П. Грибунов, О.В. Трубкина, Е.И. Третьякова. – Иркутск, 2016. – 92 с.

3. Курин А.А. Совершенствование системы информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Альманах – 2018 / под науч. ред. Г.К. Лобачевой. – Волгоград, 2018. – С. 126–135.

4. Чернышев С.А., Чиненов Е.В. Проблемы организации производства новых видов экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России (по опыту экспертно-криминалистического центра УМВД России по Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 4. – С. 25–28.

5. Чиненов Е.В., Воронов С.С. Информационные технологии в системе криминалистического обеспечения раскрытия и расследования экономических преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 328–333.

6. Чиненов Е.В., Чурсин А.В. Обстановка места происшествия – источник получения данных о неизвестном преступнике // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2012. – № 1. – С. 12–16.

7. Щукин В.И. Информационные технологии в расследовании преступлений // Современные тенденции развития юридической науки: теория и правоприменительная практика: материалы заочной междунар. науч.-метод. конф. профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – 2014. – С. 368–371.

8. Щукин В.И. Информационно-познавательная деятельность следователя при расследовании преступлений экстремистской направленности // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы междунар. науч.-прак. конф. – 2015. – С. 344–349.

9. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2017. – 752 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Gauzhaeva V. A. The nature and role of criminalistic technics as a criminalistics section in the fight against crime: history and modernity / V.A. Gauzhaeva, L. A. Buraeva, R. R. Kardanov // Problems of economics and legal practice. 2017. No. 4. pp. 138 – 140.

2. Gribunov O. P. Tactical features of the investigative inspection / O. P. Gribunov, O. V. Trubkina, E. I. Tretyakova. Study guide. Irkutsk, 2016. - 92 p.

3. Kurin A. A. Improving the system of information support for the disclosure and investigation of crimes / A.A. Kurin, // In the collection: ALMANAC-2018-1.Sci. ed. G. K. Lobacheva. Volgograd, 2018. pp. 126-135.

4. Chernyshev S. A., Chinenov E. V. Problems of organization of production of new types of expertise in forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia (the experience of the forensic center of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Belgorod region) // Problems of law enforcement. 2016. No. 4. pp. 25-28.

5. Chinenov E. V., Voronov S. S. Information technologies in the system of criminalistic support of disclosure and investigation of economic crimes committed at

railway transport facilities // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (44). pp. 328-333.

6. Chinenov E. V., Chursin A.V. The condition of the crime scene – the source of data on the unknown offender // Problems of law enforcement. 2012. No. 1. pp. 12-16.

7. Shchukin V. I. Information technologies in the investigation of crimes // Modern trends in the development of legal science: theory and law enforcement materials of the international scientific-methodical conference of the staff and graduate students. 2014. pp. 368-371.

8. Information and cognitive activity of the investigator in the investigation of crimes of extremist orientation // In the collection: Innovative approaches to solving socio-economic, legal and pedagogical problems in the development of the modern society. Materials of the 1st international scientific-practical conference. 2015. pp. 344-349.

9. Yablokov N. P. The textbook of criminalistics/ Ed. N. P. Yablokov - 4th ed., rev.and add. - M.: Jur.Norm, SIC INFRA-M, 2017. - 752 p.

УДК: 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00018

Комаров Игорь Михайлович

заведующий кафедрой криминалистики
МГУ им. М.В. Ломоносова
доктор юридических наук,
профессор
mgu.ikomarov@mail.ru

Komarov Igor Mikhailovich

head of the Department
of Criminology Lomonosov Moscow
State University
doctor of juridical sciences, professor
mgu.ikomarov@mail.ru

Ян Елена Игоревна

доцент кафедры криминалистики
МГУ им. М.В. Ломоносова
кандидат юридических наук
mgu.ikomarov@mail.ru

Jan Elena Igorevna

candidate of juridical sciences, associate
professor of the Department of Criminal-
istics of Lomonosov Moscow State Uni-
versity, mgu.ikomarov@mail.ru

**ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ И ЗАДАЧИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Введение: в статье авторы продолжили рассмотрение проблем криминалистической профилактики, актуальных для современной криминалистики.

Материалы и методы: исследование вопросов понятия и содержания, а также методологии криминалистической профилактики основано на традиционных и современных криминалистических разработках, проведено в соответствии с методами криминалистического анализа.

Результаты исследования: авторы представили свое видение понятия и содержания криминалистической профилактики, а также использованной ею методологии.

Выводы и заключения: на основании исследования сделаны выводы об особом теоретическом значении правильного определения понятия, содержания и методологии для практической постановки задач в решении вопросов профилактики преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая профилактика, понятие криминалистической профилактики, содержание криминалистической профилактики.

THE CONCEPT, CONTENT, METHODOLOGY AND TASKS OF CRIMINALISTIC PREVENTION OF CRIMES

Introduction: in this publication, the authors continued to consider problems relevant to modern criminalistics and related to the problems of criminalistic prevention.

Materials and methods: the study of the concept and content, as well as the methodology of criminalistic prevention is based on traditional and modern developments of the problem in criminalistics, the study was conducted in accordance with the forensic analysis methods of issues.

Results: the authors presented their vision of the concept and content of criminalistic prevention, as well as the methodology used by it.

Summary and conclusions: on the basis of the conducted publication consideration of the issues of criminalistic prevention, conclusions have been made about the special theoretical significance of the correct definition of the concept, content and methodology for the practical formulation of tasks in solving the issues of crime prevention.

Key words: criminalistics, criminalistic prevention, the concept of criminalistic prevention, content of criminalistic prevention.

Процесс исследования и совершенствования научно-практического знания о криминалистическом предупреждении преступлений с момента признания его в качестве специальной задачи криминалистики столкнулся с рядом теоретических проблем, связанных с определением природы этого явления, формированием понятийного и терминологического аппарата.

Совершенно очевидно, что их правильное разрешение в значительной степени способствовало бы эффективному применению положений предупреждения преступлений.

В первую очередь следовало определиться с криминалистическим содержанием понятия «предупреждение преступлений».

Этимология этого словосочетания многовариантна, но относительно нашего предмета исследования предполагает «заранее принятыми мерами опередить чьи-либо действия» [9, с. 582].

Специальные определения предупреждения преступлений ранее были даны в юридической энциклопедии (Л.В. Тихомиров, Л.Ю. Тихомирова, 1998), юридическом энциклопедическом словаре (отв. ред. М.Н. Марченко, 2006), криминалистической энциклопедии (Р.С. Белкин, 1999).

Исследование таких сложных криминалистических категорий криминалистической профилактики, какими представляются понятие, содержание и методология, невозможно без использования формально-логических методов анализа и синтеза. Определяющее значение в их использовании принадлежит криминалистическому анализу как специальному методу криминалистики.

Понятие предупреждения преступлений широко распространено в криминологии. Среди определений, наиболее близким к криминалистическому предупреждению преступлений мы считаем определение Г.М. Миньковского, который рассматривает это явление в качестве «многоуровневой системы государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности, преступлений отдельных видов и конкретных преступлений, а также на удержание от перехода или возврата на преступный путь людей, условия жизни и (или) поведение которых указывает на такую возможность» [4, с. 177].

Содержательный анализ приведенных источников позволяет сделать вывод, что предупреждение преступлений представляет собой социальную деятельность, нацеленную на гармонизацию отношений в обществе, состояние которых способно минимизировать причины и условия, порождающие преступления.

В этой связи М.Ш. Махтаев правильно отмечает, что «предупреждение преступлений – особый вид социальной практики, обеспечивающий такое преобразование общественных отношений, в результате которого устраняются либо нейтрализуются причины и условия, способствующие преступному поведению» [8, с. 23].

Предупреждение преступлений направлено на всевозможные объекты предупредительного воздействия, а процесс воздействия является практикой предупреждения преступлений. Этот процесс связан только с общественными отношениями, которые нарушаются в связи с теми или иными формами преступного поведения и с реализацией мер его недопущения. В этом отличие предупреждения преступлений как особого вида социальной практики от социальной практики других видов [3, с. 224].

Наряду с раскрытием и расследованием преступлений их предупреждение представляет собой наименее затратный и наиболее эффективный путь борьбы с преступностью как социальным явлением, по причине того, что обеспечивает выявление и своевременное устранение ее криминогенных факторов и генетических основ.

Указанные факторы и основы преступлений, своевременно подмеченные, лучше поддаются воздействию средств предупреждения, что позволяет прерывать замышляемую или начатую преступную деятельность с целью недопущения преступного результата.

Этот путь гуманен по используемым способам и экономичен для общества и государства.

Вопрос о природе криминалистического предупреждения преступлений нельзя назвать разработанным в достаточной мере. В значительной степени это связано и с недостаточной разработанностью понятийного и терминологического аппарата, на что мы выше уже обращали внимание.

В юридической и специальной криминалистической литературе все еще встречаются различные подходы к определению понятия рассматриваемой категории.

Возникает вопрос, как правильно называть борьбу с преступностью на этапе выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений – предупреждением, профилактикой, превенцией, предотвращением или пресечением преступлений?

Анализ соответствующих определений, данных ранее А.И. Долговой (2001), В.Я. Колдиным (1986), Н.П. Яблоковым (2011), свидетельствует об отсутствии терминологического и содержательного единства в восприятии того или иного понятия. Это обстоятельство мешает деятельности правоохранительных органов, в первую очередь, по причине невозможности единообразного толкования субъектами применения положений нормативных актов, регламентирующих правоохранительную деятельность.

Научный спор о том, кто из авторов прав и чей термин, а также его определение более объективно отражает данное явление, по нашему мнению, реальной положительной перспективы не имеет по причине объясненной И.И. Карпецом [2]. Его мнение, к которому мы присоединяемся, основано на том, что российские ученые наиболее склонны к дефинициям и собственные определения каждый из них отстаивает зачастую без должного критического отношения к их содержанию, другие аналогичные определения относительно собственных, по их мнению, обладают существенными недостатками, а поэтому не в полной мере отражают определяемое явление.

Дефиниции в общественных науках необходимы, считает этот ученый, но относиться к ним как к абсолютным истинам не следует.

Видимо осознавая это, исследователи, пытаясь разрешить данную проблему, идут по пути классификации данных понятий, связывая их с различными уровнями, этапами, направлениями и видами предупредительной деятельности [1, с. 221]. Подобный подход, на наш взгляд, представляется противоречащим совпадению лингвистического содержания терминов. В этом смысле «профилактика» означает совокупность мероприятий, предупреждающих или предохраняющих от чего-либо, «превентивный» – значит предохраняющий от чего-либо, предупреждающий.

Наши симпатии в этом вопросе на стороне Г.М. Миньковского, который полагает, что в основу «разграничения предупредительной деятельности по уровням, направлениям, видам должен быть положен анализ ее содержания» [4, с. 177].

Деятельность по предупреждению преступлений традиционно воспринималась и воспринимается как направленная на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений, вплоть до их полной ликвидации. Этот подход доминирует и в настоящее время при проведении соответствующих научных исследований. Хотя на его неоспорность указывала А.И. Долгова: «Термин “предупреждение преступлений” не является бесспорным хотя бы потому, что нельзя предупредить уже имеющееся (преступление)» [5, с. 432]. На взгляд А.И. Долговой, данный термин не безупречен, но в связи с тем, что он прочно вошел в научный оборот, не следует ломать устоявшийся понятийный аппарат, так как

главное в нем акцент на причинность, детерминацию преступности и удержание людей от преступлений. С этим следует согласиться.

Проводя анализ понятия «профилактика преступлений», А.И. Долгова, а за ней М.Ш. Махтаев [7, с. 18] приходят к выводу, что профилактика связывает предупреждение преступности в вышеприведенном сущностном (классическом) определении и правоохранительную деятельность: «...Предотвращение и пресечение являются как бы мостиком между предупреждением в классическом смысле и правоохранительной деятельностью» [5, с. 432].

Мы согласны с этим, но солидарны с мнением М.Ш. Махтаева, что отношение к определению «предупреждение преступлений» в классическом смысле не способствует его единообразному толкованию субъектами правоохранительной деятельности (в первую очередь в рамках предмета криминалистики. – *И.К., Е.Я.*).

Так, сторонники традиционного понимания деятельности по предупреждению преступлений относят к целям профилактики в широком смысле – недопущение конкретных преступлений, предохранение отдельных членов общества от совершения ими правонарушений, виновных противоправных деяний, представляющих собой преступления, а в узком смысле – выявление причин преступлений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, выявление лиц могущих совершить преступления (в силу их антиобщественной направленности) и проведению с ними отдельных мероприятий.

При этом они полагают, что в отличие от целей профилактики, конечной целью предупреждения является полное искоренение преступности.

Содержательный анализ этих двух понятий («предупреждение преступлений», «профилактика преступлений») позволяет прийти к выводу, что их отличие основано на достижении конечной цели: предотвращение преступлений имеет целью их полное искоренение, профилактика преступлений связана с целью устранения общих причин и условий преступности.

Российские юристы, уйдя от идеологических предрассудков советского периода развития науки, в своих исследованиях преступности все больше склоняются к мысли о невозможности достижения цели полного искоренения преступности, а также причин ее порождающих.

В отечественной криминалистике уже достаточно давно устоялся тезис о том, что предупредительная деятельность не может преследовать цель полного искоренения преступности в стране, которая была декларирована в условиях господства коммунистической идеологии. Как показывает опыт истории, преступность присуща любому общественному строю, ее развитие – результат действия определенных закономерностей, а задача предупредительной деятельности – не полное искоренение преступности, а эффективное снижение ее количественных и качественных показателей, уменьшение ее воздействия на общество и государство, повышение уровня личной безопасности граждан, защиты их законных прав и интересов.

Вышеприведенные тезисы, и в этом наша позиция, устраняют основные различия между предупреждением преступлений и профилактикой преступлений.

Относительно «предотвращения», «превенции» и «пресечения» преступлений, то мы их рассматриваем в качестве синонимов или слов близких по значению к предупреждению преступлений.

Анализ лингвистического содержания «предупреждения» и «предотвращения», «превенция» свидетельствует о том, что в толковых словарях русского языка они приводятся как синонимы.

В части термина «пресечение» можно отметить, что его прикладное значение соответствует действиям, обеспечивающим прекращение начатых преступлений уже на стадии покушения либо последующих эпизодов при продолжаемых преступлениях (длящихся и серийных). Эта позиция, высказанная Н.И. Алексеевым в 1997 г., нами полностью разделяется, так как криминальная ситуация наиболее близка к достижению преступного результата, поэтому действия правоохранительных органов по предотвращению наступления вреда должны быть содержательно иными.

Определившись с отдельными фундаментальными основами такого важного элемента системы борьбы с преступностью, как предупреждение преступлений, следует разобраться собственно с содержанием данного понятия, чтобы трансформировать его на предмет криминалистики.

Мы уже обращали внимание, что предупреждение совершения новых преступлений достигается посредством совокупности общей и специальной превенции. Анализ содержания превенций позволяет рассмотреть данную правовую категорию в широком и узком смысле.

В широком смысле – это поведение субъекта, в значительной степени обусловленное его социальным окружением, что связывает социальную природу преступности и социальные меры борьбы с нею со стороны общества (деятельность общественных организаций, личная инициатива граждан и пр.) и государства (законотворческая, правоприменительная деятельность и пр.).

Предупреждение преступлений в широком смысле слова представляет собой систему экономических, политических, идеологических, культурных, бытовых, правовых и иных социальных мероприятий. Их практическая реализация имеет целью изменение количественных и качественных характеристик преступных проявлений, устранение преимущественно общих причин и условий, способствующих совершению преступлений. На этом основании предупреждение преступлений выступает сложной системой общественных отношений, чье содержание составляют множество различных элементов, складывающихся в блоки, которые, в свою очередь, образуют соответствующие направления предупредительной деятельности.

Сущность толкования предупреждения преступлений в широком смысле слова можно определить в качестве общесоциального предупреждения преступлений и полагать о его базисном характере в системе государственных мер, упреждающих асоциальное поведение граждан.

В современных условиях Российского государства сохранены, хотя и приобретают новую качественную характеристику основные принципы (законность,

демократизм, гуманизм, справедливость и научность) и свойства мер общесоциального предупреждения преступлений (многоаспектность и комплексность, системность, взаимозависимость, сквозной характер, масштабность, разносторонность и радикальность).

Диапазон данного вида предупреждения преступлений достаточно широк и воздействует практически на все группы и разновидности общих причин и условий, способствующих совершению преступлений. Общесоциальное предупреждение преступлений значимо взаимосвязью различных мер (экономических, социальных и пр.), а также способностью на основе их системного взаимодействия не только повысить эффект антикриминального воздействия на негативные тенденции, но придать этому эффекту новый качественный результат.

Криминологи классифицируют общесоциальное предупреждение на моральное и правовое предупреждение [6, с. 226]. В основе этой классификации лежат цели и задачи предупреждения преступлений. Моральное предупреждение отражает формирование у членов общества «нравственной способности к саморегуляции, правильного усвоения норм морали, неуклонного следования этим нормам в своих поведенческих поступках и действиях» [7, с. 72]. Правовое предупреждение направлено на недопущение нарушения норм права и предотвращение таким образом правонарушений.

Правовое предупреждение по сути представляет собой не только предупредительную, но и правоохранительную деятельность – это и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений (специальная превенция о недопустимости нарушения норм права), и борьба с ними правовыми способами и средствами (гражданско-правовыми, административно-правовыми и пр.). По существу это предупреждение преступлений в узком смысле слова.

Научно-методологические основы криминалистического предупреждения преступлений представляют собой единство способов и путей исследования социальных объектов, причин и условий, способствующих совершению конкретных преступлений и связанных с ними иных антиобщественных проявлений, и разработке мер по их устранению, нейтрализации. По своему целевому назначению, условиям и способам познания методы криминалистического предупреждения преступлений имеют строго направленный, социально ценностный характер. Они обладают относительной самостоятельностью и применяются лишь в условиях функционирования криминалистического предупреждения преступлений, хотя в ряде случаев могут быть заимствованы из других общественных, естественных и технических наук. По своей сущности методы криминалистического предупреждения преступлений имеют комплексный характер.

Специфика методов криминалистического предупреждения преступлений основана на их относительной самостоятельности как системы знаний с критериями социальной и практической ценности. Эффективность криминалистических средств и методов предупреждения преступлений отражается в сфере правоприменительной деятельности уголовного судопроизводства и осуществляется

в активной практической деятельности органов предварительного расследования и суда. В сущности мы имеем дело с социально-политической практикой в той мере, в какой это необходимо для борьбы с преступлениями и связанными с ними иными антиобщественными проявлениями. Вместе с тем комплексный характер криминалистических средств и методов предупредительного воздействия не может в той или иной мере не затрагивать различные стороны общественной жизни, ее экономические, политические, социально-психологические, культурные и иные связи.

Сам характер криминалистического предупреждения преступлений проявляется не только в собственно криминалистической, но и в криминологической и социальной профилактике антиобщественных явлений, что позволяет формировать единую, целенаправленную социально ценностную и эффективную систему мер предупредительного воздействия. Разумеется, что в этой системе взаимодействуют методы различных уровней – от общетеоретических абстрактных приемов до конкретных частных средств и методов предупредительного воздействия, применяемых в практике органов предварительного расследования и суда.

Своеобразие предмета криминалистического предупреждения преступлений состоит в комплексном системном использовании данных естественных, технических, общественных наук. Всем этим определяются и пути научного поиска в данной области знаний. Опираясь на всеобщий метод исследования, криминалистическое предотвращение преступлений в значительной мере использует общие и специальные (частные) методы исследования, предлагаемые другими науками. Специфику же методы приобретают в сфере закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств, касающихся причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также в разработке мер по их устранению.

Частные методы криминалистического предупреждения преступлений составляют специфическую сторону познания изучаемой системы научных знаний.

К методам криминалистического предупреждения преступлений можно отнести наблюдение (в том числе интроспекцию и перевоплощение), измерение, описание, фиксирование техническими средствами, сравнение, эксперимент. Особое место в этом ряду занимают социологические методы: а) биографический метод и обобщение независимых характеристик; б) собеседование, интервьюирование; в) анкетирование; г) анализ и обобщение практического опыта деятельности правоохранительных органов и суда; д) анализ документов и статистической отчетности правоохранительных органов и суда.

Все приведенные методы криминалистического предупреждения преступлений не могут рассматриваться изолированно. Положительные результаты при изучении и устранении причин, условий, способствовавших совершению преступлений, и осуществления воспитательных методик воздействия достигаются лишь при комплексном применении общих и специальных методов.

Рассматривая вопросы развития методов криминалистического предотвращения преступлений, следует обратить внимание на прогностический и эвристический методы исследования. Здесь прежде всего выявляется интересная связь криминаликтико-профилактического и криминологического прогнозирования, что, в конечном счете, приобретает исключительно важное значение для социального планирования предупредительной деятельности.

Для криминаликтико-профилактического прогнозирования характерным является предвидение, основанное на конкретных социологических исследованиях. В частности, структурно-прогностические методы криминалистической профилактики позволяют на основе собранного материала планировать систему средств и методов процессуальной деятельности; своевременно и оптимально осуществлять производство отдельных следственных действий по собиранию доказательств, касающихся причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления; наконец, они помогают выявить закономерности возникновения факторов, детерминирующих антиобщественное поведение определенных лиц, социальных групп; наметить социально ценные и эффективные средства и методы предупредительного воздействия, направленные на нормализацию образа жизни.

Единство криминаликтико-профилактических и криминологических методов исследования обеспечивает социально ценную и эффективную разработку предупредительного воздействия на конкретных преступников и преступления.

Особой разновидностью правового предупреждения является характеризуемое предметами наук криминального цикла уголовно-правовое предупреждение преступлений, что, собственно, и представляет собой предупреждение преступного поведения и преступлений. В этой связи необходимо как можно точнее определить задачи конкретных наук в научно-практических исследованиях данной области при единой цели недопущения совершения преступлений.

Правильная постановка задач способствует эффективному осуществлению предупреждения, при этом они объективно сводятся к систематическому выявлению и анализу явлений, факторов и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, выяснению и изучению противоречий и конфликтов, которые приводят к возникновению и реализации преступных намерений, а также к формированию личности правонарушителя; постоянному выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, их изучению и активному предупредительному воздействию на них; устранению или нейтрализации явлений и обстоятельств (причин и условий), способствующих антиобщественному (преступному поведению; разработке и внедрению специальных средств, приемов и методов, способствующих предупреждению преступлений и пр. [7, с. 27]

Перечислить задачи предупреждения преступлений и создать тем самым их систему закрытого типа практически невозможно по причине объективного развития общества, что не позволяет предусмотреть даже в обозримой перспективе все возможные варианты появления и развития причин и условий, которые могут способствовать тем или иным преступлениям.

Разрешение задач предупреждения преступлений представляет собой комплексное предупредительное воздействие, результативность которого основана на том, что сотрудник правоохранительного органа должен располагать информацией о нем в широком смысле этого понятия – от природы, содержания, динамики, до частных причин и условий, способствующих преступлению.

Вся эта информация может быть получена в процессе расследования преступления на основе данных криминалистики: технических и тактических способов и средств, рекомендаций криминалистической методики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аванесов Г.А. Криминология. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР. 1984. – 500 с.
2. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. – М.: Российское право, 1992. – 432 с.
3. Криминология и профилактика преступлений: учебник / под ред. А.И. Алексеева. – М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1989. – 430 с.
4. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: БЕК, 1998. – 566 с.
5. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2001. – 848 с.
6. Кудрявцев В.Н., Лазарев Б.М. Дисциплина и ответственность: пути укрепления // Сов. гос-во и право. – 1981. – № 6. – С. 67–76.
7. Махтаев М.Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: монография. – М.: Раритет, 2001. – 272 с.
8. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 472 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 937 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Avanesov G. A. Criminology. M., 1984. - 2nd ed., rev., add. - M.: Publishing House of Acad. of the MIA of the USSR, 1984. – 500 p.
2. Karpets I. I. Crime: illusions and reality. M.: Russian law. 1992. 432 p.
3. Criminology and crime prevention: textbook / Under the editorship of prof. A. I. Alekseev. M.: Publishing House of MHSM of the MIA of the USSR, 1989. – 430 p.
4. Criminology: textbook/ Ed. prof N.F. Kuznetsova, prof. G. M. Minkovsky. – Moscow: Publishing house BEK, 1998. – 566 p.
5. Criminology: Textbook for universities / Under the general editorship of dr. jurid. sci., prof. A. I. Delgova. – 2nd ed., rev., add. – M.: Publishing House NORMA (Publishing group NORMA – INFRA M), 2001. – 848 p.

6. Kudryavtsev V. N., Lazarev B. M. Discipline and responsibility: ways to strengthen // Soviet state and law. - M.: Science, 1981, № 6. - pp. 67-76.

7. Makhtaev M. Sh. Fundamentals of the theory of criminalistic prevention of crimes: Monograph. – Moscow: Raritet, 2001. – 272 p.

8. Makhtaev M. Sh. Problems of criminalistic prevention of crimes. Dr. jurid. sci. diss. M.: 2001. – 472 p.

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian language named after V. V. Vinogradov. – 4th ed., add. – M.: Azbukovnik, 1997. – 937 p.

20 июня 2019 года свой юбилей отметила Елена Рафаиловна Россинская – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, директор Института судебных экспертиз, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Искренне поздравляем и выражаем глубокую признательность за вклад в развитие науки!

УДК 343.98

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00019

Россинская Елена Рафаиловна

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Rossinskaya Elena Rafailovna

Honored worker of science of the Russian Federation, doctor of law, Professor, Director of the Institute of forensic examinations director of the Forensic Expertise Institute, head of the Forensic Expertise Department Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

**ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КОНЦЕПЦИЯ, СИСТЕМА, ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ¹**

Введение: в статье рассмотрены проблемы формирования теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Обозначена отрицательная позиция автора по поводу наименования «электронная криминалистика», подчеркивается единство криминалистики как науки, имеющей свой предмет, систему, задачи, объекты. Отмечается, что цифровизация криминалистической деятельности не включает формирование информационно-цифровых сред обеспечения досудебного производства, поскольку формирование такой среды – отдельная междисциплинарная задача, но не задача криминалистики.

Материалы и методы: с опорой на методологию криминалистики, включающую методы диалектической и формальной логики, общенаучные и специальные методы криминалистики, разработана методологическая основа теории ин-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16003\18.

формационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, систематизированы и рассмотрены основные закономерности теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности.

Результаты исследования: предложена концепция криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Обосновано определение ее предмета, объектов. Разработана система этой теории.

Выводы и заключения: система теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности включает: учения о способах компьютерных преступлений / правонарушений; о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации; об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений; о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем; об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий; об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений; о взаимосвязях и разграничениях цифровизации судебно-экспертной и криминалистической деятельности.

Ключевые слова: теория информационно-компьютерного обеспечения, криминалистическая деятельность, концепция, цифровизация, предмет теории, система теории, цифровые следы, закономерности.

THEORY OF INFORMATION AND COMPUTER SUPPORT OF CRIMINALISTIC ACTIVITY: CONCEPT, SYSTEM, BASIC PATTERNS

Introduction: the article deals with the problems of the formation of the theory of information and computer support of criminalistic activities. The author's negative position on the name "electronic criminalistics" is specified, the unity of criminalistics as a science with its own subject, system, tasks, objects is emphasized. It is noted that digitalization of criminalistic activities does not include the formation of information-digital environments for pre-trial production, since the formation of such an environment is a separate interdisciplinary task, but not a task of criminalistics.

Materials and methods: based on the methodology of criminalistics, including methods of dialectical and formal logic, general scientific and special methods of criminology, a methodological basis for the theory of information and computer software for criminalistics is developed, the basic principles of the theory of information and computer software for criminalistics are systematized and considered.

Results: the concept of the criminalistic theory of information and computer support of criminalistic activity has been proposed. The definition of its subject, objects has been substantiated. A system of this theory has been developed.

Summary and conclusions: the theory of computer information technology for criminal activities includes: studies on methods of computer crimes / offenses; digital traces as sources of forensically significant computer information; on information and computer forensic models of types of computer crimes; forensic investigation of computer tools and systems; on information and computer forensic software for investigative and judicial actions; on information and computer forensic support of computer crime investigation techniques; on interconnections and delineations of digitization of forensic and criminalistic activities.

Key words: information-computer software theory, concept, criminalistic activity, digitalization, subject of theory, system of theory, digital traces, basic patterns.

Глобальный процесс цифровизации всех областей человеческой деятельности обусловил, с одной стороны, новые виды криминалистически значимой информации, фиксируемой на специфических компьютерных носителях, а с другой – широкое использование цифровых средств фиксации, сохранения, автоматизированной обработки и исследования доказательственной и ориентирующей информации [1, с. 19]. Статья является логическим продолжением ряда наших публикаций, где отмечалось, что для исследования компьютерных систем и средств необходим особый комплекс специальных знаний, сформированный на основе разработки частной криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [2].

Под предметом теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности мы понимаем *закономерности возникновения, движения, собирания, исследования и использования компьютерной информации при раскрытии и расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных, гражданских (в том числе арбитражных), административных дел [3]. Объектами теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности являются, с одной стороны, сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации.*

Поддерживая нашу позицию о необходимости криминалистической теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, В.Б. Вехов указывает, что нами предлагается новая частная теория, которая должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей алгоритма и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации, и служить базой для разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования компьютерных преступлений [4, с. 110].

Однако он предлагает несколько иной подход к проблеме и обозначает частную теорию «Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты», определяя ее как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [4, с. 41].

В.Б. Вехов выделяет в ней следующие направления:

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации – подраздел криминалистического исследования компьютерной информации, средств ее обработки и защиты, который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой на этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, которое «представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений».

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – «система научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [4].

Полагаем, что подобная структура обоснована и заслуживает дальнейшего развития. Она вполне укладывается в нашу теорию, однако является только ее частью, поскольку относится в первую очередь к развитию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической техники и технологии, о чем мы ранее уже писали в своих работах [5].

Употребляемый В.Б. Веховым термин «электронная криминалистика» [4, с. 40] представляется нам неудачным. В последнее время появилась тенденция в разных сферах использования специальных знаний давать криминалистике такие наименования, как например, «медицинская криминалистика»; «лингвистическая криминалистика», «экономическая криминалистика» и др. Теперь появляется еще и «электронная криминалистика». Решительно не соглашаясь с подобными наименованиями, заметим, что криминалистика – едина! Это наука, имеющая свой предмет, систему, задачи, объекты и закономерности. Для ее развития нет необходимости и оснований менять название [6]. Развитие идет за счет изучения новых закономерностей, новых механизмов слеодообразования, новых технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации, новаций в области криминалистической тактики и методики.

Думается, что разрабатываемая нами теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности носит более широкий фундаментальный характер, поскольку затрагивает общетеоретические проблемы и позволяет на основании их решения совершенствовать криминалистическую технику, тактику и методику, обеспечить неразрывную связь и взаимодействие с судебной экспертологией и уголовно-процессуальным правом, другими процессуальными науками.

Основой для нашего исследования послужила криминалистическая методология, включающая методы диалектической и формальной логики, общенаучные и специальные методы криминалистики, общеэкспертные методы, частно-экспертные методы судебной компьютерно-технической экспертизы, а также мониторинг следственной и оперативно-розыскной практики, результаты опросов и анкетирования специалистов в области IT-технологий, которые показали, что сегодня помимо участия в расследовании преступлений, сопряженных с неправомерным доступом к компьютерной информации, а также разработкой и использованием вредоносных программ, указанные специалисты были наиболее востребованы при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по делам о традиционных видах мошенничества, незаконной организации азартных игр, незаконном обороте наркотических средств, убийствах, сообщениях о заведомо ложных актах терроризма.

Остановимся кратко на основных закономерностях, составляющих предмет данной теории, которые выше были только обозначены. К ним относятся:

- закономерности возникновения, существования и исчезновения (утраты) в компьютерных средствах и системах цифровых следов [7], содержащих криминалистически значимую информацию;
- закономерности отражения в компьютерных средствах и системах криминалистически значимой информации – цифровых следов о событии преступления/правонарушения;
- закономерности отражения в компьютерных средствах и системах информации о формировании и реализации способа преступления, о связях действий и их результатов, повторяемости действий в похожих ситуациях, стереотипов действий субъектов при совершении преступлений/правонарушений (связь способа с личностью преступника, зависимость способа от конкретных обстоятельств совершения преступления и т. д.);
- закономерности создания и функционирования информационно-компьютерных технологий, обеспечивающих процессы выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования криминалистически значимой компьютерной информации;
- закономерности возникновения и развития обстоятельств, связанных с преступлением/правонарушением, сопряженным с использованием компьютерных средств и систем (как до, так и после его совершения) и значимых для расследования;
- закономерности оценки и использования криминалистически значимой компьютерной информации, имеющей розыскное и доказательственное значение;

- закономерности информационно-компьютерного криминалистического обеспечения тактики и технологии производства следственных и судебных действий;

- закономерности информационно-компьютерного криминалистического обеспечения методик расследования преступлений, в первую очередь создания информационно-компьютерных моделей по видам преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем – современного воплощения в жизнь криминалистической характеристики вида преступления;

- закономерности информационно-компьютерного криминалистического обеспечения гражданского и административного судопроизводства.

Перейдем далее к рассмотрению системы теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, в которую, по нашему мнению, входит:

1. Концепция теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории, ее задачи и объекты.

2. Учение о способах компьютерных преступлений / правонарушений. Способы компьютерных преступлений обычно являются полноструктурными, причем подготовка обычно предусматривает действия по сокрытию. Можно обозначить следующие закономерности, характеризующие способы компьютерных преступлений:

- закономерности связи способа с личностью преступника, зависимость способа от конкретных обстоятельств совершения преступления и т. д.;

- закономерности отражения в компьютерных средствах и системах информации о связях действий и их результатов, повторяемости действий в похожих ситуациях, стереотипов действий субъектов при совершении преступлений;

- закономерности возникновения и развития обстоятельств, связанных с преступлением, сопряженным с использованием компьютерных средств и систем (как до, так и после его совершения) и значимых для расследования.

3. Учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации.

В отечественной литературе неоднократно высказывались предложения ввести для исследования компьютерных средств и систем новый вид следов – «виртуальные следы». По мнению многих авторов, «виртуальные следы» занимают промежуточное положение между идеальными и материальными. В обоснование необходимости выделения следов такого рода указывается, что «виртуальные следы» приближены к материальным, так как существуют реально на материальном носителе, их обнаружение и изъятие возможно только с применением программно-технических средств, потому что непосредственно они восприниматься не могут. В то же время включить их в состав материальных следов нельзя, в них существует доля субъективной природы, так как они зависят от способа их считывания, не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации, являются весьма неустойчивыми, что приближает их к идеальным следам. Идеальными виртуальные следы также не являются, так как хранятся не в памяти человека, а на материальных объектах [8; 9, с. 43–45]. Полагаем, что такая аналогия по меньшей мере некорректна, поскольку в кримина-

листке существует большое количество материальных следов, выявление которых невозможно без специальных технологий, причем эти следы могут быть весьма неустойчивы, недоступны непосредственному восприятию, зависят от способа считывания. Например, следы ДНК, ольфакторные следы (пахнущие следы человека), следы целого ряда веществ, невидимые следы рук и пр.

Дефиниция «виртуальный след» не нашла единодушной поддержки среди криминалистов. Мы, как и многие другие авторы полагаем, что с позиций криминалистики «виртуальных следов» не может быть в принципе, считаем, что описываемые следы являются материальными, поскольку зафиксированы на материальных носителях путем изменения свойств или состояния отдельных их элементов [7, с. 411; 10, с. 90; 11, с. 61–65; 12, с. 123–125].

Если выделять информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой в особую группу материальных следов, то наиболее рациональным мы полагаем обозначить их как «цифровые», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий и связано с представлением информации в цифровой форме, а для их преобразования в доступную для восприятия форму также используются цифровые технологии. С криминалистической точки зрения такие следы близки к следам орудий, инструментов и механизмов, поскольку различные информационные технологии (программные и аппаратные средства) используются в качестве инструмента, и при совершении определенных действий пользователя по известным алгоритмам и закономерностям будет формироваться доказательственная информация, представленная в цифровом виде и зафиксированная путем изменения свойств и состояния элементов носителя информации. Полученные доказательства, соответственно, можно именовать как «цифровые доказательства» [7, с. 412].

4. Учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений.

5. Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, реализуемое в новом разделе криминалистической техники. Как мы неоднократно указывали в своих работах, направление криминалистической техники можно считать сформировавшимся, если оно отвечает следующим критериям [13, с. 5]:

- решение специфических криминалистических задач, которые не ставятся при исследовании подобных объектов в других сферах человеческой деятельности;
- специфика объектов исследования – вещественных доказательств, их распространенность, частая встречаемость в уголовном и гражданском судопроизводстве;
- методологическая и методическая разработанность данного направления.

В последние годы назрела необходимость в целях дальнейшего совершенствования и обновления криминалистической техники введения в нее нового раздела «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем», включающего исследование как стационарных компьютеров, серверов, носителей данных, так и мобильных устройств сотовой связи, смартфонов, планшетных

компьютеров и других устройств, содержащих описание этих объектов, особенностей собирания (выявления, фиксации, изъятия) криминалистически значимой компьютерной информации, возможностей судебно-экспертного исследования этих объектов.

6. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий.

7. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений.

8. Учение о взаимосвязях и разграничениях цифровизации судебно-экспертной и криминалистической деятельности.

Следует подчеркнуть, что цифровизация – информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности – не включает формирование информационно-цифровых сред обеспечения досудебного производства, как это полагают некоторые ученые. Формирование такой среды – отдельная междисциплинарная задача, решение которой позволяет автоматизировать процессы предварительного и судебного следствия, включая формализацию и цифровизацию процессуальных документов, регистрационных и отчетных материалов, но не задача криминалистики. К созданию информационно-цифровой среды обеспечения досудебного производства, безусловно, надо стремиться, поскольку ее использование позволит на совершенно другом уровне осуществлять анализ уголовных дел: обобщение следственной практики, разработку информационно-поисковых моделей по видам преступлений, создание гибридных интеллектуальных методик расследования.

Проведенное исследование позволило, базируясь на основных закономерностях, составляющих предмет теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, разработать ее систему, в которую, по нашему мнению, входят: концепция теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории, ее задачи и объекты; учение о способах компьютерных преступлений/правонарушений; учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации; учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений; учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, реализуемое в новом разделе криминалистической техники; учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий; учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений; учение о взаимосвязях и разграничениях цифровизации судебно-экспертной и криминалистической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Россинская Е.Р., Шамаев Г.П. Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем // ВАКАЛ RESEARCH JOURNAL. – 2015. – № 1. – Т. 6.

2. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – Вып. 3. Ч. 2: Юридические науки. – 2016. – С. 109–117.

3. Россинская Е.Р. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронежские криминалистические чтения. – 2017. – № 2 (19). – С. 168–176.

4. Вехов В. Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. трудов участников междунар. науч.-практич. конф. – Ростов н/Д., 2017.

5. Россинская Е.Р., Шамаев Г.П. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во БГУП, 2014. – С. 317–325.

6. Россинская Е.Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. Научный журнал – 2012. – № 4. – С. 328–335.

7. Россинская Е.Р. Современное состояние и перспективы цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: сб. материалов VII междунар. науч.-практич. конф. – М.: Проспект, 2019. – С. 407–417.

8. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. – 2009. – № 1 (4).

9. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. – 2012. – № 8.

10. Поляков В.В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2013. – № 11-1.

11. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2008.

12. Нехорошев А.Б. Компьютерные преступления: квалификация, расследование, экспертиза / под ред. В.Н. Черкасова. – Саратов: СЮН МВД России, 2004. Ч. 2.

13. Россинская Е.Р. Система криминалистической техники в свете современных представлений о природе криминалистики // Современные проблемы криминалистики: сб. трудов Академии управления МВД РФ. – М., 1998. – С. 3–8.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Rossinskaya E.R., Shamaev G.P. New section of forensics: forensic investigation of computer tools and systems // BAIKAL RESEARCH JOURNAL, vol.6, No.1, 2015.

2. Rossinskaya E.R. On the issue of the private theory of information and computer support for forensic activities// News of TSU. Economic and legal sciences Vol. 3, part II, Jurisprudence. 2016

3. Rossinskaya E.R. Information and computer software for forensic activities as a private forensic theory // Voronezh forensic readings №2 (19), 2017.

4. Vekhov V. B. Electronic Forensic Science: The Concept and System // Forensic Science: Current Issues of Theory and Practice. Collection of writings of participants of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, May 25, 2017 - Rostov-on-Don, 2017.

5. Rossinskaya E.R., Shamaev G.P. Forensic investigation of computer tools and systems as a new section of forensic technology // Criminal procedural and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal justice: materials of the intern. scientific-practical conf., Irkutsk, September 25-26 2014 - Irkutsk: BSU Publishing House, 2014.

6. Rossinskaya E.R. Revision of the definition of the subject of criminalistics: the pros and cons // Library of criminalistics. Scientific Journal, №4, 2012.

7. Rossinskaya E.R. The current state and prospects of digitalization of forensic expertise // Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference "Theory and practice of forensic examination in modern conditions" (Moscow, January 17-18, 2019). М.: Prospect, 2019.

8. Meshcheryakov V.A. "Virtual footprints" under the "Occam's scalpel" // Information security of the regions, 2009, № 1 (4).

9. Smushkin A.B. Virtual traces in forensics // Legality. - 2012, № 8.

10. Polyakov V.V. On the issue of using the concepts of "virtual traces" and "electronic digital traces" in forensic science // Actual problems of combating crimes and other offenses, № 11-1, 2013

11. Vekhov V.B. Fundamentals of forensic theory of research and the use of computer information and means of its processing: monograph. - Volgograd: VA MIA of Russia, 2008.

12. Nekhoroshev A.B. Computer crimes: qualification, investigation, examination / ed. V.N. Cherkasov. Saratov: SLI MIA of Russia, 2004. Part 2.

13. Rossinskaya E.R. The system of forensic technology in the light of modern ideas about the nature of forensic science / E.R. Rossinskaya // Modern problems of criminalistics. Coll. of pProceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1998, pp.3-8.

УДК: 343.985.2

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00020

Рудых А. А.

начальник отдела «К»
ГУ МВД России по Иркутской
области
E-mail: irkutianin38@gmail.com

Rudykh A. A.

head of the department "K" headquarters of
the Ministry of Internal Affairs of Russia in
the Irkutsk region
E-mail: irkutianin38@gmail.com

КРИПТОГРАФИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Введение: статья посвящена актуальной для теории криминалистики и правоприменительной практики теме исследования цифровых носителей информации. Рассмотрены вопросы нормативного регулирования деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств. Описаны основные средства шифрования, находящиеся в свободном обороте на территории Российской Федерации, направления использования средств шифрования в преступных целях, а также подходы к выработке противодействия этому явлению.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались нормативные акты: законы и постановления правительства, регулирующие вопросы ввоза на территорию Российской Федерации и оборота криптографических средств; научные публикации в области исследования цифровых носителей информации и применения цифровых технологий в ходе расследования преступлений. При исследовании использовался анализ научных публикаций и нормативно-правовых источников, метод описания, прогнозирования и сравнения.

Результаты исследования: в статье описано и проанализировано современное состояние криминалистической деятельности в области исследования цифровых носителей информации. Акцентируется внимание на вопросах широкого распространения средств криптографической защиты информации и возможности получения криминалистически значимой информации субъектами расследования.

Выводы и заключения: по результатам исследования сделаны выводы о широком применении средств шифрования цифровой информации преступниками при совершении преступлений в сфере информационных технологий и сокрытия их следов. Автор приходит к выводам, что сегодня существует необходимость изучения темы создания криминалистической системы добывания и исследования цифровой информации с учетом выявленных в рамках исследования тенденций развития преступности.

Ключевые слова: защита информации, криптографическая защита, доступ, носитель информации, шифрование, технологии.

CRYPTOGRAPHY AND CRIMINALISTICS: MODERN PROBLEMS AND POSSIBLE WAYS OF SOLUTION

Introduction: the article is devoted to the topic of study of digital information carriers actual for the theory of criminalistics and law enforcement practice. Regulatory issues of the development, production, distribution of encryption (cryptographic) tools have been studied. The main encryption tools of free circulation in the territory of the Russian Federation are described. The article also points out the main directions of the use of encryption tools for criminal purposes, as well as approaches to the development of countermeasures to this phenomenon.

Materials and methods: the study is based on a range of regulations, including laws and government regulations governing the importation into the territory of the Russian Federation and the circulation of cryptographic tools. Scientific publications in the field of research of digital media and the use of digital technologies in the course of crime investigation are considered. The analysis of scientific publications and regulatory sources, the method of description and forecasting are used in the study.

Results: the article describes and analyzes the current state of forensic activities in the field of research of digital media, focusing on the wide distribution of cryptographic information protection tools and its impact on the possibility of obtaining forensically relevant information by the subjects of investigation.

Summary and conclusions: conclusions have been made about the widespread use of digital information encryption by criminals in committing crimes in the field of information technology and in hiding their traces. The author comes to the conclusion that today there is a need to study the topic of creating a forensic system for obtaining and analyzing digital information, taking into account the trends in the development of crime identified in the study.

Keywords: information protection, cryptographic protection, access, information carrier, encryption, technology.

Сегодня цифровые электронные носители информации являются одними из самых щедрых источников криминалистической информации о преступнике и преступлении. О необходимости криминалистических исследований носителей цифровой информации говорят многие ученые криминалисты. Исследователями в этой области предложены новые методики и даже учение об информационных следах. Однако развитие информационных технологий породило и ряд проблем в области получения доступа к ценной для субъекта расследования информации. В соответствии с классическими представлениями отечественной уголовно-процессуальной науки для того, чтобы сформировать из уголовно-релевантной информации доказательство, необходимо не только обнаружить носитель, на ко-

тором она запечатлена, но и, во-первых, получить эту информацию с помощью предусмотренных законом следственных или иных процессуальных действий, а, во-вторых, закрепить её в установленном законом порядке [5, с.108].

Повсеместное использование информационно-телекоммуникационных технологий предопределило необходимость развития и внедрения эффективных средств защиты цифровой информации. Сегодня достижения в области информационных технологий используют не только государственные органы и коммерческие организации, как было ранее, но и физические лица. Связано это с тем, что в настоящий момент средства защиты информации стали недорогими и общедоступными. В электронных устройствах и телекоммуникационных сетях находится значительный объем информации, которая представляет ценность для ее обладателей. Среднестатистический пользователь электронного устройства, как правило, хранит на своем гаджете, информацию личного характера: фотографии, видеозаписи, электронную личную и деловую переписку, информацию по банковским операциям и многое другое. Перечень сведений защищен правом гражданина на тайну личной жизни, гарантированную ст. 23 Конституции РФ¹, что, соответственно, требует обеспечения ее конфиденциальности. Для этого пользователи используют способы защиты информации, построенные на основе шифрования. Следуя запросам общества, производители программного обеспечения и цифровых устройств активно разрабатывают и внедряют решения по криптографической защите персональной информации пользователя. Вместе с тем именно эта информация представляет наибольший интерес в процессе расследования и раскрытия преступления с точки зрения криминалистики.

Соответственно, на сегодняшний день самая ценная для раскрытия преступления информация все чаще находится в зашифрованном виде.

Криптография (с древнегреческого языка переводится как тайнопись) – это технология защиты информации. Она имеет давнюю историю и является, пожалуй, самым эффективным и вместе с тем общедоступным средством защиты информации. Изначально, технологию криптографической защиты информации использовали в основном государственные органы для обеспечения сохранности государственных секретов. Криптография является одним из наиболее мощных средств обеспечения конфиденциальности и контроля целостности информации [2, с. 100]. Распространение и использование такой технологии требовало жесткого регулирования со стороны государства. В настоящее время наиболее эффективным средством защиты цифровой информации являются средства криптографической защиты. Эти средства способны обратимо преобразовывать цифровую информацию для обеспечения ее безопасности. Как известно, самые эффективные технологии всегда наиболее востребованы у пользователей, поэтому на сегодняшний момент созданы различные доступные средства криптографической защиты информации. Основные понятия и перечень средств содержится в «Положении о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с исполь-

---

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СПС КонсультантПлюс.

зованием шифровальных (криптографических) средств...»¹. Несмотря на правовую регламентацию определенных сегментов деятельности, связанную с оборотом криптографических средств, устройства и программное обеспечение, обладающие функциями шифрования, в целом находятся в свободном обороте. Кроме того, с 2018 г. в соответствии с «Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии»² ввоз для личного пользования шифровальных (криптографических) средств, включенных в перечень, осуществляется без представления таможенному органу сведений о нотификации. В указанный перечень, помимо прочего, внесены: операционные системы, интернет-браузеры, средства обмена электронной почтой, программное обеспечение для онлайн-общения по информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", средства передачи файлов, платежные системы интернет-банкинга, программное обеспечение для использования в социальных сетях и их сервисах, телефонные аппараты для сотовых сетей связи и их аксессуары.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня пользователи широко и интенсивно используют средства шифрования для защиты личной компьютерной информации.

Вопросам исследования цифровых носителей информации в криминалистике уделяется все больше внимания в научной литературе. Исследователи рассматривают тему использования информационных технологий для добывания и исследования криминалистически значимой информации, находящейся в цифровом виде. Освещение этих вопросов содержится в работах таких ученых, как В.А. Мещеряков, В.В. Трухачев, О.В. Левченко, Д.А. Степаненко. В частности О.В. Левченко, Д.А. Степаненко рассматривают потенциал внедрения в практику расследования преступлений цифровых технологий и возможности дистанционного исследования цифровых носителей, как одно из условий эффективности криминалистической деятельности. Вместе с тем недостаточно внимания в научной литературе уделяется вопросам развития криптографических средств защиты цифровой информации как фактора, влияющего на развитие криминалистики. При написании статьи использовались работы по теме развития и приме-

---

¹ Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, выполнению работ, оказанию услуг в области шифрования информации, техническому обслуживанию шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств (за исключением случая, если техническое обслуживание шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя): постановление Правительства Российской Федерации от 16 апр. 2012 г. № 313 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 13.12.2017 г. № 172 «О внесении изменений в Положение о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза шифровальных (криптографических) средств» // Там же.

нения криптографии и криптоанализа А.А. Безбогова, С.М. Авдошина, А.А. Савельевой.

Методологическую основу исследования составили следующие методы: анализ научных публикаций и нормативно-правовых источников, метод описания и прогнозирования, метод сравнения. Автором проведен анализ научных публикаций по исследуемым вопросам, нормативных актов регулирующих оборот криптографических средств защиты компьютерной информации. В работе использовались результаты исследований в области информационной безопасности, опубликованные на Интернет-ресурсах.

Обратной стороной законного использования указанных информационных технологий является возможность скрытного и эффективного совершения преступлений с использованием средств шифрования. Не секрет, что сегодня большинство современных смартфонов оснащены функциями защиты находящейся в них информации, начиная от парольной защиты на вход до шифрования операционной системы целиком. Кроме того, подавляющее число пользователей используют программные приложения для мгновенного обмена электронными сообщениями и совершения аудио- и видеозвонков с использованием функции шифрования передаваемой информации. Благодаря указанным технологиям преступники пытаются скрыть свою личность, а также облегчить совершение преступлений в области незаконного оборота наркотических средств, совершения развратных действий в отношении несовершеннолетних, оборота порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, вымогательства и многое другое. Технология шифрования информации в руках преступников стала эффективным средством сокрытия цифровых следов преступлений и противодействия расследованию правоохранительных органов. Ярким примером может служить ситуация имевшая место в США в 2016 г., когда правоохранительными органами был изъят телефон iPhone организатора террористического акта в Сан-Бернардино. Федеральное бюро расследований продолжительное время не могло получить доступ к информации, находящийся в телефоне террориста, по причине использования средств криптографической защиты. Для получения доступа к интересующей следствие информации были использованы технические возможности сторонней коммерческой компании [9]. Эта ситуация продемонстрировала негативные последствия использования преступниками технологий защиты информации, которые стремительно совершенствуются.

Пользователи современных гаджетов, оснащенных программным обеспечением, к примеру, компаний Apple и Google, имеют возможность использовать полное шифрование данных в смартфоне. При изъятии и исследовании таких объектов у правоохранительных органов могут возникнуть сложности с получением доступа к содержащейся в памяти этих устройств информации. Нужно отметить, что в соответствии со ст. 182 УПК РФ «При производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их от-

крыть...»¹. Эта норма декларирует, что лицо, проводящее расследование, обладает особыми правами, обеспечивающими принудительное получение доступа в различные помещения и хранилища даже против воли обыскиваемых лиц. В случае необходимости для получения доступа куда-либо допускается повреждение имущества. Однако если практически любое запертое помещение или хранилище можно взломать, используя известные технологии, то получить доступ к зашифрованной цифровой информации, находящейся на электронном носителе, против воли пользователя весьма сложная или даже непреодолимая задача.

Средства криптографии применяются преступниками на всех стадиях преступления, а также для сокрытия его следов. На этапе подготовки к совершению преступления в сфере информационных технологий преступник подыскивает соответствующие средства, например, цифровые носители информации, оснащенные средствами шифрования. В момент осуществления преступной деятельности лицо, совершающее преступление, использует технологии защиты информации, передаваемой по каналам связи. И после совершения преступления все следы преступления могут быть модифицированы и защищены каким-либо методом шифрования.

Конечно, в рамках криптоанализа, науки о дешифрации информации без специально предназначенного для этого ключа, разработаны и продолжают разрабатываться различные способы и методы дешифрации информации. По утверждению С.М. Авдошина, появление новых криптографических алгоритмов приводит к разработке методов их взлома [1]. Налицо закономерность, заключающаяся в появлении нового способа шифрования, а уже потом способа его преодоления. При этом временной промежуток между первым и вторым может быть весьма длительным. Более того, есть заявления о создании новых взломостойких криптографических систем, которые не по зубам даже квантовым компьютерам [7].

В область криминалистики входит изучение и осмысление преступной деятельности, в том числе вопросов, связанных с приисканием и использованием технологий, используемых при совершении преступления и сокрытия его цифровых следов. В сложившихся реалиях одной из первостепенных задач криминалистики является разработка новых научно обоснованных методик организации исследования цифровых носителей информации, включая разработку методов преодоления криптографической защиты информации. Для решения этих задач возможно использование информационно-коммуникационных технологий. Компьютерные технологии расследования преступлений, включаемые в технологические процессы доказывания по различным категориям уголовных дел, позволяют не только совершенствовать процесс, но и унифицировать его с точки зрения правоприменения, повысить надежность системы доказательств, придать процессу доказывания необходимую быстроту и своевременность, что в итоге приводит к оптимизации процесса расследования [4, с. 71].

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС КонсультантПлюс.

Сегодня назрела необходимость изучения вопросов создания системы организации добывания и исследования цифровых следов преступления, а также получения цифровой информации с изъятых носителей. При формировании такой системы нужно исходить из ряда очевидных тенденций:

- во-первых, технологии защиты информации непрерывно развиваются, а в будущем будут развиваться гораздо быстрее, нежели внедряться средства преодоления такой защиты;

- во-вторых, разработки технологий преодоления защиты информации будут вестись компаниями, имеющими соответствующие финансовые и интеллектуальные возможности с определённой географической локацией;

- в-третьих, любая вновь изобретенная эффективная технология в XXI в. составляет определенную ценность и, как правило, будет защищена авторским и патентным правом. По этой причине внедрение ее в деятельность правоохранительных органов будет затруднено.

На современном этапе развития правоохранительной системы стоит подумывать о формировании центров исследования информации, основанных не на территориальном принципе, а на возможности применения той или иной технологии обработки цифровой информации. Это утверждение поднимает другой, на наш взгляд, не менее актуальный вопрос, связанный с исследованием и разработкой в рамках науки криминалистики методик дистанционного изъятия и исследования компьютерной информации. Криминальный мир взял на вооружение множество появившихся технологических решений, которые использует в противоправной деятельности. Сегодня совершается внушительное количество дистанционных преступлений не только корыстной направленности, но и преступных деяний, связанных с посягательством против личности. В то время, когда преступники активно используют технологии передачи информации для совершения преступлений, деятельность правоохранительных органов продолжает быть контактной, основанной на непосредственном присутствии субъекта расследования на месте проведения следственных или розыскных действий. Это обстоятельство предопределяет некое опережающее развитие видов и способов преступлений по отношению к деятельности по противодействию им.

В соответствии со ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. К сожалению, не приходится говорить о внедрении методик проведения дистанционных следственных действий в практику следственных подразделений. В этой связи особый интерес представляет возможность проведения криминалистического исследования цифровых носителей информации, изъятых в рамках расследования удалённо. Дистанционные исследования позволят исключить риск утраты цифровой информации при транспортировке, а также сведут к минимуму временные и финансовые затраты. Уже сейчас возможно обеспечить территориальное разделение по отраслям с трансляцией необходимой информации по каналам связи без необходимости физического перемещения носителя информации [8, с.

109]. Кроме того, удаленное исследование позволяет воспользоваться услугами специалистов, обладающих соответствующими познаниями и технологиями, в частности преодоления криптографической защиты цифровой информации, в том числе, если такие специалисты находятся на территории другого государства. Для этого следователю и эксперту достаточно подключить объект исследования или его покластерную копию к каналу связи. Внедрение этих предложений, безусловно, требует глубокой нормативной и организационной проработки.

Ещё одним, на наш взгляд, перспективным направлением криминалистики является разработка и внедрение методов получения доступа к защищенной информации через изучение личности преступника. Эти методы и приемы применяются в области так называемой социальной инженерии. Как утверждал в своей книге известный бывший хакер Кевин Митник, самое уязвимое место любой системы безопасности – человеческий фактор [6, с. 48]. Эту возможность необходимо использовать в полной мере в рамках расследования преступлений. Как показывают исследования в области информационной безопасности, пользователи в основном используют пароли с длиной от 6 до 10 символов, и только 8 % пользователей используют уникальные пароли, остальные 92 % используют повторяющиеся пароли от других сервисов [3]. Методика получения доступа к потенциально ценной для следствия цифровой информации может основываться на комплексном применении приемов собирания сведений о личности подозреваемого и использования программных средств их обработки. Указанная работа может включать в себя ряд этапов:

1. Первый этап предполагает осуществление познавательной и аналитической деятельности, связанной со сбором информации о личности подозреваемого и его окружения, с последующим формированием массива данных. В указанный массив может быть включена информация о самом владельце информации, его анкетные данные, прозвища, адреса места жительства, памятные даты, хобби, любимое блюдо, места отдыха и пр. Также в указанный массив включается аналогичная информация о членах семьи подозреваемого, даты рождения, клички домашних питомцев, модели используемых автомобилей, известные номера телефонов и пр.

2. Второй этап связан с получением информации об используемых подозреваемым паролях в других сервисах. Например, пароли, используемые для электронной почты, социальной сети, интернет-банкинга. Указанная информация может быть получена путем исследования технических устройств и других носителей информации, к которым имеется доступ. Пароли от он-лайн сервисов, как правило, содержатся в памяти браузеров, на бумажных носителях информации, в менеджерах паролей.

3. Третий этап заключается в генерации и подборе пароля с использованием программного обеспечения из собранного массива данных. Эта методика преодоления парольной защиты цифровой информации может быть достаточно эффективной.

В условиях технологического оснащения преступного мира средствами эффективной защиты информации одной из приоритетных задач науки криминалистики является разработка и внедрение в практику научно обоснованных методик использования технологий преодоления криптографической защиты информации. Своевременное оснащение правоохранительных органов существующими информационными технологиями для борьбы с преступностью является решающим фактором, обуславливающим эффективность правоохранительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдошин С.М., Савельева А.А. Криптоанализ и криптография: история противостояния // Бизнес-информатика. – 2009. – № 2. – С. 3–11.
2. Безбогов А.А. Методы и средства защиты компьютерной информации : учебное пособие / А.А. Безбогов, А.В. Яковлев, В.Н. Шамкин. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. тех. ун-та, 2006. – 196 с.
3. Исследование на тему паролей. URL: <https://habr.com/ru/post/129052/> (дата обращения 06.01.2019).
4. Левченко О.В. К вопросу о формировании инновационной технологии расследования преступлений // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 70–73.
5. Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 108–110.
6. Митник К. Искусство обмана / К. Митник, В. Саймон. – М.: Ай Ти, 2004. – 304 с.
7. Разработан алгоритм защиты данных, который не смогут взломать даже квантовые компьютеры. URL: www.svoboda.org/a/26923901.html (дата обращения 06.01.2019).
8. Степаненко Д.А. Криминалистическая наука в реалиях информационного общества // Криминалистические чтения на Байкале – 2015 : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил ФГБОУ ВО «РГУП». – Иркутск, 2015. – С. 105–109.
9. хакер.ru URL: <https://хакер.ru/2016/03/29/fbi-iphone-2/> (дата обращения 06.01.2019).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Avdoshin S. M., Savelieva A. A. Cryptanalysis and cryptography: history of confrontation // Business-Informatics. – 2009. – No. 2. – pp. 3–11.
2. Bezbokov A. A. Methods and means of computer information protection: textbook / A. A. Bezbogov, A.V. Yakovlev, V. N. Shamkin. – Tambov: Publishing house of Tamb. State Tech.Uni., 2006. – 196 p.
3. Research on the topic of passwords. URL: <https://habr.com/ru/post/129052/> (accessed: 06.01.2019).
4. Levchenko O. V. On the formation of innovative technology of crime investigation // Bulletin of the Orenburg State University. – 2011. – № 3 (122). – pp. 70–73.

5. Meshcheryakov V. A., Trukhachev V. V. Formation of proofs on the basis of electronic digital information//Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012. – № 2. – pp. 108–110.

6. Mitnick K. The art of deception / K. Mitnick, V. Simon. – M.: Publishing company IT, 2004. 304 p.

7. The algorithm for data protection, which can not be hacked even quantum computers, has been developed. URL: www.svoboda.org/a/26923901.html (accessed: 06.01.2019).

8. Stepanenko D. A. Forensic science in the realities of the information society // Forensic reading on Lake Baikal – 2015: Proceedings of the international science.-pract. conf. / East.-Sib. branch FSBEI HE "RCUJ" – Irkutsk, 2015. – pp. 105–109.

9. Hacker.ru URL: <https://xakep.ru/2016/03/29/fbi-iphone-2/> (accessed: 06.01.2019).

УДК: 343.1, 343.9, 004.75
DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00021

Судницын Алексей Борисович
начальник кафедры уголовного
процесса Сибирского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ab_sudnitsyn@mail.ru

Sudnitsyn Aleksey Borisovich
professor head of the Department
of Criminal Procedure Siberian Law Insti-
tute of the MIA of the Russian Federation
candidate of juridical sciences, associate
E-mail: ab_sudnitsyn@mail.ru

Молоков Вячеслав Витальевич
начальник кафедры информационно-
правовых дисциплин и специальной
техники Сибирского юридического
института МВД России
кандидат технических наук, доцент
E-mail: vvmolokov@mail.ru

Molokov Vyacheslav Vitalyevich
professor head of the Department of Infor-
mation and Legal Disciplines and Special
Equipment Siberian Law Institute
of the MIA of the Russian Federation can-
didate of technical sciences, associate
E-mail: vvmolokov@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОПЕРАЦИЯХ С КРИПТОВАЛЮТОЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: широкое использование расчетов криптовалютой со стороны лиц, причастных к совершению преступлений, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, потребовало проработки потенциальных возможностей использования сведений о таковых финансовых операциях в раскрытии и расследовании преступлений.

Материалы и методы: были изучены отдельные положения криминалистики, специальной техники, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, примеры правоохранительной деятельности, использован комплекс общих и частных научных методов исследования в целях определения возможностей получения сведений о расчетах криптовалютой и их использования в раскрытии и расследовании преступлений.

Результаты исследования: авторы пришли к выводу, что в целях раскрытия и расследования преступлений могут быть использованы предложенные потенциальные возможности выявления уязвимостей и деанонимизации владельцев электронных кошельков, используемых при операциях с криптовалютой.

Выводы и заключения: по результатам исследования предложены направления использования информации, связанной с проведением расчетов криптовалютой, в целях раскрытия и расследования преступлений: автоматизи-

рованный анализ транзакционной сети, получение значимой информации из открытых источников путем эффективного поиска и применения инструментов интернет-разведки, использование компьютерно-технических экспертиз устройств, применявшихся для операций с криптовалютами, деанонимизация владельца криптокошелька посредством сотрудничества с криптовалютными биржами и обменниками.

Ключевые слова: Интернет, криптовалюта, технология блокчейн, раскрытие и расследование преступлений.

SOME OPPORTUNITIES FOR OBTAINING AND USING DATA ON CRYPTO-CURRENCY OPERATIONS DURING DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Introduction: widespread use of cryptocurrency calculations by persons involved in the commission of crimes, including in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, requires the development of potential possibilities of using data on financial transactions in detection and investigation of crimes.

Materials and methods: certain provisions of criminalistics, special equipment, criminal procedure, operational-search activity, examples of law enforcement activities have been studied, a set of general and private scientific research methods were used to determine the possibilities of obtaining information on cryptocurrency calculations and their use in the detection and investigation of crimes .

Results: the authors concluded that in order to detect and investigate crimes, the proposed potential for identifying vulnerabilities and deanonymizing the owners of e-wallets used in operations with cryptocurrency can be developed.

Summary and conclusions: the directions of using information related to the execution of cryptocurrency calculations for the purpose of disclosing and investigating crimes have been proposed. Among them, automated analysis of the transactional network, obtaining relevant information from open sources through effective search and use of Internet intelligence tools, use of computer-technical expertise of devices used for operations with cryptocurrencies, deanonymization of the owner of the cryptocell through cooperation with cryptocurrency exchanges and exchangers.

Key words: Internet, cryptocurrency, blockchain technology, disclosure and investigation of crimes.

К настоящему времени лица, совершающие преступления, не только широко используют технические средства, компьютерные технологии, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, но и осуществляют специфические формы расчетов криптовалютой. Следует отметить, что использование криптовалют в мире набирает большую популярность и немалую долю в спросе на них породил растущий в 2017–2018 гг. курс криптовалюты Bitcoin. По данным ана-

литического сервиса Coinmarketcap¹ в десятку наиболее востребованных криптовалют с высоким курсом и уровнем капитализации входят: Bitcoin, Ethereum, Monero, Litecoin, NEM, XRP и др. Основная тенденция растущей популярности использования криптовалют для осуществления криминальных финансовых операций кроется в принципах их функционирования. В основе организации любой криптовалюты находится технология блокчейн (непрерывная последовательная цепочка блоков). Построенная на принципах децентрализации и приватности архитектура блокчейн обеспечивает высокую степень надежности, анонимности и скорости проведения операций. Таким образом, анонимность расчетов в криптовалютах, низкая проработанность возможностей использования в раскрытии и расследовании преступлений сведений об операциях с ними, потребность правоприменителей в соответствующих рекомендациях указывают на острую теоретическую и практическую актуальность обозначенных аспектов.

Несмотря на появление в сравнительно недавнее время отдельных исследований, касающихся вопросов криптовалюты, встречающиеся работы рассматривают ее как новое социально-экономическое явление, объект возможного правового контроля. Авторы определяют природу криптовалюты, вычленивают характерные ее признаки, в том числе широкую возможность использования при совершении преступлений, прорабатывают проблемы контроля за оборотом криптовалюты, обозначают основные направления совершенствования правоохранительной деятельности в соответствующей части (В.Б. Батоев и В.В. Семенчук [1, с. 9–15], А.Г. Волеводз [2, с. 66–75], Э.С. Маркарян [3, с. 176–187], А.Л. Пермяков [4, с. 129–135] и др.). Вместе с тем комплексных уголовно-процессуальных и технико-криминалистических исследований, посвященных вопросам получения данных о расчетах криптовалютой и их использования в раскрытии и расследовании преступлений, в современной литературе немного. Сложившееся положение требует обращения к соответствующей тематике.

Методологическую основу исследования составил комплекс общих и частных научных методов исследования (формально-логический, сравнительно-правовой, логико-юридический, интервьюирование и др.), позволивших на базе имеющейся правовой основы и практики правоохранительной деятельности, в том числе международной, выработать предложения по получению сведений о расчетах электронной наличностью и их использованию в раскрытии и расследовании преступлений.

Рассмотрим отдельные этапы операций с криптовалютами с позиций выявления уязвимостей и возможности деанонимизации владельцев электронных кошельков в интересах раскрытия и расследования преступлений. В качестве примера будем использовать наиболее популярную криптовалюту биткойн с объемом рыночной капитализации более семи триллионов долларов.

Основное преимущество организации операций с криптовалютами кроется в механизме децентрализации вычислений. Информация о транзакциях передается случайно выбранными узлами P2P (peer-to-peer сети с одноранговой децентрализо-

¹ URL: <https://coinmarketcap.com> (дата обращения 24.09.2018).

ванной структурой) сети. Несмотря на то, что биткойн-узлы соединяются друг с другом в сети Интернет посредством IP-адресов, однозначно установить, была ли полученная транзакция создана передавшим информацию узлом или он являлся всего лишь ретранслятором на настоящий момент не представляется возможным. Вместе с тем предполагается использование особенностей такой архитектуры вычислений по следующим ключевым уязвимостям:

1. Наличие технического контроля за несколькими узлами сети биткойн предоставляет возможность получения достаточных для выявления источника конкретной транзакции сведений.

2. Важнейшая особенность биткойн – все транзакции абсолютно прозрачны и доступны – дает возможность реализации алгоритмов глубокого анализа данных.

Ввиду открытости информации о транзакциях в сети биткойн были предложены алгоритмы группировки и привязывания к конкретным кошелькам операций с входными и выходными узлами. В частности, в сети Интернет опубликован алгоритм, основанный на процессе кластеризации, который анализирует данные базы блокчейна и объединяет несколько адресов криптовалютных кошельков, связанных с одним пользователем, в единый кластер [5]. По сути задача кластерного анализа транзакционных сетей сводится к нахождению нескольких входов, объединенных в одну транзакцию, что позволяет сделать вывод о едином источнике контроля. На этой основе в интересах правоохранительных органов и финансовых организаций компания Bitfury Group представила общественности новый инструмент для исследований биткойн-блокчейна – Crystal. Данный инструмент способен работать с информацией о потоках и транзакций в сети блокчейн, выявляя подозрительные операции и связывая их с объектами. Тем самым он способен деанонимизировать отдельные объекты и финансовые взаимоотношения между криминальными личностями¹.

Также можно отметить, что биткойн-адрес можно попытаться связать с конкретными людьми, если их личная информация была каким-либо образом отождествлена с ним. Например, если использовался биткойн-адрес для депозитного счета, снятия денег с регулируемой биржи (кошелька) или с помощью биткойн осуществлялся расчёт в интернет-магазине и т.п., то в открытом доступе находится адрес для перечислений монет. В этом случае глобальный поиск по всем информационным ресурсам (социальные сети, блоги, сайты даркнета и т.п.) с ключевым признаком номера кошелька может позволить выявить определенное лицо.

Перечисленные выше методы получения значимой для раскрытия и расследования преступлений информации отражают возможности, находящиеся «на верхнем уровне абстракции». Но у операций с криптовалютами существуют и элементы, которые могут быть выявлены на стадии конвертации. В качестве та-

---

¹ Bitfury выпустила Crystal – блокчейн-инструмент для финансовых расследований.
URL: <http://cryptowiki.ru/news/bitfury-vypustila-crystal-blokchein-instryment-dlia-finansovyh-rassledovani.html> (дата обращения 26.09.2018).

ковых могут выступить данные об отдельных этапах перемещения криптовалюты (приобретение, продажа в различных формах).

Как правило, процесс приобретения или обмена криптовалют осуществляется на виртуальных торговых площадках – криптобиржах. Сотрудничество с организаторами криптобирж в рамках раскрытия и расследования преступлений может способствовать выдаче правоохранительным органам информации о банковских счетах обмена криптовалют, IP-адресах пользователей в сети Интернет и иную персональную информацию. Предпринимаются попытки, направленные на обеспечение получения требуемой информации, в том числе деанонимизации расчетов криптовалютой. Например, Европейский парламент утвердил пакет новых мер по борьбе с отмыванием средств в странах Евросоюза, в числе которых он усилил контроль над биткойном и другими виртуальными валютами. После указанных мер платформы обмена, виртуальные кошельки и банковские учреждения обязаны осуществлять контроль клиентов, включая требования к проверке информации о них, что способствует предотвращению анонимности криптовалют¹.

Важную для расследования информацию можно получить на компьютерных устройствах, используемых при осуществлении операций с криптовалютами. Обоснованный вывод о предполагаемом месте нахождения такой компьютерной техники позволит принять решение о проведении обыска (выемки), по результату которого обнаружить и изъять соответствующие технические устройства и информационные носители.

Обратим внимание, что для покупки, обмена, продажи криптовалюты требуется наличие электронного кошелька (Wallet), управление которым происходит с помощью программы, клиента сети биткойн. Факт использования этого, а также и иного программного обеспечения, связанного с криптовалютой (при наличии в нашем распоряжении изъятых компьютерной техники: компьютер, ноутбук, смартфон, планшет и пр.), может быть обнаружен путем производства осмотра предметов, а также в последующем при исследовании компьютерной информации. В связи с этим рекомендуется фиксировать посещенные пользователем веб-сайты и установленное программное обеспечение, имеющее отношение к операциям с криптовалютами, в том числе программы анонимизации (например, браузер Tor), причем не только путем указания в протоколе, но и с помощью скриншотов с экрана устройства.

Сведения, полученные в ходе осмотра, могут быть подтверждены в результате исследования компьютерной информации, содержащейся на изъятых технических устройствах. Характерным для сети Биткойн считается наличие на информационном носителе файла wallet.dat. Операции с таким файлом могут способствовать получению информации о балансе найденного кошелька с использованием другого устройства. Ввиду применения программой кошелька криптоалгоритмов и подтверждения транзакций пользователя секретным ключом

---

¹ Евросоюз вводит верификацию владельцев криптовалют для деанонимизации транзакций. URL: <https://forklog.com/evrosoyuz-vvodit-verifikatsiyu-vladeltsev-kriptovalyut-dlya-deanonimizatsii-tranzaktsij> (дата обращения 25.09.2018).

чюм его наличие также является неотъемлемым. Криптоключ может находиться в зашифрованном контейнере, на аппаратном кошельке либо напечатан на бумажном носителе. Напомним, что утеря секретного ключа приведет к безвозвратной утрате монет в кошельке биткойн, а в этом вряд ли заинтересован сам владелец. Кроме того, путем производства экспертизы могут быть обнаружены дополнительные данные, а также сделаны выводы, подтверждающие операции с криптовалютой.

По результатам проведенных мероприятий в группе следственных действий – обыск-осмотр-экспертиза – должна четко прослеживаться связь сведений, подтверждающих операции с криптовалютой. Аналогичное содержание должно быть прослеживаемо и в допросах лиц.

Круг вопросов, выясняемых в ходе допросов лиц, причастных к операциям с криптовалютой, определяется конкретной следственной ситуацией, сложившейся к этому моменту расследования. Обобщение результатов следственной и судебной практики демонстрирует, что в показаниях указанных лиц внимание акцентируется на деталях финансовых операций, связанных с переводом денежных средств в криптовалюту, а затем обратно. На эти же особенности обращается особое внимание и в других доказательствах.

Обозначенные способы использования сведений об операциях с криптовалютой в доказывании по уголовным делам являются типичными. Их применение может иметь место как при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, так и преступлений из иных сфер.

Другие формы установления сведений об операциях с криптовалютой и их дальнейшее использование в доказывании гипотетически возможно. Однако данная возможность в большинстве случаев упирается в непреодолимую на настоящий момент технологию шифрования данных как заложенную в суть криптовалюты, так и применяемую при обеспечении анонимного нахождения абонента в сети Интернет. Так, лицам, преследующих цель обеспечить анонимность своих транзакций с криптовалютой, в качестве рекомендации, исходящей от соответствующих заинтересованных лиц, для достижения той же цели предлагается использовать биткойн-миксер. Как привило, это сайт, принимающий биткойны множества лиц, использующий алгоритмы для их смешивания и отправки по разным кошелькам. Такой миксер не позволяет связать транзакции с определенным лицом. Высокую степень анонимности предоставляет сеть Tor, что также способствует скрытию IP-адреса абонента и его трафика в сети Интернет. Вместе с тем представляются перспективными ряд возможностей использования сведений об операциях с криптовалютой в раскрытии и расследовании преступлений.

Одной из главенствующих задач в рассматриваемых случаях является выявление лица, его идентификация в информационной среде сети Интернет (интернет-биржи, форумы, сайты и др.). В качестве средств достижения данной задачи могут выступить нижеприведенные предложения и примеры.

Автороведческий анализ (исследование, экспертиза) позволит установить автора текста, размещенного в информационной среде. При этом в силу огромного массива информации, хранящейся во всемирной паутине, следует уделять первоочередное внимание автоматизации процесса распознавания авторства текста. Подобные разработки уже имеются¹ [6].

Кроме того, не следует забывать о современных возможностях технико-оперативно-аналитической работы. Так, примером подобной работы можно назвать установление, последующее задержание и осуждение Росса Уильяма Ульбрихта (Ross William Ulbricht) – владельца анонимной торговой площадки (подпольной биржи) Silk Road, указавшего свой адрес электронной почты, позволившей выявить совпадения в его онлайн-деятельности [7].

Другой успешный пример: сотрудники управления по контролю за распространением наркотиков США (далее – DEA) выдали себя за продавца наркотических средств, получили в качестве оплаты биткойны, изобличили Эрика Дэниеля Хьюза (Eric Daniel Hughes). Указанному лицу вменили незаконную трату собственности, покупку незаконных веществ. Указанная операция была осуществлена на подпольной бирже Silk Road, как предполагается, путем создания сотрудниками DEA подставного аккаунта [8].

Подобные методы работы могут быть «взяты на вооружение», благодаря чему возможно установление и последующее привлечение к ответственности лиц, совершающих преступления и использующих при этом расчеты посредством криптовалюты. Безусловно, при подобных операциях в действиях сотрудников правоохранительных органов не должно содержаться признаков провокации или иных преступлений.

На основании проведенного исследования предлагаются следующие выводы, позволяющие формализовать методы и средства получения информации, представляющей ценность для раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием операций с криптовалютами:

1. Технология блокчейн обеспечивает анонимность владельца адреса кошелька криптовалюты, но не исключает автоматизированный анализ всей транзакционной сети.

2. Методы эффективного поиска и инструменты интернет-разведки дают возможность получения значимой информации из открытых источников.

3. Компьютерно-техническая экспертиза устройств, используемых для операций с криптовалютами, позволяет решить ряд задач по обеспечению доказательной базы.

4. Сотрудничество с криптовалютными биржами и обменниками в рамках расследования по уголовным делам может решить задачу деанонимизации владельца криптокошелька.

Приведенные выводы подтверждают, что даже при наличии препятствий технического характера (некоторые из них непреодолимы на настоящий мо-

---

¹ Деанонимизация во всемирной сети – все ближе и ближе. URL: <https://habrahabr.ru/post/165435> (дата обращения 15.09.2018).

мент), сведения об операциях с криптовалютой могут быть получены при раскрытии преступлений разнообразными способами (в том числе «в обход» технических проблем).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Батоев В.Б., Семенчук В.В. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2 (42). – С. 9–15.

2. Волеводз А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты: постановка проблемы // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. / редкол.: А.В. Гришин [и др.]. – Орел: ОрЮИИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2018. – С. 66–75.

3. Маркарян Э.С. Особенности получения данных о механизме слепообразования при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалют // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 4 (33). – С. 176–187.

4. Пермяков А.Л. Криптовалюта в механизме преступления: предмет, средство или способ? // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 2 (85). – С. 129–135.

5. Dmitry Ermilov, Maxim Panov, Yury Yanovich Automatic Bitcoin Address Clustering. URL: https://bitfury.com/content/downloads/clustering_whitepaper.pdf (дата обращения 25.09.2018).

6. Nicole Perlroth Software Helps Identify Anonymous Writers or Helps Them Stay That Way // The New York Times. URL: <https://bits.blogs.nytimes.com/2012/01/03/software-helps-identify-anonymous-writers-or-helps-them-stay-that-way> (дата обращения 10.09.2018).

7. Danny Bradbury Silk Road fell due to a catalogue of errors by owner Ross Ulbricht // CoinDesk, Inc URL: <https://www.coindesk.com/ross-ulbrichts-silk-road-head-smacking-rookie-errors> (дата обращения 20.09.2018).

8. Brian Cohen, Adam B. Levine Users Bitcoins Seized by DEA // The LTB Network: URL: <https://letstalkbitcoin.com/post/53700133097/users-bitcoins-seized-by-dea> (дата обращения 15.09.2018).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Batoev V.B., Semenчук V.V. The use of cryptocurrency in criminal activity: countermeasures // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 2 (42). – pp.9–15.

2. Volevodz A. International cooperation in the field of criminal proceedings in cases of crimes committed using cryptocurrency: problem statement // Collection of materials of the international scientific-practical conference "Modern criminal procedure law - the lessons of history and the problems of further reform", October 18–19, 2018 / editorial board: A.V. Grishin [and others]; Orel Law Institute of the Ministry of

Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – Orel : OrLI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – 430 p.

3. Markaryan E.S. Features of obtaining data on the mechanism of tracing in the investigation of crimes committed using cryptocurrencies // Library of the criminologist. Science journal. – 2017. – No. 4 (33). – pp. 176–187.

4. Permyakov A.L. Cryptocurrency in the mechanism of crime: the subject, means or method? // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. – 2 (85). – pp. 129–135.

5. Dmitry Ermilov, Maxim Panov, Yury Yanovich Automatic bitcoin address clustering // bitfury.com. URL: https://bitfury.com/content/downloads/clustering_whitepaper.pdf (accessed: 25.09.2018).

6. Nicole Perlroth Software helps identify anonymous writers or helps them stay that way // The New York Times URL: <https://bits.blogs.nytimes.com/2012/01/03/software-helps-identify-anonymous-writers-or-helps-them-stay-that-way> (accessed 10.09.2018).

7. Danny Bradbury Silk road fell due to a catalogue of errors by owner Ross Ulbricht // CoinDesk, Inc URL: <https://www.coindesk.com/ross-ulbrichts-silk-road-head-smacking-rookie-errors> (accessed 20.09.2018).

8. Brian Cohen, Adam B. Levine Users bitcoins seized by DEA // The LTB Network URL: <https://letstalkbitcoin.com/post/53700133097/users-bitcoins-seized-by-dea> (accessed 15.09.2018).

УДК 343.985.7

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00022

Чиненов Евгений Владимирович
начальник кафедры криминалистики
Белгородского юридического института
МВД России им. И.Д. Путилина
кандидат экономических наук, доцент
E-Mail: Chinenovevg@yandex.ru

Щукин Владимир Иванович
профессор кафедры криминалистики
Белгородского юридического институ-
та МВД России им. И.Д. Путилина
кандидат юридических наук, доцент
E-Mail: SchukinV1956@yandex.ru

Chinenov Evgeniy Vladimirovich
professor, head of the Department
of Criminology of Belgorod Law Institute
of the MIA of the Russian Federation
named after I. D. Putilin
candidate of economic sciences, associate
E-Mail: Chinenovevg@yandex.ru

Shchukin Vladimir Ivanovich
professor, professor of the Department of
Criminology of Belgorod Law Institute
of the MIA of the Russian Federation
named after I. D. Putilin
candidate of juridical sciences, associate
E-Mail: SchukinV1956@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ И ФАКТИЧЕСКИХ ПРОВЕРОК В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Введение: анализ практики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, изучение научных публикаций по указанной проблематике свидетельствуют о необходимости формирования частных криминалистических методик. Немаловажная роль в этом отводится исследованию проблем документальных и фактических проверок в стадии возбуждения уголовного дела.

Материалы и методы: при написании статьи использовалась научная и учебно-методическая литература, эмпирические данные, применялись общие и частные методы криминалистики.

Результаты исследования: в статье рассматриваются актуальные вопросы выявления и расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта; анализируются существующие научные взгляды на криминалистическую адаптацию специальных экономических знаний к задачам раскрытия и расследования этой категории преступлений; выделяются существующие проблемы, обосновывается влияние специфики технологических процессов объектов железнодорожного транспорта на содержание доследственной провер-

ки, формируется классификация проверочных действий, предшествующих возбуждению уголовного дела об экономических преступлениях на железнодорожном транспорте. Также в статье формулируется тезис о необходимости поиска оптимальных и эффективных форм и методов расследования исследуемой категории преступлений за счет познания механизма преступления, характера оставляемых им следов, показывается взаимосвязь следов экономических преступлений и умение использования средств и методов их обнаружения; доказывается, что предлагаемая система методов фактического и документального контроля может явиться основой реализации организационных, оперативных и процессуальных задач, решаемых на стадии возбуждения уголовного дела.

Выводы и заключения: специфика технологических процессов объектов железнодорожного транспорта в значительной степени влияет на содержание доследственной проверки по экономическим преступлениям и отличается необходимостью использования специальных знаний.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, первоначальный этап расследования, железнодорожный транспорт, пути повышения эффективности процесса расследования экономических преступлений, документальные проверки, фактические проверки.

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF DOCUMENTARY AND ACTUAL CHECKS IN THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL CASES OF ECONOMIC CRIMES ON THE OBJECTS OF RAILWAY TRANSPORT

Introduction: The analysis of the practice of investigation of economic crimes in the field of railway transport, the study of scientific publications on these issues indicate the need for the formation of private criminalistic techniques. An important role in this is given to the study of the problems of documentary and actual checks at the stage of initiation of criminal proceedings.

Materials and methods: scientific and educational literature, empirical data, general and private methods of criminalistics have been used.

Results: the article deals with topical issues of detection and investigation of economic crimes in the field of railway transport. The existing scientific views on the criministic adaptation of special economic knowledge to the problems of disclosure and investigation of this category of crimes are analyzed. Existing problems are highlighted; the authors explain the impact of specifics of the technological processes of objects of railway transport on the contents of the preliminary investigation; classification of verification activities preceding the criminal case on economic crimes in railway transport is formed. The thesis about the need to search for optimal and effective forms and methods of investigation of the investigated category of crimes through the knowledge of the mechanism of crime, the nature of the traces left by them, shows the

relationship of the traces and the ability to use the means and methods of their detection. It is argued that the proposed system of methods of actual and documentary control can be the basis for the implementation of organizational, operational and procedural tasks solved at the stage of initiation of criminal proceedings.

Summary and conclusions: the specifics of technological processes of railway transport facilities largely affect the content of the pre-investigation check in the sphere of economic crimes and is characterized by the need to use special knowledge.

Keywords: economic crimes, the initial stage of investigation, rail transport, ways to improve the efficiency of the process of investigation of economic crimes, documentary checks, actual checks.

Решение проблем, возникающих в процессе выявления и расследования преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, находится в центре внимания государства, современных ученых-криминалистов, практиков. Экономическая преступность, как справедливо отмечают Н.П. Яблоков и А.Ф. Волынский, приобретает новые формы, а в числе негативных тенденций наблюдается разрастание ее ресурсной базы в новые сферы экономики и расширение арсенала средств и методов преступной деятельности [17, с. 175; 4, 105]. В то же время противодействие экономической преступности в настоящее время не соответствует реальным масштабам криминальных проявлений в экономике [15].

В полной мере отмеченное относится к решению задач по обеспечению экономической безопасности на объектах транспорта и его инфраструктуры. Их решение нам видится в совершенствовании криминалистического обеспечения деятельности по обнаружению признаков экономических преступлений.

В структуре преступности в сфере железнодорожного транспорта экономические преступления занимают четвертую часть от всех регистрируемых преступлений. Анализ количественных показателей преступности на транспорте свидетельствует, что в 2015–2017 гг. наблюдается незначительное снижение выявленных преступлений экономической и коррупционной направленности на фоне высокого общего состояния преступности. Удельный вес преступлений экономической направленности представлен на рис. 1.

В структуре преступности на транспорте в 2018 г. (см. рис. 2) преобладают преступления против собственности – 39,2 %, из которых удельный вес мошенничеств по ст. ст. 159–159.6 УК РФ составляет 11, 1%.

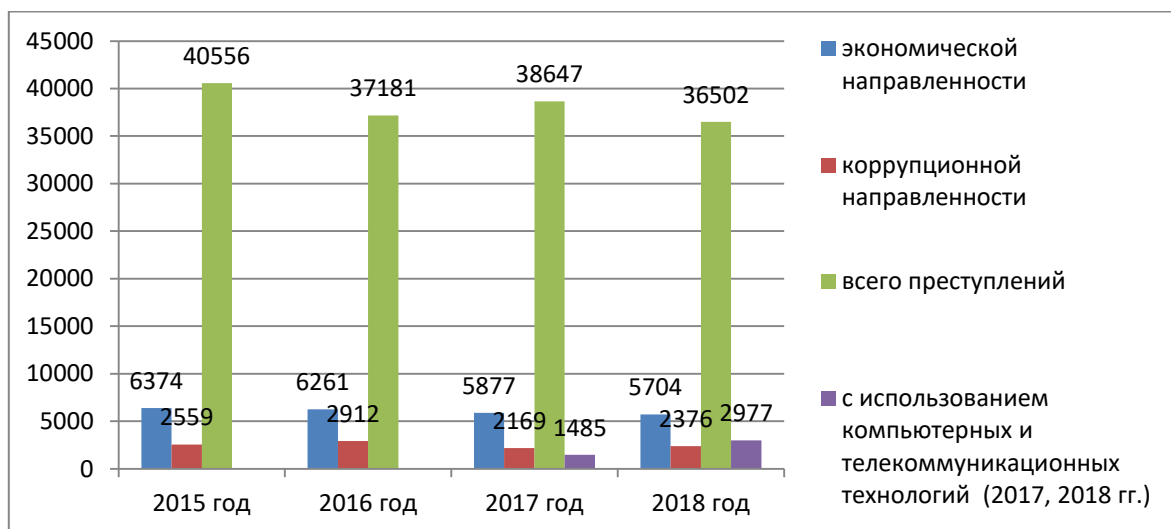

Рис. 1. Сведения о состоянии преступности на транспорте

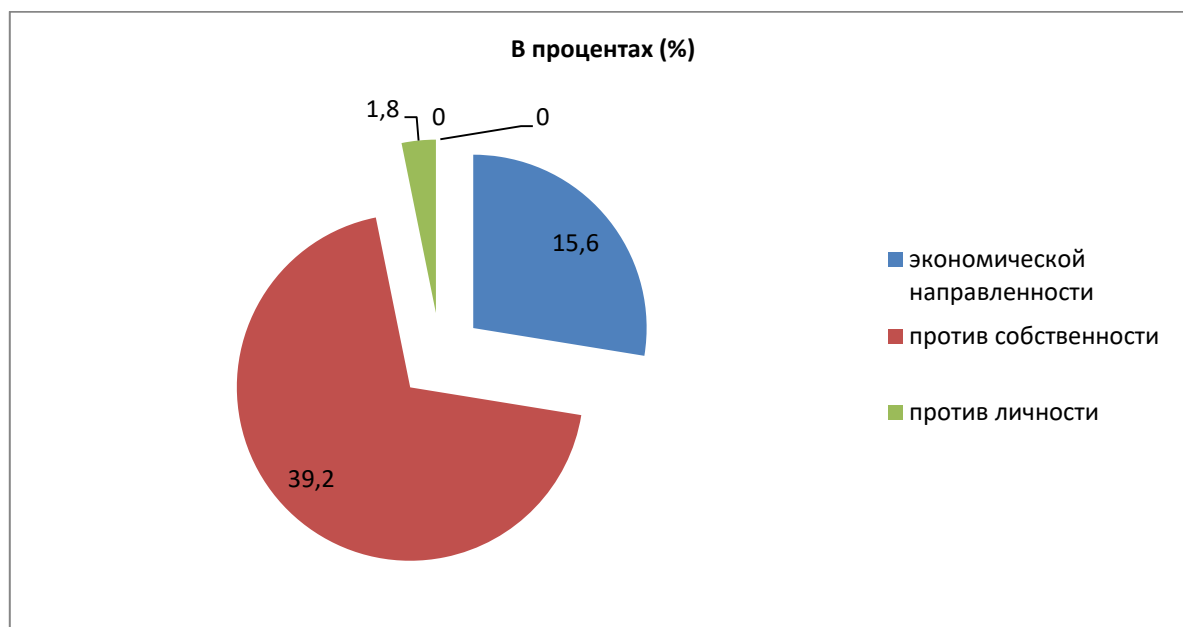

Рис. 2. Структура преступности на транспорте в 2018 г.

Сведения о причиненном экономическими преступлениями материальном ущербе представлены на рис. 3.

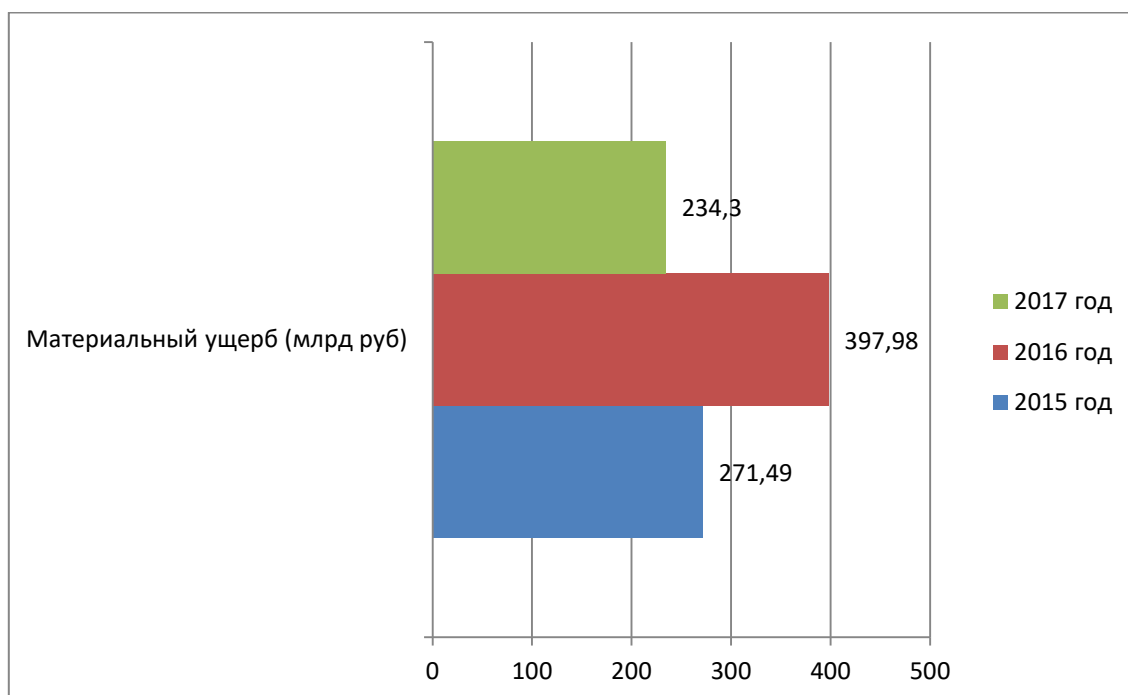

Рис. 3. Сведения о материальном ущербе от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам)

Представленные статистические данные актуализируют проблему, связанную с необходимостью повышения эффективности раскрытия и расследования экономических преступлений на железнодорожном транспорте.

В настоящее время учеными-криминалистами выделяется новая область знаний – экономическая криминалистика [5, с. 50], в рамках которой рассматриваются различные проблемы криминалистической адаптации специальных экономических знаний к задачам раскрытия и расследования этой категории преступлений [10, с. 91].

В процессе формирования методики расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта особый интерес представляют такие ее положения, которые охватывают круг решения вопросов, связанных:

а) с применением методов документальных исследований финансово-хозяйственных операций, состояния учета, отчетности, внутреннего контроля:

- формальных, нормативных и арифметических проверок документов;
- встречных проверок; взаимного контроля; контрольного сличения остатков; восстановления учетных записей по документам; обратного калькулирования; хронологического и сравнительного анализа;

б) с использованием методов фактического контроля:

- инвентаризации материальных ценностей и денежных средств;
- проверки фактического наличия объектов учета, зафиксированных в приходных и расходных документах, материалах инвентаризаций;
- исследования реального состояния средств хозяйствующего субъекта, отраженного в содержании документа;

- осуществления контрольных операций с участием специалистов (контрольный запуск сырья либо материалов в производство; контрольная либо проверочная закупка; контрольные обмеры; анализ качества сырья, материалов, готовой продукции и др.).

Вопросы организации и проведения документальных и фактических проверок в следственной и оперативной практике, их особенности к настоящему времени изучены достаточно полно. Рассматриваемые проблемы нашли свое отражение в работах С.С. Воронова, Е.С. Дубоносова, С.П. Голубятникова, С.Г. Еремина, Л.П. Климович, Ю.М. Кравченко, Е.С. Лехановой, А.Н. Мамкина, А.А. Меджевского, А.А. Петрухина, В.А.Тимченко, Л.Г. Шапиро и других авторов.

В то же время криминалистическое научное сообщество ведет поиск новых возможностей эффективного расследования экономических преступлений [2, с. 72]. Тенденции, существующие в криминалистической науке, свидетельствуют о том, что организация деятельности в сфере противодействия преступности должна соответствовать в полной мере масштабам ее распространения, включая необходимость формирования частных криминалистических теорий [12, с. 81].

Так, О.П. Грибунов, исследуя вопросы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, пришел к выводу, что преступления экономической направленности на транспорте заслуживают отдельного самостоятельного исследования [6, с. 36; 7, с. 326; 16, с. 90]. Отмеченный факт находит свое отражение в научных работах Е.А. Малыхиной, А.Л. Пермякова и др. [11, 14].

Ключевой проблемой в деятельности по противодействию экономическим преступлениям, по мнению И.В. Александрова, является несовершенство, а в ряде случаев быстрое устаревание системы выявления и расследования этих преступлений подразделениями МВД России и СК России [1, с. 37]. Поиск оптимальных и эффективных форм и методов расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, на наш взгляд, является одной из приоритетных задач современной криминалистической науки.

Успех раскрытия и расследования экономических преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, возможен при комплексном сочетании непроцессуальной и процессуальной форм использования специальных экономических знаний. Знание закономерностей образования следов экономических преступлений, умелое и своевременное использование средств и методов их обнаружения – одно из важнейших условий эффективности процесса расследования [9, с. 67].

Интервьюирование сотрудников транспортной полиции показывает, что в 50 % случаев экономические преступления выявляются оперативными подразделениями. От качества проведения предварительных проверочных действий зависит получение и полнота данных о преступном событии, способах подготовки, совершения и сокрытия экономических преступлений, реализация организационных, оперативных, процессуальных задач, решаемых на стадии возбуждения

уголовного дела, что сказывается на организации последующего процесса предварительного расследования. Основой такой работы выступает система применяемых методов фактического и документального контроля:

- наблюдение за пересчетом материальных ценностей в назначаемых и проводимых инвентаризациях;
- контрольные проверочные мероприятия состояния учетных объектов;
- документальные проверки сведений, содержащихся в материальных и электронных источниках предприятий железнодорожного транспорта об организационно-правовой форме, правах и обязанностях, основаниях осуществления их деятельности;
- проверка законности и обоснованности совершенных в проверяемом периоде хозяйственных и финансовых операций организации.

Работы С.П. Голубятникова и Н.В. Кудрявцева свидетельствуют, что основная масса замаскированных злоупотреблений в сфере экономики внешне проявляется в учетных данных в форме противоречий: в содержании отдельного документа; между содержанием нескольких взаимосвязанных документов; в виде отклонений от обычного порядка движения ценностей [13, с. 79]. Иными словами, для их установления необходимо использование методов изучения фактической информации об объектах преступных посягательств и исследования хозяйственной деятельности по документам, содержащим информацию об их перемещении.

В действующем УПК РФ акты инвентаризаций, документальных проверок, ревизий не являются доказательством. В то же время в ст. 144 УПК РФ законодатель определяет право органа дознания или следователя требовать производства инвентаризаций, документальных ревизий и проверок. На практике право следователя выглядит не всегда выполнимым. Это объясняется отсутствием процессуального статуса у проверяемых (ревизуемых) лиц, что позволяет им уклоняться от дачи объяснений, затруднять производство исследований, противодействовать сбору документальных доказательств. Такое положение вещей приводит к увеличению времени процесса расследования, формированию недостаточной доказательственной базы.

Проверочные действия, предшествующие возбуждению уголовного дела об экономических преступлениях на железнодорожном транспорте, могут быть разделены на две группы.

К первой относятся действия проверочного характера: истребование справок, документов и иных материалов экономической деятельности транспортной организации, получение объяснений должностных и материально-ответственных лиц организации, где выявлены факты преступной деятельности. В результате опросов выясняются: данные о лицах, причастных к совершению противоправных действий; обстоятельства, цели, роли, мотив; наличие умысла; временные отношения, характеризующие преступную деятельность; характеристика объекта преступного посягательства; механизм подготовки, совершения и сокрытия преступления. В истребуемой документации содержится информация о количе-

ственных и качественных характеристиках операций с материальными ценностями и денежными средствами.

Ко второй группе относится назначение и производство фактических контрольных мероприятий (инвентаризаций) на объектах железнодорожного транспорта и осуществление документальных проверок (ревизий) финансово-хозяйственной деятельности проверяемой организации. Такие проверки, инициируемые правоохранительными органами на транспорте, проводят специалисты подразделений документальных проверок и ревизий ОВД, эксперты-экономисты, независимые специалисты. В результате данных мероприятий осуществляется выполнение действий, сущность которых заключается: в проверке наличия имущества организации, состояния финансовых обязательств путём сличения фактических данных с данными бухгалтерского учёта; в осуществлении контрольных действий по проверке законности и обоснованности финансовых и хозяйственных операций, правильности их отражения в бухгалтерском учёте и отчётности; в проверке финансово-экономической деятельности предприятия на основании представленных документов финансовой отчетности, изучения и научного исследования определенных экономических явлений, процессов, действий, результатов; в прогнозировании экономических процессов.

Следует отметить, что наибольший успех достигается при комплексном сочетании методов фактического и документального контроля, когда одни из них дополняются другими [3, с. 73; 8, с. 14], что в совокупности с методическими и тактическими средствами позволит обеспечить использование потенциала криминалистической науки для достижения целей расследования экономических преступлений на железнодорожном транспорте. Только комплексность использования технико-криминалистического, тактического, методического и специального инструментария средств следственными, оперативно-розыскными и экспертными подразделениями органов внутренних дел позволят вывести противодействие экономической преступности в сфере железнодорожного транспорта на качественно новый уровень.

В результате осуществления перечисленных выше действий и мероприятий могут быть установлены признаки, свидетельствующие о возможном преступлении. Например, факты недостатка либо излишков могут свидетельствовать о хищении, халатности материально ответственных лиц, мошеннических действиях и т.п. Все это диктует необходимость в проведении дополнительных проверочных действий с целью получения оснований для принятия процессуальных решений.

Содержание доследственной проверки по экономическим преступлениям, совершаемым в сфере железнодорожного транспорта, в значительной степени обусловлено спецификой технологических процессов объектов этого вида транспорта и отличается необходимостью использования специальных знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александров И.В. Проблемные аспекты формирования методики расследования современных преступлений, совершаемых в сфере экономики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2014. – № 4. – С. 34–42.
2. Варданян А.В., Айвазова О.В. Должностные преступления в сфере экономики как объект криминалистического научного анализа // Труды академии управления МВД России. – 2017. – № 1 (41). – С. 72–77.
3. Варданян А.В. Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод для возбуждения уголовного дела в контексте проблемы соотношения уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов междунар. науч.-прак. конф. к 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции / Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. – Орел, 2017. – С. 73–79.
4. Волынский А.Ф. Преступления в сфере экономики: организация и методика расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 105–106.
5. Голубятников С.П. Экономическая криминалистика: этапы становления, перспективы развития // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2001. – № 1. – С. 50–60.
6. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д., 2016. – 53 с.
7. Грибунов О.П., Варданян А.В. Прикладные задачи и профилактические операции криминалистического предупреждения преступлений против собственности на транспорте // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI междунар. науч.-прак. конф. – Иркутск, 2016. – С. 326–331.
8. Еремин С.Г. Общие принципы использования методов документального контроля в бухгалтерском учете с целью обнаружения признаков преступлений // Бизнес в законе. – 2006. – № 3–4. – С. 14–21.
9. Журавлев С.Ю., Полякова М.А. Использование специальных познаний при расследовании экономических преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 66–71.
10. Леханова Е.С. Проблемы криминалистической адаптации судебно-экономических знаний к задачам раскрытия и расследования преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2008. – № 2 (9). – С. 91–95.
11. Малыхина Е.А. Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2018 – 28 с.

12. Можаяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: современное состояние и перспективы // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 4 (36). – С. 81–85.

13. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы: учебник / С.П. Голубятнико, Н.В. Кудрявцева; отв. ред. С.С. Остроумов. – М.: Юрид. лит., 1976. – 336 с.

14. Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., – 2016. – 27 с.

15. Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февр. 2018 г. URL: <https://мвд.рф/document/> (дата обращения 02.10.2018).

16. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Экономические преступления, совершаемые на объектах железнодорожного транспорта, как объект криминалистического научного анализа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1 (84). – С. 90–103.

17. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 190 с.

BIBLIOGRAPHIC LINKS:

1. Aleksandrov I.V. Problem aspects of the formation of methods of investigation of modern crimes committed in the field of economics // Moscow University Bulletin. Series 11: Right. 2014.№4. – pp. 34–42.

2. Vardanyan A.V., Aivazova O.V. Official crimes in the field of economics as an object of forensic scientific analysis // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 1 (41). pp. 72–77.

3. Vardanyan A.V. Results of operational–search activity as a pretext for initiating a criminal case in the context of the problem of correlation of criminal procedure and operational–search legislation // Modern criminal procedure law of Russia – lessons of history and problems of further reforming. Collection of materials of the international scientific–practical conference on the 300th anniversary of the Russian police and the 100th anniversary of the Soviet police. Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. – 2017. – pp. 73–79.

4. Volynsky A.F. Crimes in the economic sphere: organization and methodology of the investigation // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 2 (34). – pp.105–106.

5. Golubyatnikov S.P. Economic forensics: stages of formation, development prospects // Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, support practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. № 1. – pp. 50–60.

6. Gribunov O.P. Theoretical foundations and applied aspects of the disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed in transport: dr. jurid. sci. diss. abstr.: 12.00.12 / Gribunov Oleg Pavlovich; Rostov-on-Don, 2016. – 53 p.

7. Gribunov O.P., Vardanyan A.V. Applied tasks and preventive operations of criminalistic prevention of crimes against property in transport // Law enforcement activities in modern conditions. Collection of materials of the XXI international scientific-practical conference. 2016. pp. 326–331.

8. Yeremin S.G. General principles of using the methods of documentary control in accounting in order to detect signs of crimes // Business in law. – 2006. – № 3–4. – pp.14–21.

9. Zhuravlev, S.Yu., Polyakova, M.A. The use of special knowledge in the investigation of economic crimes // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. № 1 (10). – pp.66–71.

10. Lekhanova E.S. Problems of forensic adaptation of judicial-economic knowledge to the tasks of solving and investigating crimes // Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. No. 2 (9). – pp. 91–95.

11. Malykhina E.A. The technique of investigation of plunders of component parts of objects of a railway transportation: cand. jurid. sci. diss.: 12.00.12 / Malykhina Ekaterina Anatolevna; Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Rostov-on-Don, 2018 – 28 p.

12. Mozhaeva I.P. Forensic theory of the organization of investigation of crimes: current state and prospects // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 4 (36). – pp.81–85.

13. Basics of accounting and forensic accounting. Textbook / Golubyatnikov S.P., Kudryavtseva N.V.; Ed. Ostroumov S.S. – M.: Legal. lit., 1976. – 336 p.

14. Permyakov A.L. The technique of investigation of fraud connected with realization of investment projects at the enterprises of a railway transportation: diss ... cand. jurid. sci: 12.00.12 / Permyakov Andrey Leonidovich; Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – Rostov-on-Don, 2016. – 27 p.

15. The text of V.A. Kolokoltsev' official statement at the extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 28, 2018. URL: <https://mvd.rf/document/> (accessed 02.10.2018).

16. Chinenov E.V., Shchukin V.I. Economic crimes committed on the objects of railway transport as an object of forensic scientific analysis // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 1 (84). – pp.90–103.

17. Yablokov N.P. Forensic investigation technique: history, current state and problems / N. P. Yablokov. – Moscow: Norma: Infra-M, 2016. – 190 p.

УДК: 343.91

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00023

Хармаев Юрий Владимирович
заведующий кафедрой уголовного
процесса и криминалистики Бурятского
государственного университета
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики
Бурятия,
e-mail: kharmaev@mail.ru

Kharmaev Yury Vladimirovich
head of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
candidate of juridical sciences,
associate professor,
honored lawyer of the Republic
of Buryatia, Buryat State University
e-mail: kharmaev@mail.ru

Батоев Владимир Батоевич
заместитель начальника кафедры опе-
ративно-розыскной деятельности и спе-
циальной техники в органах внутренних
дел Восточно-Сибирского института
МВД России
кандидат юридических наук, доцент
e-mail: Vbatoev@mail.ru

Batoev Vladimir Batoevich
deputy head of the Department of
Operational-Search Activity and Special
Technology in the Internal Affairs
Bodies of the East-Siberian Institute of
the Ministry of Internal Affairs of Rus-
sia, candidate of juridical sciences,
associate professor
e-mail: Vbatoev@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛИДЕРАМ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ¹

Введение: авторы анализируют точки зрения специалистов уголовного права и криминологов, практических работников правоохранительных органов по поводу интерпретации поправок, предложенных Президентом Российской Федерации в ст. 210 УК РФ, связанных с усилением уголовной ответственности лидеров преступных формирований. Солидаризируясь с мнением участников дискуссии, следует признать необходимость целенаправленной работы по противодействию проявлениям организованной преступности, особенно ее лидеров.

Материалы и методы: материалами исследования явились международно-правовые (в том числе источники Европейского Суда по правам человека) и отечественные законодательные уголовно-правовые акты, нормы оперативно-розыскного законодательства, а также теоретические изыскания известных ученых по проблемам противодействия организованной преступности. В рамках диалектического метода и во взаимосвязи с ним в ходе исследования использо-

¹ Статья подготовлена в рамках инновационного Гранта БГУ 2019 № 19-14-0502.

вались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, логический и др.), так и специальные методы (наблюдения, контент-анализ, статистический и др.).

Результаты исследования: авторы признают, что современные реалии, несомненно, нуждаются в дополнительной научной проработке и практической апробации тех нововведений в отечественное уголовное законодательство, которое послужило бы адекватным ответом на вызовы и посягательства организованной преступности.

Выводы и заключения: в ходе исследования авторами обоснована собственная позиция и определены наиболее приоритетные аспекты при реализации нововведений в отечественное законодательство, связанное с усилением уголовной ответственности в отношении лидеров организованных преступных формирований. Представляется, что для более эффективного достижения целей в данном направлении необходимо использование мер оперативно-розыскного обеспечения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, организованная преступность, «воры в законе», уголовный закон, поправки, противодействие, профилактика.

OPERATIVE SEARCH COUNTERING THE LEADERS OF ORGANIZED CRIMINAL GROUPS: PROBLEM SOLVING

Introduction: in the article, the authors analyze the points of view of criminal law and criminology specialists, practitioners of law enforcement agencies on their opinion on the amendments made to article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. These changes were made by the President of the Russian Federation with regard to the increased criminal liability of the criminal leaders. Taking into account the opinion of the discussion participants, the need for purposeful work in countering the manifestations of organized crime, especially on the part of its leaders is recommended

Materials and methods: the research materials are international law (including sources of the ECHR) and local criminal laws and regulations, norms of operational search legislation, as well as theoretical studies of well-known scientists on the countering organized crime issues. Within the framework of the dialectical method and in conjunction with it, there are both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, logical, etc.) and special methods (observation, content analysis, statistical, etc.).

Results: the authors admit that modern realities undoubtedly need additional scientific study and practical approbation of those innovations in the local criminal legislation, which would be an adequate response to the challenges and encroachments of organized crime.

Summary and conclusions: in the course of the study, the authors justified their own position and identified the most priority aspects in the implementation of changes made to the domestic legislation related to the increased criminal liability of

criminal leaders. It is recommended to use the measures of operational search support to implement aims more effectively in this direction.

Keywords: organized crime, “thieves in law”, criminal law, amendments, counteraction, prevention.

В последние три–пять лет в средствах массовой информации и в специальной литературе, посвященной проблемам девиантности несовершеннолетних, регионы Забайкальского края, Бурятии, Иркутской области уже достаточно устойчиво ассоциируются с негативными проявлениями, связанными с криминальной субкультурой. Вполне закономерно, что в Бурятском государственном университете им. Доржи Банзарова в 2017 г. прошла всероссийская конференция, посвященная проблемам противодействия криминальной субкультуре. По результатам конференции были не только подготовлены практические рекомендации, но и выпущен сборник статей и тезисов [1].

Криминальная субкультура была, есть и будет, пока существует преступность, пока будут существовать лица, придерживающиеся своих взглядов, принципов, отличных от общепринятых в связи с их существующим правовым статусом – положением преступников. Уровень распространенности криминальной субкультуры в регионе, в стране будет зависеть от многих объективных и субъективных факторов. Немаловажное значение на распространение этого негативного явления в обществе, особенно в молодежной среде, оказывает пенитенциарная политика государства по отношению к осужденным в разные исторические времена.

Политика государства с реализацией таких уголовных наказаний, как ссылка и каторга, имела особое значение на распространение криминальной субкультуры на территории Сибири и Забайкалья [2, с. 443]. В советский период повышенная концентрация исправительных учреждений в окраинных регионах страны, а впоследствии введение уголовного наказания с обязательным привлечением к труду («химия» на стройках химической промышленности в Восточно-Сибирском регионе) также повлияли на распространение обычаев и традиций преступного элемента и на менталитет местного населения.

В исследованиях, посвященных криминологической характеристике организованной преступности, одним из ее важнейших элементов выделяют институт лидерства, так называемой элиты воровского движения или воров в законе.

В отечественном уголовном законодательстве ожидаются дополнения в ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. Как отмечают многие специалисты, президентская поправка может нанести внушительный и ощутимый удар по лидерам криминальных сообществ.

Разумеется, такие поправки не могли появиться ниоткуда. В 2005 г. в Грузии во времена президентства М. Саакашвили уголовно наказуемой стала сама принадлежность к воровскому сообществу. В уголовном кодексе Грузии появилась статья «Членство в воровском сообществе. Вор в законе». В соответствии со ст. 223.1 УК Грузии за членство в воровском сообществе предусматривается ли-

шение свободы сроком от пяти до восьми лет со штрафом или без него, а «ворам в законе» грозит тюрьма сроком от семи до 10 лет со штрафом или без него [4, с. 43]. По статистическим данным Генеральной прокуратуры Грузии с 2012 по 2017 г. к уголовной ответственности по ст. 223.1 были привлечены 146 лиц [5].

Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) признал, что уголовное законодательство Грузии, позволяющее привлекать к уголовному наказанию за титул «вора в законе» и причастность к преступной иерархии, не нарушает Европейскую конвенцию о защите прав человека. Такой вывод содержится в постановлении ЕСПЧ по делу «Ашларба против Грузии» (2014 г.) [6]. ЕСПЧ, проводя параллели с предыдущими решениями по делам об участниках «других организаций мафиозного типа», в своем постановлении признал законодательные акты грузинских властей способными «эффективно бороться с этой преступной деятельностью».

Подобное осмысление указанной проблематики предполагает комплексную оценку предстоящих нововведений в отечественное уголовное, уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, а также научную дискуссию по данному вопросу.

На страницах специальной литературы и в средствах массовой информации появились суждения как поддерживающие президентские поправки в УК РФ, так и противников указанного нововведения. В числе сторонников идеи усиления ответственности в отношении лидеров преступного сообщества известный российский криминолог В.С. Овчинский; директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности (г. Владивосток) А.Н. Сухаренко; бывший старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Т.Х. Гдлян; глава московского межрегионального профсоюза полиции М.П. Пашкин и др. [7]. В основе аргументаций указанных авторов лежит ссылка на одобренный ЕСПЧ документ по жалобе представителя «воровской семьи» из Грузии И. Ашларбы, который признан как не противоречащий и не нарушающий Европейскую конвенцию о защите прав человека. По мнению ученых следует перенести грузинский опыт, единственный положительный на постсоветском пространстве, в целях, если не искоренения, то минимизации влияния «воров в законе» на криминогенную обстановку в России. Справедливости ради необходимо указать, что схожие нормативные правовые акты, касающиеся «целевых» посадок преступных авторитетов, до Грузии применялись и активно применяются в Италии и США. Например, по делу Иванькова В.К., известного в криминальных кругах как «вор в законе» «Япончик», в 90-е годы осужденного к 9 годам лишения свободы за вымогательство и рэкет в США.

Как заверил депутатов заместитель комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной думы А.Е. Хинштейн, «по понятиям» представители этой категории осужденных не вправе отказываться от принадлежности к ней ни при каких условиях, отсюда следует, что уголовная ответственность будет неотвратима [8].

Противники же законопроекта, среди которых один из основоположников изучения организованной преступности А.И. Гуров; ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН А.А. Пионтковский; президент незави-

симого фонда «Центр политических технологий» И.М. Бунин; гендиректор Центра политической информации, политолог А.А. Мухин; генерал-майор ФСБ А.Г. Михайлов и другие, не согласны с такой позицией и приводят собственные суждения.

По их мнению, это прямое нарушение Конституции РФ и основополагающих принципов демократического государства. Они полагают, что привлечение лица к уголовной ответственности не за совершенное преступное деяние, а лишь за принадлежность к какой-либо социальной группе непременно повлечет за собой злоупотребления, что негативно отразится на правоохранительной деятельности в целом. Данная законодательная инициатива избыточна, жестока по своей сути и противоречит основному принципу права, согласно которому наказанию подлежит уголовно наказуемое действие, а не намерение его совершить. В нормах отечественного уголовного законодательства предусмотрена уголовная ответственность за соучастие в преступлениях, где организатору преступления отведена повышенная мера ответственности. Кроме того, для борьбы с рассматриваемой категорией преступников федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена ч. 4 в ст. 210 УК РФ. Нововведение определило, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, наказывается на срок от 15 до 20 лет лишения свободы или лишением свободы на пожизненный срок.

Разумеется, здесь возникает справедливый вопрос о критериях определения принадлежности того или иного лица к высшему звену преступной иерархии. Иными словами, оценка личности криминального авторитета должна быть на чем-то основана, для юристов это непреложное правило.

Безусловно, адвокатам будут представлены достаточно широкие возможности в действиях по юридической защите человека, которого обвинили в том, что он возглавляет преступную группировку только потому, что он соотносит себя к «воровскому сообществу».

Определенный скепсис у авторов вызывают и проявления коррупции в государственных и правоохранительных органах. Достаточно вспомнить материалы уголовных дел, возбужденных в отношении высокопоставленных сотрудников Главного следственного управления СК России по Москве Д.В. Никандрова, М.И. Максименко, А.Н. Ламонова, обвиняемых в получении особо крупной взятки в сумме 1 миллион долларов от представителей преступного сообщества, в частности от «вора в законе» по кличке «Шакро» [9, с. 12]. Современная организованная преступность давно обратила свой взор на государственно-властные структуры, и имеет, по мнению специалистов, определенный успех в данном направлении. В большинстве европейских государств, в том числе и в Италии, стало хорошим тоном демонстрировать неприязнь к так называемым преступным авторитетам. Успехи в противодействии российским «ворам в законе» отчетливо показывают судебные дела в отношении представителей верхушки преступных кланов из стран с постсоветского пространства, рассмотренные испанской Фемидой [10].

Для успешного и эффективного противостояния «ворам в законе» необходимо срочно восстановить специализированные подразделения по борьбе с организованной преступностью, которые были ликвидированы в 2009 г., считают противники законопроекта.

Известный эксперт в области криминала М.П. Орский считает, что бороться с «ворами в законе» такими репрессивными методами неразумно. «Это приведет к нарушению иерархии внутри огромного преступного сообщества, породит там хаос. Зачем добивать остатки? Кто будет держать улицу? Кто будет контролировать ситуацию с этнической преступностью?» [11].

Неоднозначность подходов к оценке и оперативно-розыскной характеристике современной организованной преступности, а также к способам и средствам противодействия высшему звену преступной иерархии, несомненно, нуждается в глубокой научной проработке и осмыслении посредством анализа оперативно-розыскной, следственной и судебной практики.

В рамках данного исследования представляются интересными обе позиции, что позволяет рассмотреть и оценить рациональные предложения одних авторов, сопоставив с рассуждениями других. Следует согласиться с В.С. Овчинским и А.Н. Сухаренко, которые отметили, что основная проблема в реализации президентских законодательных поправок заключается в том, что информация о принадлежности лица к категории «воров в законе» и другим лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, содержится, как правило, в материалах оперативно-розыскной деятельности [6].

Отсюда следует необходимость качественного усовершенствования оперативно-розыскного обеспечения и повышения роли оперативно-розыскной деятельности в деле наступательного и эффективного противодействия деятельности лидеров организованных преступных формирований. Разумеется, такое невозможно представить без создания или восстановления специализированных структур по борьбе с организованной преступностью, которые ранее эффективно обеспечивали развитие информационно-аналитической деятельности оперативных подразделений субъектов ОРД, включая обработку открытой и закрытой оперативно значимой информации, касающейся деятельности организованной преступности, в том числе и лидеров организованных преступных сообществ.

Справедливости ради необходимо также указать, что опасения авторов, критикующих поправки в ст. 210 УК РФ, небезосновательны в силу того, что представители преступных формирований, тем более высшего звена, будут адекватно и своевременно реагировать на все изменения и дополнения, вносимые в отечественное законодательство по данному вопросу.

При этом фактически отсутствуют какие-либо гарантии по поводу того, что на очередных «сходках» лидеры организованных преступных формирований не определяют линию дальнейшего поведения, в частности по вопросам представления информации или самоидентификации с «воровским движением». Иными словами, трансформация и изменения в «понятиях» также неизбежны, чему есть свидетельство, когда в послевоенное время проходила так называемая

«сучья» война, а равно и в 90-е годы прошлого столетия происходила «ломка старых воровских традиций» с последующим переделом сфер влияния.

В силу проявлений в ряде случаев элементов «палочной системы» в оценке деятельности правоохранительных органов велика вероятность того, что данные законодательные инициативы и нововведения могут обернуться формализмом, где под «общую гребенку» будет происходить идентификация «воров в законе» или преступных авторитетов по принципу «я сознался – значит, я “вор в законе”» с последующей юридической квалификацией, доказыванием и привлечением к уголовной ответственности.

Таким образом, анализ различных подходов к обозначенной проблематике позволяет нам сделать следующие выводы. Рассматриваемая сфера общественных отношений весьма своеобразна и проблематична; обозначенные недостатки не носят исчерпывающего характера, и, несомненно, требуют дальнейшего научного осмысления и дискуссии на различных площадках. Полагаем, что состояние деятельности в сфере противодействия лидерам организованных преступных формирований в ряде случаев не отвечает скрытым угрозам и масштабам деятельности деструктивных элементов. Государству необходимо придать системный характер процессу взятия под должный контроль данного направления правоохранительной деятельности, в том числе посредством проведения фундаментальных научных исследований, тесного взаимодействия на международной арене по указанным вопросам, совершенствования правовой основы регулирования данной сферы жизнедеятельности и др.

Считаем, что принятие и вступление в силу президентских нововведений и поправок по усилению борьбы с лидерами организованных преступных формирований непременно предоставит уполномоченным на то субъектам действенный правовой механизм с последующей усовершенствованной организацией и тактикой оперативно-розыскной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Проблемы противодействия криминальной субкультуре: сб. материалов всерос. науч.-практич. конф. / науч. ред. Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. – М.: Юриспруденция, 2018. – 296 с.

2. Хармаев Ю.В. К вопросу о криминальной субкультуре: мифы и реальность // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12. – № 4. – С. 443–447.

3. Путин предложил за участие в воровских сходках сажать в тюрьму. URL: <https://newizv.ru/news/society/14-02-2019/putin-predlozhit-sazhat-v-tyurmu-za-uchastie-v-vorovskih-shodkah> (дата обращения 04.04.2019 г.).

4. Трунцевский Ю.В., Сухаренко А.Н. Правовое регулирование борьбы с «ворами в законе» в странах СНГ // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 2 (89). – С. 43–47.

5. Сухаренко А.Н. Управа на «законников». URL: <http://www.index.org.ru/nevol/2017-53/11-53-suprava.html> (дата обращения 04.04.2019 г.).

6. Овчинский В.С., Сухаренко А.Н. Мафия под прицелом Путина. URL: http://zavtra.ru/blogs/mafija_pod_pritcelom_putina (дата обращения 04.04.2019 г.).
7. Назвался вором – садись в тюрьму? Эксперты оценили предложение президента. URL: <https://newizv.ru/news/society/15-02-2019/nazvalsya-vorom-sadis-v-tyurmu-eksperty-otsenili-predlozhenie-prezidenta> (дата обращения 04.04.2019 г.).
8. Сыромятников Н. Как повлияет закон о ворах в законе на криминальный мир. URL: <https://russian7.ru/post/kak-povliyaet-zakon-o-vorakh-v-zakone-na-k/> (дата обращения 04.04.2019 г.).
9. Машкин С. Компромат из самовара // Коммерсантъ. – 2016. – № 186.
10. Испанская прачечная российских авторитетов. URL: <http://www.mzk1.ru/2017/09/ispanskaya-prachechnaya-rossijskix-avtoritetov/> (дата обращения 04.04.2019 г.).
11. Путин объявляет войну криминальным королям. URL: general-ivanov1.livejournal.com/244199.html (дата обращения 04.04.2019 г.).

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Problems on countering the criminal subculture: collection of articles (materials of the all-Russian scientific-practical conference held on December 8, 2017) / sci. ed. Yu.V. Kharmaev, E.L. Radnaeva. - M.: Jurisprudence, 2018. - 296 p.
2. Kharmaev Yu.V. On the issue of the criminal subculture: myths and reality // Penal law. 2017. V. 12. No. 4. pp. 443-447.
3. Putin offered to imprison for attending thief meetings [Electronic resource]. Access mode: <https://newizv.ru/news/society/14-02-2019/putin-predlozhit-sazhat-v-tyurmu-za-uchastie-v-vorovskih-shodkah> (Appeal date 04/04/2019).
4. Truntsevsky Yu.V., Sukharenko A.N. Legal regulation on fighting against “thieves in law” in the CIS countries // International public and private law. 2016. № 2 (89). pp. 43-47.
5. Sukharenko A.N. Managing the “legalists” [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.index.org.ru/nevol/2017-53/11-53-suprava.html> (Appeal date 04/04/2019).
6. Ovchinsky V.S., Sukharenko A.N. Mafia under the gun of Putin [Electronic resource]. Access mode: http://zavtra.ru/blogs/mafija-_pod_pritcelom_putina (Appeal date 04/04/2019).
7. Call yourself a thief – go to prison? Experts assessed the proposal of the president [Electronic resource]. Access mode: <https://newizv.ru/news/society/15-02-2019/nazvalsya-vorom-sadis-v-tyurmu-eksperty-otsenili-predlozhenie-prezidenta> (Appeal date 04/04/2019).
8. Syromyatnikov N. How the law on thieves in law affects the criminal world [Electronic resource]. Access mode: <https://russian7.ru/post/kak-povliyaet-zakon-o-vorakh-v-zakone-na-k/> (Appeal date 04.04.2019).
9. Mashkin S. Incriminating evidence from a samovar // Kommersant № 186. dated 10/07/2016. p.12.

10. Spanish laundry of the Russian authorities [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.mzk1.ru/2017/09/ispanskaya-prachechnaya-rossijskix-avtoritetov/> (Appeal date 04/04/2019).

11. Putin declares war to criminal kings [Electronic resource]. Access mode: general-ivanov1.livejournal.com/244199.html (Appeal date 04/04/2019).

УДК 342.9; 12.00.14

DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00024

Иванова Светлана Ивановна

начальник кафедры административной деятельности ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России
кандидат юридических наук, доцент
8(3452)598476, Sivanova49@mvd.ru

Ivanova Svetlana Ivanovna

head of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
8(3452)598476, Sivanova49@mvd.ru

Новичкова Елена Евгеньевна

доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

Novichkova Elena Evgenievna

associate professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: qwerpoi07@rambler.ru

**ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ
НА ОБНАРУЖЕНИЕ ОРУДИЙ СОВЕРШЕНИЯ ИЛИ ПРЕДМЕТОВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, А ТАКЖЕ ИНЫХ
ПРЕДМЕТОВ, ЗАПРЕЩЕННЫХ К ОБОРОТУ**

Введение: в статье подробно рассмотрены меры административного принуждения, направленные на обнаружение орудий совершения, предметов административного правонарушения, а также предметов, запрещенных к обороту и создающих угрозу окружающим. Авторами рассмотрены все виды досмотров и осмотров, встречающихся в нормативных правовых актах, актах управления органов внутренних дел, акцентируется внимание на значительных процедурных отличиях, усложняющих деятельность правоприменителей.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляет административное законодательство, нормы, регулирующие порядок применения мер пресечения. Исследование опирается на труды авторитетных ученых в области административного права. Методологической основой является сравнительный анализ отдельных актов государственного и внутриведомственного управления, методы обобщения, описания.

Результаты исследования: позволили выявить значительное количество актов управления, содержащие равнозначные по целям и методам, но различные по содержанию виды досмотровых мероприятий, не определяющих порядок их проведения, тактики действий сотрудников полиции при применении данных мер.

Выводы и заключения: в результате исследования авторы приходят к выводу о необходимости изменения законодательства в части применения отдельных мер административного принуждения, унификации ряда административных процедур, связанных с досмотром (осмотром) граждан, вещей, предметов, транспорта, помещений.

Ключевые слова: личный досмотр, наружный досмотр, осмотр; досмотр транспортного средства, меры принуждения.

CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE MEASURES AIMED AT DETECTION OF INSTRUMENTS OF THE COMMISSION OR OBJECTS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES, AND ALSO OTHER OBJECTS INVOLVED IN ILLICIT TRAFFIC

Introduction: the article conducts a detailed review of measures of administrative coercion aimed at detecting the instruments of commission, objects of an administrative offense, as well as objects prohibited from circulation, and creating a threat to others. The authors conduct a detailed review of all types of search and inspections found in regulatory legal acts, acts of the internal affairs administration, focusing on the significant procedural differences that complicate the activities of law enforcers.

Materials and methods: the regulatory framework of the study is administrative legislation, rules governing the application of preventive measures, the authors in their study rely on the work of reputable scientists in the field of administrative law. The methodological basis is a comparative analysis of individual acts of state and internal management, methods of generalization, description.

Results: allowed to reveal a significant number of management acts containing equivalent in purposes and methods but different in content types of inspection activities that do not determine the order of their conduct, tactics of actions of police officers when applying these measures.

Summary and conclusions: as a result of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to change the legislation in terms of the application of certain administrative coercion measures, unification of a number of administrative procedures related to the inspection (search) of citizens, things, objects, vehicles, premises.

Keywords: personal search, outdoor inspection, inspection, vehicle inspection, coercive measures.

В своей служебной деятельности сотрудники полиции ежедневно сталкиваются с необходимостью применения мер административного воздействия, в частности принуждения. Бесспорно, соблюдая основной принцип деятельности полиции, закрепленный федеральным законом № 3-ФЗ «О полиции» – законность, сотрудники полиции руководствуются действующим законодательством, который регламентирует полномочия, основания и порядок применения некоторых мер административного принуждения. Сотрудники полиции при реализации своих функций руководствуются огромным количеством норм, правил, которые в отдельных случаях противоречат друг другу, либо не содержат подробных разъяснений порядка их применения. Такие противоречия порождают двусмысленное толкование норм, создают серьезные проблемы должностным лицам, осуществляющим деятельность по поддержанию правопорядка и реализующим полномочия, в том числе по применению мер административного принуждения.

Отдельные меры административного принуждения находят отражение в Кодексе РФ об административных правонарушениях (глава 27) и являются мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которые применяются при осуществлении производства и направлены на «пресечение административного правонарушения, установление личности нарушителя, составление протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнение принятого по делу постановления» (ст. 27.1 КоАП РФ)¹.

Перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях закреплен главой 27 Кодекса РФ об административных правонарушениях. К числу таких мер относятся, в частности, личный досмотр, досмотр вещей и транспортных средств, осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий или находящихся там вещей и документов, которые нашли отражение в ст. ст. 27.7, 27.8 и 27.9 КоАП РФ.

Целью любого мероприятия по досмотру лица, предметов, вещей, помещений является обнаружение орудий совершения или предметов административного правонарушения в соответствии с нормами КоАП РФ. Как следует из статей КоАП РФ, осмотром или досмотром является обследование лица, предмета, проводимое без нарушения их конструктивной целостности. Особенности проведения досмотровых мероприятий также предусмотрены Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Необходимо отметить, что порядок реализации мер, связанных с обследованием вещей, предметов, урегулирован и иными актами управления. Так, Устав

---

¹ Кодекс об административных правонарушениях от 20 дек. 2001. № 195-ФЗ (в ред. от 01.06.2017) // СЗ РФ. – 2002. – № 1.

патрульно-постовой службы полиции¹ содержит «наружный досмотр одежды и вещей», где предусмотрена мера административного принуждения – наружный досмотр, а ФЗ О полиции² предусматривает право сотрудника на проведение личного осмотра граждан при проведении публичных массовых мероприятий, не детализируя тактику его проведения.

В отличие от досмотров, основания и порядок проведения которых регулируется КоАП РФ, указанное выше мероприятие направлено на обеспечение безопасности самих сотрудников, а также участников публичных мероприятий.

Личный досмотр предусматривает обязательное присутствие не менее двух понятых одного и того же пола с досматриваемым, проведение же наружного досмотра и личного осмотра присутствия понятых не требует. Необходимо отметить, что требования КоАП РФ об обязательном присутствии понятых распространяется только на проведение личного досмотра, тогда как проведение иных процедур, направленных на обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, предоставляет возможность фиксировать досмотры (осмотры) видеотехникой.

Как уже было сказано, в Уставе ППСП не отражается тактика проведения наружного досмотра, но указывается на необходимость досмотра одежды и вещей при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления. А.К. Дубровин, говоря о тактике проведения наружного досмотра, обращается к Наставлению по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел 1999 г. [3, с. 234]. Более поздний аналогичный акт внутриведомственного управления также предусматривает порядок проведения наружного досмотра (п. 63 Наставления). Его особенности дают основание полагать, что подобные мероприятия проводятся в отношении лиц, заведомо представляющих угрозу гражданам и самим сотрудникам³.

А.К. Дубровин обращает внимание на отсутствие в Уставе ППСП порядка проведения досмотра лица, совершившего административное правонарушение. Невозможно не согласиться с таким утверждением. К тому же тактика проведения досмотра лица законодательно не закреплена.

В нормативных правовых актах встречаются и иные виды мер, направленных на обнаружение предполагаемых предметов совершения и орудий противоправных деяний, а также предметов, запрещенных к обороту. К примеру, УПК РФ предусматривает личный обыск, основанием для проведения которого является наличие достаточных данных полагать, что у лица находятся орудия преступления и иные предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела. Осуществляется он в присутствии понятых по постановлению следователя,

---

¹ Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ от 29 янв. 2008 г. № 80 // Бюл. нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2008. – № 27. – 7 июля.

² О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: принят Гос. Думой 28 янв. 2011 г., одобрен Советом Федерации 2 февр. 2011 г. // Рос. газ. – 2011. – № 25. – 8 мая.

³ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450.

дознателя, с санкции суда с целью обнаружения орудий преступления и иных предметов или документов, имеющих значение для уголовного дела (185 УПК РФ)¹.

Проведение досмотра вещей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений перед помещением их в изолятор временного содержания, урегулированный ведомственным актом управления, содержит особые требования к самой процедуре, не схожий с перечисленными выше, и цель его – обнаружение предметов, запрещенных к хранению и использованию в учреждении (п. 26 Правил внутреннего распорядка ИВС подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений)².

Федеральным законом «О порядке отбывания административного ареста»³ также предусмотрен личный досмотр перед помещением в специальный приемник, целью которого является обнаружение предметов, вещей и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию, а досмотр лиц, задержанных в административном порядке и доставленных в дежурные части территориальных органов МВД России, содержится в Наставлении, утвержденном приказом МВД РФ № 389 (п. 9 Наставления)⁴.

Таким образом, имеется значительный перечень различных по основаниям и равных по цели мер, каждая из которых предусматривает особый порядок проведения.

Вопросы применения мер административного воздействия неоднократно рассматривались в работах. А.К. Дубровина [3], М.В. Сергеева, О.А. Дизер [7], А.В. Равнюшкина [4], С.Б. Россинского [5] и др. Мнение ученых однозначно – в действующем законодательстве отсутствует единство норм, определяющих тактические аспекты рассматриваемых мер. Отсутствие единства дефиниций обуславливает различное их толкование субъектами правоприменения.

М.В. Сергеев и О.А. Дизер призывают законодателя четко разграничить данные меры в соответствии с задачами, возникающими перед сотрудниками правоохранительных органов [7].

С.Б. Россинский, рассматривая место личного обыска и его целесообразность в уголовном производстве, обращает внимание на необходимость проведения досмотра лица до возбуждения уголовного дела, когда результаты его

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г., одобрен Сов. Федерации 5 дек. 2001 г. // Рос. газ. – 2001. – № 249. – 22 дек.

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22.11.2005 № 950.

³ О порядке отбывания административного ареста: федеральный закон от 26.04.2013 № 67-ФЗ: принят Гос. Думой 10 апр. 2013 г., одобрен Советом Федерации 17 апр. 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – № 94. – 30 апр.

⁴ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД РФ от 30 апр. 2012 г. № 389.

очевидны и возможно на стадии задержания лица по подозрению в совершении преступления обнаружить предметы и вещи, имеющие отношение к делу, а не сводить процессуальные действия к формальности, когда в рамках возбужденного уголовного дела следователь проводит личный обыск во исполнение требований ст. 184 УПК РФ, который не имеет на данной стадии познавательного значения [5, с. 85].

Кроме досмотра лица и вещей, законодательством закреплено право должностных лиц на проведение мероприятий по досмотру транспортных средств. Возвращаясь к нормам КоАП РФ, обращаем внимание что досмотр транспортного средства любого вида, проводимый без нарушения его конструктивной целостности, как мера административно-процессуального обеспечения проводится для выявления орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Порядок проведения досмотра транспортного средства регламентирован положениями ст. 27.9 КоАП РФ.

Обеспечение сохранности и товарного внешнего вида являются своего рода принципами досмотра транспортного средства.

Кроме досмотра, который применяется в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, Административный регламент исполнения МВД осуществляет федеральный государственный надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения и для этого предусмотрена такая мера административного воздействия, как «осмотр транспортного средства, перевозимого груза»¹. Причем Административный регламент, кроме мер административного воздействия, дублирует КоАП РФ в части оснований и порядка применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, связанных с обследованием вещей, транспорта. Однако, если КоАП РФ целью определяет «обнаружение орудий совершения или предметов административного правонарушения», то разработчики регламента, утвержденного приказом МВД РФ от 23.08.2017 № 664, цель досмотра транспортного средства видят не только в обнаружении предметов, посредством которых административное правонарушение было совершено, но и в поиске «оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров либо ядовитых или радиоактивных веществ» при наличии оснований полагать, что данные вещества у досматриваемого имеются, а также при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения. Считаем данное толкование верным, поскольку при проведении любого из досмотров при обнаружении запрещенных предметов, веществ сотрудник полиции вправе их изъять, что будет

---

¹ Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения, утвержденный приказом МВД России от 23.08.2017 № 664.

являться основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, либо уголовного дела.

Говоря о порядке проведения досмотра транспортного средства, необходимо отметить, что указанный Административный регламент определяет порядок проведения досмотра транспортного средства как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, так и осмотра транспортного средства, перевозимого груза с участием водителя или граждан, сопровождающих грузы. Данная мера административного воздействия определяется как «визуальное обследование транспортного средства и перевозимого груза» (п.197–201 регламента) и основаниями для проведения данного мероприятия являются: «ориентировки, иная информация об использовании в противоправных целях; необходимость проведения проверки маркировочных обозначений транспортного средства и сверки их с записями в регистрационных документах; наличие признаков несоответствия перевозимого груза данным, указанным в сопроводительных документах на перевозимый груз». Право на проведение осмотра сотрудникам полиции предоставлено п. 20 ст. 13 ФЗ «О полиции», порядок же раскрывается Административным регламентом.

Возникает вполне логичный вопрос: если в ходе досмотра транспортного средства у сотрудника появились подозрения по поводу легальности перевозимого груза, либо регистрационных знаков, какой административной мерой будут являться данные действия – досмотром, либо осмотром? Необходимо ли составление акта осмотра транспортного средства и последующего протокола досмотра?

Обнаружение в рамках осмотра признаков, указывающих на наличие административного правонарушения, влечет выполнение обеих процедур в полном объеме, т. е. осмотр и последующее обнаружение признаков административного правонарушения будет являться поводом возбуждения дела об административном правонарушении.

Однако анализируя нормы, регулирующие порядок проведения осмотра и досмотра транспортного средства, невозможно не обратить внимание на тот факт, что основания проведения осмотра – информация о противоправности действий водителя, необходимость сверки регистрационных номеров (подозрения что номера не совпадают с имеющимися в документах), по нашему мнению, также могут являться признаками административного правонарушения, а значит, осмотр и досмотр транспортного средства можно рассматривать как равные по целям, значению и основаниям.

В отличие от досмотра лица, вещей, транспортного средства, КоАП РФ в качестве меры обеспечения производства мероприятия по обследованию помещений территорий называет «осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов» (ст. 27.8 КоАП РФ). КоАП РФ не определяет цели проведения осмотра помещений, территорий, однако предусматривает при составлении протокола осмотра фиксировать в нем идентификационные признаки обнаруженных вещей и реквизитов документов. Учитывая, что подробного описания

тактики проведения осмотра нет, можно предполагать, что данное мероприятие по своим целям и порядку проведения соответствует осмотру места происшествия, регламентированного ст. 176 УПК РФ «осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Заметим, что законодатель не счел необходимым предусмотреть общей меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которая бы давала право на проведение осмотра места совершения административного правонарушения должностному лицу при выявлении признаков правонарушения, но включил в главу 27 КоАП РФ осмотр помещений, территорий, используемых при осуществлении предпринимательской деятельности.

Отметим, что с момента вступления Кодекса РФ об административных правонарушениях в законную силу (июль 2002) и до 2007 г. КоАП РФ вообще не предусматривал проведение осмотра места совершения административного правонарушения, впоследствии ФЗ от 24 июля 2007 г. № 210¹ были внесены изменения в 28 главу, где появилась ст. 28.1.1 (Протокол осмотра места совершения административного правонарушения), которая давала право на проведение осмотра лишь по двум статьям 12 главы за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, где следствием является причинение вреда здоровью.

Удивительно, что законодатель, дополняя КоАП РФ таким процессуальным действием, как осмотр места происшествия при выявлении административного правонарушения, не включил его в перечень мер обеспечения производства, и предусмотрел данное действие только в отношении двух составов.

Н.Ю. Букша и А.Л. Коровников обращают внимание на недопустимость признания законной сложившейся практики получения доказательств по делу об административном правонарушении из источника, не предусмотренного административно-процессуальным законодательством. В связи с этим они предлагают внести изменения, изложив ч. 1 ст. 28.1.1 КоАП РФ в следующей редакции: «Осмотр места совершения административного правонарушения проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих выяснению по делу. Протокол осмотра места совершения административного правонарушения составляется в ходе осмотра или непосредственно после его окончания. В случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, протокол осмотра места совершения административного правонарушения составляется обязательно» [2, с. 206].

Считаем нецелесообразным правовое ограничение действий должностных лиц в рамках осуществления производства по делам об административных правонарушениях, предусматривая применение отдельных процессуальных действий по отношению к некоторым составам административных правонаруше-

---

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ: принят Гос. Думой 6 июля 2007 г., одобрен Сов. Федерации 11 июля 2007 г. // Рос. газ. – 2007. – № 164. – 31 июля.

ний, и исключая возможность применения этих же мер по отношению к иным видам правонарушений. Аналогичное мнение высказывают Д.Н. Техов [8] и Н.С. Семенов [6].

Полагаем, что осмотр места происшествия должен быть включен в перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применение осмотра места происшествия должно быть возможным при выявлении любого административного правонарушения в целях изучения и фиксации обстановки совершения административного правонарушения, а также обнаружения и изъятия предметов и орудий административного правонарушения. Это обусловлено тем, что осмотр как процессуальное действие фактически обеспечивает производство по делу, дает возможность, как указано в ч. 1 ст. 27.1, правильно рассмотреть дело об административном правонарушении, а протокол осмотра является необходимым доказательным документом в суде.

Соглашаясь с мнением авторов, на научные труды которых мы опирались в своем исследовании, считаем, что все рассмотренные административные меры схожи по основаниям, целям, тактическим действиям и последствиям, в связи с чем, чтобы исключить сложности в понимании и применении данных действий, необходимо создать универсальную основу процедуры досмотра с учетом особенностей объекта досмотра, масштабов мероприятия, применение которой будет возможно во всех случаях, где это необходимо, связанных с преступлениями и административными правонарушениями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белов С.В., Водяная М.Ю. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции // Актуальные проблемы административной деятельности полиции: сб. материалов по итогам всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2015. – С. 410–416.
2. Букша Н.Ю., Коровников А.Л. Осмотр места совершения административного правонарушения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10. – С. 204–206. URL: <https://cyberleninka.ru>
3. Дубровин А.К. Особенности материальных и процессуальных норм, регулирующих досмотр граждан, подозреваемых в совершении преступлений и административных правонарушений // Пробелы в Российском законодательстве. – 2016. – С. 233–236. URL: <https://cyberleninka.ru>
4. Равнюшкин А.В. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 137–141. URL: <https://cyberleninka.ru>
5. Россинский С.Б. Что такое личный обыск при задержании подозреваемого: следственное действие, непроцессуальное мероприятие или пустая формальность? Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 1. – С. 80–89. URL: <https://cyberleninka.ru>
6. Семенов Н.С. О некоторых проблемах применения административного принуждения в целях обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 1 (28). – С. 257–261.

7. Сергеев М.В., Дизер О.А. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 38–44. URL: <https://cyberleninka.ru>

8. Техов Д.Н. Правовые проблемы осмотра места административного правонарушения // Административное право и административный процесс: Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 41–45. URL: <https://cyberleninka.ru>

BIBLIOGRAPHIC LINKS

1. Belov S.V., Vodyanaya M.Yu. Outdoor inspection as a measure of the personal safety of a police officer // Actual problems of administrative police activities: col. Of materials on the basis of all-Russian scientific-practical conf. Krasnodar, 2015. pp. 410-416.

2. Buksha N.Yu. Korovnikov A.L. Inspection of the place of the administrative offense: Humanitarian, socio-economic and social sciences № 10 2014 pp. 204-206. // [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

3. Dubrovin A.K. Features of the material and procedural rules governing the inspection of citizens suspected of committing crimes and administrative offenses. Gaps in the Russian legislation. No. 2016, pp. 233-236. [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

4. Ravnyushkin A.V. Outdoor inspection as a measure of ensuring the personal safety of a police officer. Legal science and law enforcement practice. No. 3 (41) 2017, pp. 137-141. [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

5. Rossinsky What is a personal search when a suspect is detained: an investigative action, a non-procedural event or a mere formality? Judiciary and criminal process. № 1. 2017, pp. 80-89. [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

6. Semenov N.S. On some problems of the use of administrative coercion in order to ensure road safety. - Krasnodar: Publishing house Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, No. 1 (28). pp. 257-261.

7. Sergeev, M.V., Dizer, O.A. Issues of regulation of inspection and inspection activities carried out by police officers in relation to individuals. Legal science and law enforcement practice. № 3 (45) 2018 pp. 38-44. [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

8. Tekhov D.N. Legal problems of examining the site of an administrative offense: Administrative law and administrative process: Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 2013. pp. 41-45. // [Electronic resource] - access mode: <https://cyberleninka.ru>

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегия не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети «Интернет».

14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.

15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора

размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных прав на произведение. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 10 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Cyr).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (*например, [2, с. 46]*).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения

(при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 Номенклатурой специальностей научных работников.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получить отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 2 (89) 2019

НИиРИО ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
ул. Лермонтова, 110